

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*А. Т. Григорьян, В. И. Кузнецов, Б. В. Левшин,
С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь),
В. Н. Сокольский, Ю. И. Соловьев,
А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
А. П. Юшкевич, А. Л. Яншин (председатель),
М. Г. Ярошевский*

Л. И. Зорина

Онисим Егорович

КЛЕР

1845—1920

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
А. М. ДЫМКИН

МОСКВА
«НАУКА»

1989

ББК 26.89.(2Р36)

З 86

УДК 908(092) Клер 1845/1920

Рецензенты:

канд. геол.-минерал. наук В. Р. КЛЕР,
канд. геогр. наук Е. В. ЯСТРЕБОВ

Зорина Л. И.

З 86 Онисим Егорович Клер. 1845—1920/Отв. ред.
А. М. Дымкин. — М.: Наука, 1989. — 128 с., ил.
(Научно-биографическая литература).
ISBN 5-02-005888-2

Эта книга посвящена биографии замечательного ученого-краеведа, исследователя Урала Онисима Егоровича Клера, по инициативе которого было создано Уральское общество любителей естествознания. Этим обществом О. Е. Клер руководил около полувека. Клер был членом и почетным членом более 20 научных обществ и учреждений (Археологического, Географического, Минералогического и др., Нью-Йоркской академии наук и т. д.).

Для читателей, интересующихся историей отечественной науки.

З $\frac{1401020000-087}{054(02)-89}$ 30-89-НПЛ

ББК 26.89.(2Р36)

ISBN 5-02-005888-2 © Издательство «Наука», 1989

От автора

В конце XIX—начале XX в. имя уральского ученого-краеведа О. Е. Клера было хорошо известно не только на Урале, но и широким научным кругам России, многим зарубежным ученым. В течение 50 лет он стоял во главе общественно-краеведческого движения Уральского края, его деятельность неразрывно была связана с Уральским обществом любителей естествознания (УОЛЕ) — одной из крупнейших и авторитетнейших краеведческих организаций в стране. Почти три десятилетия О. Е. Клер являлся бессменным ученым секретарем УОЛЕ, был организатором и хранителем его богатейшего музея, президентом в последние годы своей жизни и постоянно — редактором «Записок» Общества. Наряду с уральским ученым-энциклопедистом Н. К. Чупиным он считался крупнейшим знатоком Урала. Значителен был личный научный вклад О. Е. Клера в изучение края. Труды краеведа по ботанике, метеорологии, археологии высоко оценивались специалистами.

Будучи флористом-систематиком, О. Е. Клер опубликовал многочисленные списки уральской флоры, выявил целый ряд новых форм растений, открыл новый растительный вид (шелковник Кауфмана). Благодаря его организаторскому таланту и личным усилиям в музее УОЛЕ был создан огромный гербарий. Ныне он хранится в Институте экологии растений и животных УНЦ АН СССР. Сотрудник этого института доктор биологических наук П. Л. Горчаковский отмечал в 1960 г.: «Созданием „клеровского“ гербария было положено начало планомерного накопления ботанических коллекций на Урале, этот гербарий сыграл важную роль в познании уральской флоры и не утратил своего значения до настоящего времени»¹.

Будучи метеорологом-исследователем климата Урала, О. Е. Клер стоял у начала организации широкой

¹ Горчаковский П. Л. О. Е. Клер — исследователь флоры Урала // Ботан. журн. 1960. Т. 45, № 9. С. 1389.

сети метеорологической службы в крае, постановки ее на прочную научную основу.

Ученый был одним из первых уральских археологов, открывателем и исследователем ряда местных памятников древнейшей культуры, составителем первой археологической карты восточной части Урала.

О. Е. Клер оставил заметный след в истории уральской педагогики как прогрессивный преподаватель-воспитатель, активно пропагандировавший новые формы обучения — наглядность, живую связь с природой, самостоятельность учащихся в изучении естествознания.

Одной из сторон многогранности краеведа являлось его участие в промышленном освоении горных богатств Урала. Он был среди организаторов первых асбестовых разработок в районе будущего знаменитого Баженовского месторождения.

Воссоздание личности столь разностороннего деятеля, как О. Е. Клер, — непростое дело. Оно требует глубокого проникновения в сугубо специальные области его научных интересов, соединения воедино самых различных граней деятельности, достаточно полного освещения богатого на события, лица, факты жизненного пути ученого. Этим, вероятно, и объясняется, что до сих пор не было написано научной биографии О. Е. Клера. Хотя библиография газетных и журнальных статей о краеведе обширна. Еще при жизни ученого о нем писали современники, главным образом по случаю очередного юбилея². Вскоре после смерти О. Е. Клера член УОЛЕ С. А. Удинцев опубликовал в «Записках» Общества первый большой биографический очерк об ученом³. Автор очерка близко знал краеведа в течение более чем трех десятилетий и свою работу писал отчасти на основе собственных воспоминаний, что придавало ей особую ценность. К созданию подробной биографии О. Е. Клера приступал А. А. Черданцев, много лет проработавший с ученым в УОЛЕ.

² Чествование О. Е. Клера // Екатеринбург. неделя. 1891. № 1; *Симский П.* Юбилей УОЛЕ // Урал. техник. 1910. № 11—12. С. 27—28; *Сюзев П. В.* 40-летие УОЛЕ в Екатеринбурге // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1911. Т. 12, вып. 2. С. 196—203; *Черданцев А. А.* К юбилею О. Е. Клера (12 февраля 1845 г.) // Заурал. край. 1915. 12 февр.; *Вирюков В. П.* Уральский дедушка науки // Урал. хоз-во. 1918. № 46. С. 13—14.

³ *Удинцев С. А.* О. Е. Клер: (Предварит. биогр. очерк) // Зап. УОЛЕ. 1924. Т. 39. С. III—IX.

Его рукопись, датированная 1940 г., так и осталась лежать неопубликованной в архиве Свердловского областного краеведческого музея (ныне Свердловский государственный объединенный историко-революционный музей — СГОИРМ)⁴. При написании своей работы А. А. Черданцев воспроизвел не только богатые личные наблюдения, но и запомнившиеся ему воспоминания самого О. Е. Клера, рассказы о нем родственников.

В советское время об О. Е. Клере напечатано немало, в основном это небольшие статьи юбилейного характера. Из наиболее крупных работ нужно отметить статью П. Л. Горчаковского, в которой сделана попытка показать роль ученого в изучении природы Урала⁵. Большой материал об О. Е. Клере как метеорологе имеется в книге «Свердловская магнитная и метеорологическая обсерватория. 1836—1936»⁶. В 1952 г. краткую характеристику жизни и научной деятельности О. Е. Клера поместил в своем биографо-библиографическом словаре «Русские ботаники» С. Ю. Липшиц⁷. При этом все, кто когда-либо писал об О. Е. Клере, едва лишь коснулись того богатейшего источниковедческого материала, который находится в архивах и содержится в печатных работах ученого.

При написании данной книги широко использованы, прежде всего, архивные документы личных фондов О. Е. Клера, его сыновей, археолога В. Я. Толмачева, материалы фонда УОЛЕ, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО)⁸. Особое значение среди них имеет эпистолярное наследие краеведа. За всю свою долгую жизнь на Урале О. Е. Клер написал множество писем, оставляя при этом копию каждого из них (вероятно, за редким исключением) в копирной книге. 15 таких внушительных по толщине книг на листах из тончайшей папирусной бумаги, содержащие несколько тысяч писем, являются поистине бесценным источником. Они не только помогают воссоздать в подробностях жизнен-

⁴ Архив СГОИРМа. 1970 г. Д. 571/б—163. Л. 14—27.

⁵ *Горчаковский П. Л.* Указ соч. С. 1386—1839.

⁶ Свердловская магнитная и метеорологическая обсерватория. 1836—1936. Свердловск, 1936. С. 34—39.

⁷ Русские ботаники: Биограф.-библиогр. словарь / Сост. С. Ю. Липшиц. М., 1952. Т. 4. С. 190—192.

⁸ ГАСО. Ф. 101, 139, 140.

ный путь краеведа, но и дают широкую картину жизни Урала последней трети XIX—начала XX в. Корреспондентские связи О. Е. Клера с уральскими деятелями науки, техники и культуры были обширны. Дружеские отношения связывали его с известным математиком И. М. Первушиным, полярным исследователем, уроженцем Урала К. Д. Носиловым, писателем Д. Н. Маминым-Сибиряком, пермскими краеведами А. А. Дмитриевым, В. Н. Шишонко, Н. Н. Новокрепченых, И. Я. Кривошековым, ботаником П. В. Сюзевым, лесничими Теплоуховыми, агрономом Н. Л. Скалозубовым и многими, многими другими примечательными личностями того времени. Письма этих людей к О. Е. Клеру несут в себе немало новых штрихов к их биографиям.

Большой интерес представляет переписка краеведа с видными русскими и иностранными учеными. В фондах О. Е. Клера и УОЛЕ хранятся автографы писем А. П. Карпинского, Д. И. Менделеева, А. Е. Ферсмана, И. П. Бородина, Л. П. Сабанеева, М. А. Рыкачева, И. В. Мушкетова, Ф. Нансена и др.

В работе были использованы материалы Свердловского государственного объединенного историко-революционного музея, имеющего в основе своей музейные коллекции УОЛЕ.

Автор благодарен за помощь при создании книги кандидату географических наук Н. П. Архиповой, доктору биологических наук П. Л. Горчаковскому, библиографам С. З. Гомельской и Л. И. Зыковой, журналисту Ю. А. Горбунову, кандидату геолого-минералогических наук Э. Ф. Емлину, кандидату биологических наук М. М. Сторожевой, кандидату исторических наук В. Т. Ковалевой, сотрудникам Свердловского государственного историко-революционного музея. Особую признательность хочется выразить правнуку О. Е. Клера, кандидату геолого-минералогических наук М. П. Покровскому, оказавшему немалое содействие в работе.

Глава I

На пути к Уралу

Детство и юность. Швейцария, Италия

Онисим Егорович Клер (George Onésime Clerc) родился 25 февраля 1845 г.¹ во французской части Швейцарии, в небольшом селении Корсель Невшательского кантона. Село располагалось на самом склоне Юрских гор, в нескольких километрах от главного города кантона — Невшателя. Отец Онисима — Жорж Клер — служил в нотариальной конторе писцом-клерком, кроме того, в зимнее время занимался традиционным для Швейцарии часовым ремеслом, а летом — садоводством. В семье, помимо старшего — Онисима, было еще четверо детей: Жорж, Урбэн, Ами и Мария.

Первыми учителями О. Е. Клера были его родители. Они пробудили в нем интерес к естествознанию, любовь к природе. Жорж Клер — страстный садовод — с ранних лет приучал детей к работе в саду. Мать — Марианна Клер (урожденная Кунц²) — была прекрасным знатоком лекарственных трав. Отправляясь за ними в лес, она часто брала с собой и старшего сына. От отца Онисим унаследовал также интерес к истории и археологии.

Невшатель, основанный еще римлянами, переходивший много раз из рук в руки гуннов, германцев, франков, сохранил немало исторических памятников. В часы досуга Клер-отец любил рыться в старинных летописях и книгах, бродить по окрестностям в поисках следов былых времен. О. Е. Клер навсегда запомнил рассказы отца, например о происхождении каменного

¹ Дата дается по новому стилю (в Швейцарии в XIX в. действовал григорианский календарь).

² Из рода матери О. Е. Клера вышел известный в конце XIX—начале XX в. минералог, академик, председатель Нью-Йоркского отделения Американского института горных инженеров Г. Ф. Кунц.

мола, сложенного из тесаного известняка на Невшательском озере. Построен он был в эпоху римлян и служил, вероятно, защитой для озерной гавани и дороги. Здесь же на озере можно было видеть сотни почерневших свай, правильными рядами торчавших из воды. Кто и когда поставил их — об этом летописи умалчивали, давая тем самым почву для самых невероятных предположений³. Вблизи этих загадочных столбов Онисим с отцом находили немало обломков глиняной посуды, превращенных работою волн в тонкие пластинки.

В 1859 г. О. Е. Клер поступил в Невшательскую промышленную школу. Природная любознательность, пытливый ум и воспитанное трудолюбие заметно выделяли его среди соучеников. Не проходило ни одного школьного праздника, чтобы Онисим не принес домой стопки книг, которые давались ему как одному из лучших учеников в качестве награды чуть ли не по каждому предмету. В невшательской школе были хорошие учителя, строившие свое преподавание на трудах Дарвина, Фогта, Молешотта и других прогрессивных ученых. Естествознание, едва начавшее утверждаться в то время в школах Европы, нашло себе самых преданных сторонников в лице невшательских преподавателей и их учеников. Для более углубленного изучения естественных наук учащиеся Невшательской промышленной школы организовали любительское общество, назвав его «La Néosomia». Онисим Клер был избран секретарем этого общества и редактором его рукописного журнала.

В школьные годы О. Е. Клер увлекся термометрическими наблюдениями. Однажды он даже изготовил собственной конструкции барометр и дождемер и построил с товарищами в саду своих родителей специальную будку для измерительных приборов⁴. Тогда же Онисим начал вести записи наблюдений над периодическими явлениями в жизни растений, собирать гербарий. К шестнадцати годам он уже довольно хорошо разбирался в местной флоре, умел по каталогам определять растения, помнил латинские названия многих из них. Свидетельство тому сохранилось на страницах одной из

³ Позднее археологи открыли в них остатки свайных построек эпохи бронзового века.

⁴ Архив АН СССР. Ф. 210. Оп. 1. Д. 452. Л. 3.

книг его библиотеки. Это была книга о грибах Невшательского кантона, написанная учителем местной школы Фавром-Гийомом. На полях ее в 1861—1863 гг. О. Е. Клер делал заметки о найденных им грибах, давал краткие описания наиболее интересных экземпляров⁵.

В 1862 г. имя О. Е. Клера впервые прозвучало в научной литературе. Невшательское общество естественных наук, заинтересовавшись его фенологическими наблюдениями, упомянуло о них в своем «Бюллетене»⁶. Можно представить, сколько гордости было у молодого человека, первые шаги которого в естествознании заметили и оценили ученые!

Летом 1862 г. школа была окончена и О. Е. Клер получил аттестат о среднем образовании. В нем отмечалось, что «нет ни одной школьной дисциплины, в которой бы этот юноша не отличился особенно своей добросовестной и неослабной работой, своими природными способностями. Он один из тех, кто лучше всего выполнил обширную и разнообразную программу первого класса Промышленной школы...»⁷ Учебная комиссия прочла Онисиму большое будущее. Юноша мечтал о высшей школе. Но от планов продолжать образование пришлось отказаться: у семьи не было на это средств.

Выдержав в Испытательном совете республики Невшательского кантона экзамен на право преподавания в народных школах и получив свидетельство 1-й степени, О. Е. Клер стал искать работу — место учителя или хотя бы гувернера. На свое газетное объявление он получил от одной русской княжеской семьи⁸ предложение поехать в Италию в качестве воспитателя ее молодого отпрыска. Дав согласие, Онисим в конце 1862 г. отправился в североитальянскую провинцию Комо. Здесь, в семье владельцев богатой виллы у живописного озера Комо, он прожил почти год, занимаясь, помимо своих гувернерских обязанностей, изучением местной флоры, составлением гербария.

Возвращение на родину было кратковременным. Болезнь отца, безнадежные поиски работы в Невшателе заставили Онисима принять новое предложение о гувернестве — из далекой России.

⁵ Книга хранится в фондах СГОИРМа под № ПИ—3989.

⁶ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 10. Л. 263.

⁷ Там же. Д. 47 (пер. с фр.).

⁸ По свидетельству А. А. Черданцева это были Трубецкпе.

Петербург, Москва, Ярославль

Петербург встретил О. Е. Клера неприветливо. Место гувернера, на которое он возлагал свои надежды, оказалось занято. Восемнадцатилетний швейцарец очутился один в незнакомом городе, без связей, вдали от родины. Не раз впоследствии вспоминал Онисим Егорович эти первые дни своего пребывания в России как самые неудобные: «Величайшую скуку... я испытывал... в Петербурге: все окружавшее, начиная от пышных зданий, великолепных магазинов, роскошных экипажей и туалетов, кончая худой, ошпаренной кошкой, бродившей по соседней крыше (моя комната была высоко над уровнем моря), все было чужое, незнакомое, чем-то вроде осьминога, охватившего подводное судно капитана Немо»⁹.

Помогла Онисиму его общительная натура. Кто-то подсказал юноше обратиться в университет. 15 января 1864 г.¹⁰, сдав ряд экзаменов, он получил от Петербургского университета свидетельство на звание учителя французского языка в русских гимназиях¹¹. Вскоре нашлась и работа — место воспитателя в одном из частных московских пансионов.

Полгода, проведенные О. Е. Клером в Москве, имели большое значение для него как для начинающего ботаника. Здесь он нашел своего наставника и учителя в лице крупного ученого Н. И. Кауфмана, являвшегося профессором Московского университета и секретарем Московского общества испытателей природы. Установив связи с этим обществом, Онисим весь свой досуг стал посвящать флористическим сборам в окрестностях Москвы.

Осенью 1864 г. О. Е. Клер переехал в Ярославль — на более доходное место преподавателя в женском училище. Заботы о материальной помощи семье, оставшейся на родине, по-прежнему стояли у него на первом плане. Но снова, помимо служебных обязанностей, он занимался ботаникой, фено- и метеонаблюдениями. Онисим Егорович познакомился с местными натуралистами, вошел в их кружок, возглавляемый преподава-

⁹ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁰ Для России все даты до 1918 г. даются по старому стилю, а после 31 января 1918 г. — по новому.

¹¹ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.

толем Демидовского лицея А. С. Петровским. Вместе с ними в ноябре 1864 г. он участвовал в создании Общества для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении.

В архиве О. Е. Клера сохранилась уникальная фотография той поры. На ней запечатлены члены-основатели Ярославского общества во время одной из зооботанических экскурсий. На пожелтевшем снимке 15 человек, в их числе А. С. Петровский, Л. П. Сабанеев, В. П. Гроздов, Д. И. Пастухов. О. Е. Клер — совсем еще молодой, с бакенбардами и бородой, в очках — одет и экипирован как настоящий естествоиспытатель: глубокая шляпа с полями, широкая роба подпоясана ремнем, из-за которого торчит небольшой топорик, через плечо — полотняная сумка и сачок, в руке — курительная трубка¹².

В Ярославле Онисим Егорович начал постоянно вести полевой дневник, занося туда свои флористические и фенологические наблюдения, краткие описания экскурсий. Выходы его на природу были довольно часты. Например, только за пять месяцев 1866 г. — с апреля по август — натуралист совершил 18 однодневных походов — в Полушкину рощу, дер. Воздвиженье, Романовский уезд (дер. Константиново), по берегам рек Волги и Которосли¹³.

Три года прожил О. Е. Клер в Ярославле, занимаясь исследованием местной флоры, пока его помыслами не овладел другой край, с богатой и малоизученной природой. Как пришлось к нему решение переехать на Урал, он сам рассказывал впоследствии: «В 1866 г. один из моих учеников, Дмитрий Пастухов, привез из Павдинской дачи¹⁴ коллекцию минералов и гербарий, которые он пожертвовал в наш Ярославский музей. Богатство альпийских форм растений Северного Урала возбудило во мне непреодолимое желание посетить столь интересные местности, и когда, в 1867 г., тогдашний казанский попечитель И. Д. Шестаков меня пригласил занять свободное место в Екатеринбурге¹⁵, я с радостью принял это предложение и, должен признать-

¹² Там же. Д. 58.

¹³ Там же. Д. 64.

¹⁴ Горнозаводская дача Николае-Павдинского завода (ныне пос. Павда Новолялинского р-на Свердловской обл.).

¹⁵ Нынче г. Свердловск.

ся, мои ожидания, в ботаническом отношении, не были обмануты» (64, с. 2).

Перед отъездом товарищи устроили натуралисту дружественный обед, во время которого высказали надежду, что молодой преподаватель продолжит на Урале свои занятия ботаникой, а может быть, ему удастся организовать там и общество естествознания, подобное Ярославскому. О. Е. Клер заверил друзей в своей преданности выбранным интересам, дал слово, что постарается выполнить их пожелания. На прощание он подарил Ярославскому обществу весь свой гербарий, собранный в Ярославле, Москве, Италии, Швейцарии, и часть личной библиотеки.

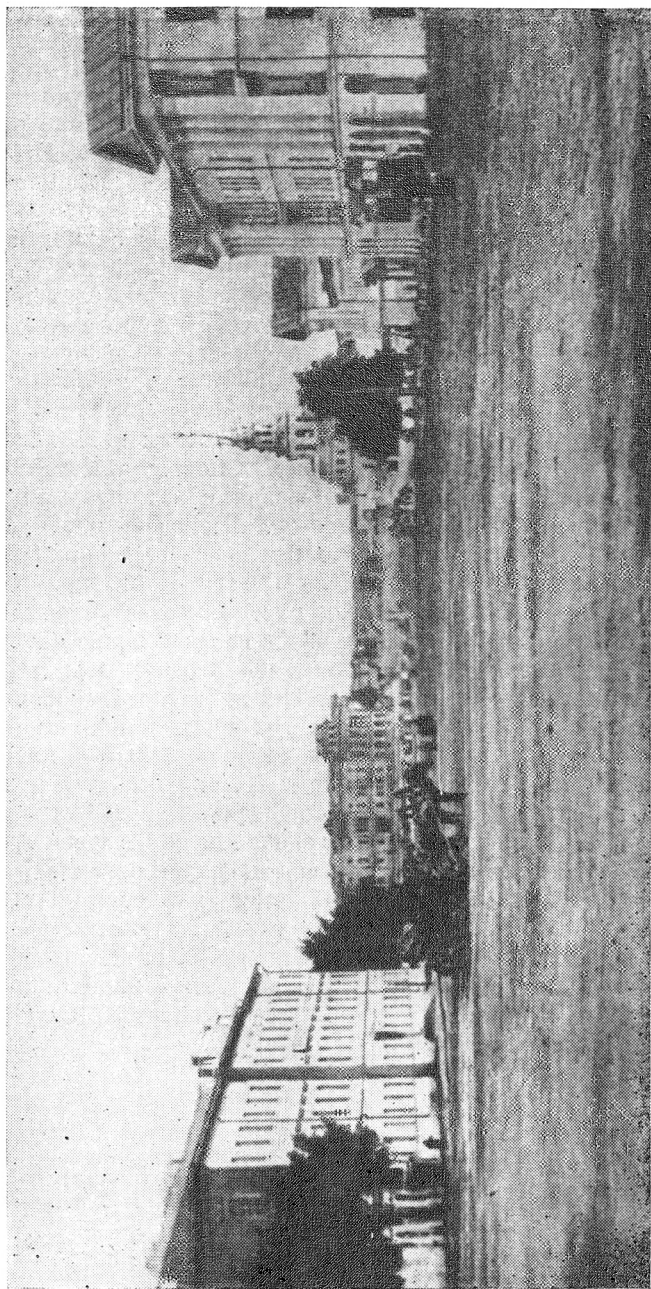
Глава II

Общественно-краеведческая деятельность на Урале

Создание УОЛЕ

В Екатеринбург О. Е. Клер приехал накануне нового учебного 1867 г. Город, несмотря на то что имел статус уездного, был одним из крупнейших центров Пермской губернии. К началу 70-х годов XIX в. в нем проживало до 30 тыс. человек — на несколько тысяч больше, чем в губернском городе Перми¹. Здесь располагалось Уральское горное правление, осуществлявшее руководство над всей горнозаводской промышленностью края, работали такие старейшие в крае производства, как Монетный двор и Гранильная фабрика. В нескольких верстах от города находился Верх-Исетский завод — крупное металлургическое предприятие, продукция которого имела мировую славу. В самом Екатеринбурге было несколько мелких фабрик, имелись два госпиталя и три аптеки, типография и фотография, Магнитно-метеорологическая обсерватория, свой театр и клуб для чиновников, богатейшая на Урале Центральная казен-

¹ Результаты однодневной переписи, произведенной 26 марта 1873 г. Материалы для статистики г. Екатеринбурга. Екатеринбург, 1873. С. 1; *Верховлицев В.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1913. С. 7.

Екатеринбург. Конец XIX в.

ная библиотека. Помимо мужской гимназии, в городе были открыты женское и духовное училища, несколько низших учебных заведений, единственное в губернии среднетехническое Уральское горное училище. По статистике более трети екатеринбуржцев были грамотными людьми, что свидетельствовало о сравнительно высоком уровне культуры провинциального города. В общем Екатеринбург производил хорошее впечатление и не мог не понравиться О. Е. Клеру.

С 1 августа молодой преподаватель был зачислен в штат мужской гимназии. Она располагалась на центральной площади города в одном здании с Уральским горным училищем². В преподавательской среде гимназии и училища О. Е. Клер вскоре нашел себе друзей и единомышленников, которые стали его спутниками в экскурсиях по окрестностям города. Изучая уральскую природу и все более расширяя круг своих новых знакомых, натуралист постоянно помнил обещание, данное ярославским товарищам, — о создании в Екатеринбурге естественнонаучного общества. Высказать эту идею екатеринбуржцам его подтолкнуло событие, произошедшее в конце 1867—начале 1868 г. В это время в Петербурге собрался I съезд русских естествоиспытателей. С его трибуны прозвучал призыв к более активному изучению страны. На съезде говорилось: «Познания наши относительно многих местностей, особенно касательно их животных и растений, ограничиваются теми данными, которые были собраны 100 лет назад экспедициями Палласа, Гмелина и Лепехина... А между тем, Россия несравненно более всякой другой страны нуждается в тщательном исследовании ее богатств...»³

Вскоре после съезда в стране началась организация обществ естествоиспытателей при университетах: в 1868 г. — в Петербурге, в 1869 г. — в Казани, Харькове, Киеве, Одессе. Конец 60-х годов XIX в. показал невиданный подъем в России общественной жизни, пробуждение интереса к изучению естественных наук и местного края.

² В 1879 г. Уральское горное училище переехало из здания гимназии (ныне школа № 9 г. Свердловска) в помещение напротив (ныне Горно-металлургический техникум).

³ Отчет о деятельности общества естествоиспытателей при Казанском университете за 1869—1870 гг. Казань, 1870. С. 150.

**Екатеринбургская мужская гимназия.
Конец XIX в.**

Задумали создание научного общества и екатеринбургские любители природы. Инициатором и активным пропагандистом этой идеи стал О. Е. Клер. Вместе со своими коллегами по гимназии и училищу он организовал сначала небольшой кружок. С помощью Н. К. Чупина — управляющего Уральским горным училищем, крупнейшего знатока Урала, — кружковцы разработали проект устава и программу деятельности будущего Общества, которое было решено назвать Уральским обществом любителей естествознания.

Желающих вступить в УОЛЕ оказалось немало. В учредители записывались врачи и аптекари, лесничие и учителя. Активно поддержал организаторов А. А. Миславский — заведующий госпиталем Верх-Исетских заводов, известный на Урале врач и общественный деятель. О. Е. Клер впоследствии утверждал, что именно поддержка А. А. Миславского и Н. К. Чупина явилась для нового дела «залогом успеха, ибо одни имена их послужили перед образованной публикой веским доказательством серьезности самого предприятия»⁴.

⁴ Зап. УОЛЕ. 1914. Т. 34, вып. 9—10. С. XXIX.

Идея нашла себе горячих сторонников в многочисленной среде горных инженеров и служащих Уральского горного правления. В их числе были и сам Главный начальник уральских заводов А. А. Иосса — авторитетнейший горный деятель, и его помощник И. И. Лернардцен. Под проектом Устава УОЛЕ поставили свою подпись екатеринбургский фотограф И. А. Терехов, архитектор П. С. Голышев, директор Гранильной фабрики А. И. Лютин, актер и антрепренер уральского театра А. Д. Херувимов. Заинтересовались участием в Обществе, главным образом из престижных соображений, и несколько представителей торгово-промышленной буржуазии города.

О. Е. Клер, взяв на себя обязанности секретаря организационного комитета Общества, установил переписку с натуралистами-краеоведами, проживавшими в других городах и заводских поселках Урала, приглашал их записываться в члены УОЛЕ. В своем письме врачу и видному общественному деятелю Нижнего Тагила П. В. Рудановскому он писал: «Высылаю Вам проект устава Уральского Общества любителей естествознания, создающегося в Екатеринбурге. Думаю, излишне говорить о полезности подобного Общества: все, кто ознакомился с проектом, не откажут этому предприятию в своевременности...»⁵ Другой нижнетагильский деятель, горный инженер К. Д. Шугаев, в ответ на приглашение натуралиста, писал: «Вы просите меня сообщить устав УОЛЕ знакомым мне лицам, интересующимся изучением явлений природы или научной обработкой природных богатств нашего края... Что же касается до моего желания быть членом этого Общества, то оно давно уже заявлено (именно при самом возникновении мысли о его образовании)»⁶. Положительные ответы пришли О. Е. Клеру также из Богословского завода⁷ от аптекаря П. Г. Гельма, из Николае-Павдинского завода — от горного инженера И. Н. Ощепкова, из Уфы — от ботаников-любителей В. С. Лосиевского и Н. К. Тимашева. К ноябрю 1869 г. под проектом устава УОЛЕ подписалось уже более 40 лиц. Учредители торжествовали: дело шло очень успешно. О. Е. Клер впоследствии вспоминал: «При гос-

⁵ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1. (пер. с фр.).

⁶ Там же. Д. 14.

⁷ Ныне г. Карпинск Свердловской обл.

**Основатели УОЛЕ (крайний слева в верхнем ряду — О. Е. Клер)
70-е годы XIX в.**

подствовавшем тогда среди всего населения подъеме духа и желании содействовать прогрессу страны во всех отношениях мысль об устройстве местного... музея с необходимыми при нем для работы библиотекой и кабинетами встречена была весьма сочувственно самыми выдающимися тогда на Урале научными силами из числа горных инженеров, врачей, учителей и пр.»⁸

Но не все верили в жизнеспособность будущего Общества. Особенно рьяно критиковал учредителей в своих статьях известный в то время врач и публицист В. О. Португалов. Он считал, что при отсутствии достаточного числа специалистов создание научного общества в Екатеринбурге — пустая затея. По этому поводу О. Е. Клер совершенно справедливо заметил в письме директору Петербургского ботанического сада Р. Э. Траутфеттеру: «Удивительно, право, что люди, выдающие себя за „передовых“, нападают беспощадно в печати на тех, которые, пожалуй, меньше пишут, но зато занимаются делом»⁹.

⁸ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 40. Л. 175.

⁹ Там же. Д. 1. № 54, 72.

Среди кандидатов в члены УОЛЕ, действительно, специалистов в области естествознания было немного, большинство — любители. Но учредителей это не смущало: главную задачу Общества они видели, прежде всего, в собирании природоведческого материала для музея, а это дело было доступно и для малоподготовленного человека. Кроме того, опыт иных любителей заслуживал серьезного внимания со стороны ученых.

О. Е. Клер стремился заручиться помощью и поддержкой других научных обществ и учреждений страны. Петербургскому ботаническому саду он предложил вступить в обмен растениями с уральскими натуралистами. Постоянную связь через А. С. Петровского краевед держал с ярославскими естествоиспытателями, с Московским обществом испытателей природы — через Н. И. Кауфмана и К. И. Ренара (секретаря Общества). Известного геолога, председателя Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Г. Е. Щуровского О. Е. Клер просил помочь УОЛЕ в разработке программы геологических исследований края. Обращаясь к ученому-ботанику А. Н. Бекетову с просьбой прислать свои труды в библиотеку будущего Уральского общества, Онисим Егорович писал: «Покажется Вам, может быть, странным, что я принимаю на себя изыскание помощи Обществу, но ведь Общество — это любимое мое дитя, и пока оно не выйдет из моих рук — когда начнется официальная его деятельность — я считаю долгом употребить все свои усилия, чтобы оно оказалось способным жить»¹⁰.

Неожиданную позицию по отношению к создающемуся Уральскому обществу заняли вдруг ученые Казанского университета, открывшие у себя в мае 1869 г. общество естествоиспытателей. У них возникли опасения: не раздробит ли открытие УОЛЕ научные силы Поволжья и Сибири? Президент Казанского общества Н. П. Вагнер в своих письмах Н. К. Чупину и О. Е. Клеру предложил им отказаться от организации в Екатеринбурге самостоятельного Общества и вступить в члены казанского. В случае же несогласия он обвинял уральцев в «постороннем науке эгоизме и местничестве». В ответном письме О. Е. Клер решительно опроверг все обвинения в адрес учредителей УОЛЕ. «Вы не можете не согласиться на то, — писал он, —

¹⁰ Там же. № 26.

м. обш. кал.

УСТАВЪ.

Управляющій Министерствомъ Народнаго
Просвѣщенія, Товарищъ Министра
Старшій Секретарь **И. ДЕЛЯНОВЪ.**
28 Сентября 1870 г.

УСТАВЪ

УРАЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕ-
СТВОВѢДЕНІЯ ВЪ ГОР. ЕКАТЕРИНБУРГѢ.
ЦѢЛЬ, КРУГЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ПРАВА
ОБЩЕСТВА.

§ 1. Общество, состоя изъ вѣдѣній Министер-
ства Народнаго Просвѣщенія, имѣетъ цѣлю: а.) изу-
ченіе и изслѣдованіе Уральского края въ естествен-
но-историческомъ отношеніи, и б.) распространеніе
естественно-историческихъ знаний въ зтомъ край.

§ 2. Для достиженія предположенныхъ цѣлей,
Общество имѣетъ право: 1.) снаряжать для изслѣ-
дованія естественныхъ богатствъ Уральского Края
ученыя экспедиціи; 2.) предпринимать съ научною
цѣлю экскурсіи; 3.) открывать, на основаніи суще-
ствующихъ постановленій, публичныя лекціи; 4.) изда-

Устав УОЛЕ. 1870 г.

что поле для исследования природных явленій еще так обширно, что хватит места для всех. Будут они заниматься собираніем материала или обработкой одного же материала, все-таки общества мешать друг другу не могут, а напротив, постоянно будут нуждаться во взаимной помощи. Поэтому мы не можем думать, чтобы наше Общество могло мешать казанскому или раздроблять научныя силы; напротив того, оно может служить в некоторой степени центром для исследования, а в особенности центром для распространения естествознанія в одном из богатѣйших краев Россійской имперіи»¹¹.

29 декабря 1870 г. в Екатеринбургѣ состоялось скромное торжество. В актовом залѣ мужской гимна-

¹¹ Там же. № 584.

зии собралось несколько десятков любителей естествознания. О. Е. Клер зачитал официальное уведомление об утверждении в Министерстве народного просвещения устава и провозгласил УОЛЕ открытым¹². Сбылись мечты натуралиста: Общество, на создание которого ушло целых три года, наконец-то начинало свою работу. С этого времени жизнь О. Е. Клера стала неразрывным образом связана с деятельностью его родного «детища».

Говоря о той роли, какую играл О. Е. Клер в УОЛЕ, Д. Н. Мамин-Сибиряк писал: «...как учреждение этого Общества, так и дальнейшее его существование обязано главным образом неиссякаемой энергии его секретаря О. Е. Клера, который вложил в это дело всю свою душу»¹³.

Ученый секретарь, редактор «Записок»

На первом рабочем собрании членов УОЛЕ, состоявшемся 3 января 1871 г., были проведены выборы руководящего комитета Общества — президента, его помощника, хранителей музея и библиотеки, казначей, ученого секретаря. Президентство единогласно было решено предложить В. А. Грамматчикову, занимавшему высокий пост исполняющего обязанности Главного начальника уральских заводов, что было немаловажно для авторитета УОЛЕ. О. Е. Клер согласился принять скромную, но очень ответственную и хлопотную должность ученого секретаря.

Планы учредителей были обширны и значительны. В уставе Общества отмечалось, что его задачами являются: «а) изучение и исследование Уральского края в естественноисторическом отношении, б) распространение естественноисторических знаний в этом крае»¹⁴. Помимо научно-исследовательских и просветительских целей, одним из главных направлений своей деятельности члены УОЛЕ с самого начала считали создание краеведческого музея и научной библиотеки. В одном из писем в Московское общество испытателей природы О. Е. Клер сообщал: «...первое дело Уральского Об-

¹² Там же. № 27.

¹³ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Город Екатеринбург: (Ист. очерк) // Город Екатеринбург. Екатеринбург, 1889. С. 52.

¹⁴ Устав УОЛЕ в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1870. С. 1.

щества будет состоять в собирании фактов, в составлении музея, который мог бы дать ясное понятие о явлениях в нашем крае»¹⁵.

Только за январь—февраль 1871 г. ученый секретарь УОЛЕ написал до 50 писем — научным обществам и учреждениям, земским управам и отдельным лицам — с просьбой о помощи новорожденному Уральскому обществу какими-нибудь пожертвованиями в его музей и библиотеку. Через столичный журнал «Знание» и газету «Пермские губернские ведомости» он обратился к ученым страны: «Большую поддержку могли бы оказать нам... русские ученые пожертвованием хоть одного экземпляра своих сочинений»¹⁶.

Этот призыв был услышан, и уже вскоре УОЛЕ получило первые посылки с книгами. Многочисленные дары начали поступать в музей. Через год музейное собрание УОЛЕ уже насчитывало около 4,5 тыс. предметов: гербарий из более чем 300 листов, собрание минералов и горных пород, зоологическую и палеонтологическую коллекции. В 1875—1876 гг. Общество принимало у себя в музее первых почетных гостей: профессора геологии и палеонтологии Петровской сельскохозяйственной академии Г. А. Траутшольда, знаменитого шведского полярного исследователя А. Е. Норденшельда и его спутников, известного немецкого зоолога, автора популярного издания «Жизнь животных» А. Брема. Видный писатель-публицист В. И. Немирович-Данченко, путешествовавший тогда по Уралу, в своих очерках «Кама и Урал» несколько строк посвятил музею УОЛЕ: «В нем особенно хороша коллекция змей Пермской губернии, громадный клык мамонта, поразивший Брема своей величиной. По крайней мере, ученый немец заявил, что он никогда еще не видал подобного. Сверх того, здесь же находятся полный череп мамонта и пилонос Средиземного моря». Упомянул он и об О. Е. Клере как о «дейтельнейшем члене» Уральского общества¹⁷.

Ученый секретарь, действительно, был самой заметной фигурой в УОЛЕ. Через него шла вся переписка Общества, поток которой с ростом численности его членов непрерывно увеличивался. О. Е. Клер факти-

¹⁵ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 895. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. СПб., 1890. С. 589.

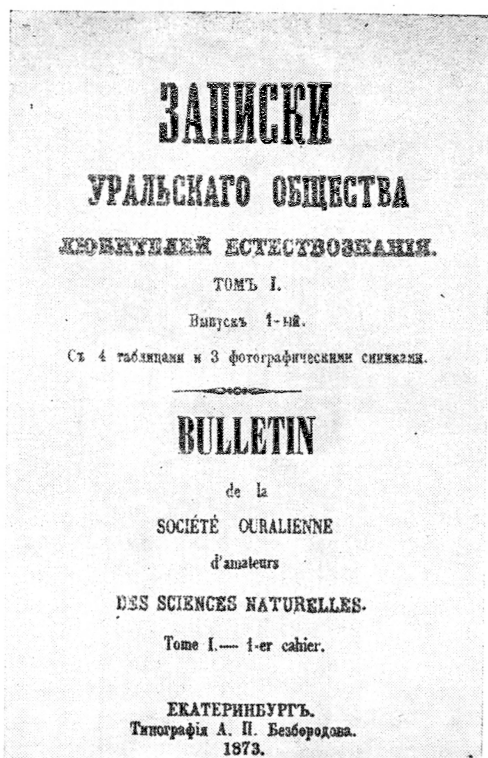
чески держал в своих руках нити управления всей деятельностью УОЛЕ. Именно его организаторскому и дипломатическому таланту оно было обязано во многом своими успехами.

В 1873 г. О. Е. Клер представлял Уральское общество на IV съезде русских естествоиспытателей, проходившем в Казани. С особой гордостью он сообщил делегатам съезда о важном событии, только что произошедшем в жизни УОЛЕ — выходе в свет первого тома «Записок Уральского общества любителей естествознания». В своей речи ученый секретарь сказал: «Распространение естественноисторических знаний в народе — одна из главных целей Общества. Издание первого выпуска „Записок УОЛЕ“ — первый шаг Общества в этом направлении»¹⁸.

Появление первого тома трудов УОЛЕ, действительно, стало крупным событием — и не только для Общества, но и для города: после издания Уральским горным правлением в 1808—1810 гг. сочинений И. Ф. Германа в екатеринбургских типографиях печатались одни официальные документы. Возможность приступить к выпуску собственного печатного органа у общества возникла не сразу: УОЛЕ располагало очень скромными материальными средствами, складывавшимися из членских взносов и пожертвований. Лишь благодаря помощи Д. Д. Смышляева — пермского краеведа и издателя, возглавлявшего тогда Пермскую губернскую земскую управу, — ученому секретарю удалось добиться 200-рублевого пособия от управы. На эти деньги и был заключен договор с типографией.

Несмотря на то что ответственным редактором «Записок» значился президент общества И. П. Иванов, фактически всю редакторскую работу вел О. Е. Клер. Он же корректировал набор и первое время — до 80-х годов XIX в. — сам набирал тексты на иностранных языках, так как в екатеринбургских типографиях не было ни одного опытного наборщика, знакомого с латинским шрифтом. Предложение печатать статьи с параллельным переводом на французский язык, внесенное ученым секретарем на одном из заседаний Общества, было встречено сначала большинством присутствующих в штыки. Некоторые сомневались в по-

¹⁸ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2. Л. 365.

Титульный лист первого выпуска «Записок УОЛЕ».
1873 г.

пулярности издания: неизвестно еще, будут ли читать «Записки» на русском языке. Другие говорили об отсутствии у общества денег на оплату перевода. О. Е. Клеру удалось убедить членов УОЛЕ в огромном значении этого нововведения для успеха издания. Начиная с четвертого тома все научные статьи «Записок» стали сопровождаться полным переводом или кратким резюме на французском языке. Эту дополнительную работу взялся выполнять бесплатно О. Е. Клер.

«Записки УОЛЕ», публиковавшие протоколы заседаний УОЛЕ, статьи и доклады его членов, касавшиеся многих отраслей науки, не могли не обратить на себя внимание ученых страны. «Я случайно узнал, что

вышел новый выпуск вашего прекрасного издания», — писал О. Е. Клеру в 1876 г. помощник председателя Русского географического общества барон Ф. Р. Остен-Сакен¹⁹. Один из первых исследователей геологического строения Урала Г. И. Гельмерсен в своем письме в УОЛЕ от 24 февраля 1878 г. признавался: «Я дорожу изданиями Общества не только потому, что в них нахожу много, много поучительного и полезного для себя, но и потому, что они много будут способствовать развитию на Урале горного промысла»²⁰. Охотно шли на обмен трудами с Уральским обществом и многие иностранные научные общества и учреждения.

Стремясь превратить «Записки УОЛЕ» в вестник всех открытий и новейших исследований на Урале, О. Е. Клер привлекал к сотрудничеству в журнале как начинающих ученых, так и ведущих специалистов: А. П. Карпинского, Г. А. Траутшольда, ботаника из Женевы А. Декандоля. В 1881 г. А. П. Карпинский, отвечая на письмо секретаря УОЛЕ, писал: «Одно, что я могу обещать теперь же и, что я, работая в последние годы преимущественно на Урале, поставлю себе в непрременную обязанность, это участвовать в изданиях Уральского Общества»²¹. Выполняя свое обещание, ученый вскоре предложил УОЛЕ для напечатания статью «Третичные осадки восточного склона Урала»²².

Вместе с ростом известности «Записок» в научном мире рос и авторитет их редактора. В 1884 г. О. Е. Клер был избран членом-сотрудником Русского географического общества по предложению молодого ученого, уроженца Урала М. В. Малахова. Выступая на заседании ИРГО, М. В. Малахов назвал О. Е. Клера и Н. К. Чупина «живительными источниками», из которых все приезжающие на Урал исследователи и путешественники черпают «ценный эликсир» сведений о крае²³.

Сам Онисим Егорович всегда очень скромно относился к своим заслугам. «Вы называете меня „авторитетом науки“, — писал он члену УОЛЕ Е. Кетову, — это ошибка с Вашей стороны: авторитетами называются те люди, которые подвинули науку вперед своими ка-

¹⁹ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 17. Л. 162.

²⁰ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 18. Л. 32.

²¹ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 19. Л. 65.

²² Зап. УОЛЕ. 1883. Т. 7, вып. 3. С. 60—72.

²³ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 19. Л. 26.

О. Е. Клер.
90-е годы XIX в.

питательными открытиями, так сказать, князя, полководцы науки, а я — чернорабочий, снаряд для писания переводов, чтения корректур, составления протоколов, отношений, донесений, рапортов и т. п. Если и я могу сказать тем, которые стремятся к научным целям: вот 11 лет, как я работаю без всякого вознаграждения для Уральского Общества»²⁴.

О. Е. Клер устанавливал связи и вел переписку от имени УОЛЕ со многими видными учеными страны. В 1878 г. он написал письмо Д. И. Менделееву, имевшему уже тогда мировую известность. Зная о последних работах ученого, связанных с нефтью, Онисим Егорович просил его выслать несколько фунтов тяжелого нефтяного масла и помочь в приготовлении химического фотометра. На этот запрос знаменитый химик ответил секретарю УОЛЕ пространственным письмом²⁵.

²⁴ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 19. Л. 298.

²⁵ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 17. Л. 207; *Жогин И. И., Тимофеев В. И.* Д. И. Менделеев и Уральское общество любителей

В 1881 г., когда стало известно, что Д. И. Менделеев забаллотирован в число членов Академии наук, Уральское общество выразило свое негодование по этому поводу и избрало ученого своим почетным членом. О. Е. Клер послал ему телеграмму с извещением об этом²⁶.

Летом 1883 г. О. Е. Клер представлял УОЛЕ на VII съезде русских естествоиспытателей и врачей, проходившем в Одессе.

В 1887 г. в жизни общества произошло крупное событие, связанное с проведением в Екатеринбурге Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки. В течение трех лет выставочный комитет УОЛЕ вел подготовку к ней: контролировал ремонт старых зданий железнодорожных мастерских, отведенных под выставку, и строительство новых специальных павильонов, осуществлял переписку с экспонентами, принимал и размещал экспонаты. На призыв Уральского общества откликнулись почти 4 тыс. предприятий, организаций и отдельных лиц. Мероприятие получилось грандиозным. Три отдела выставки — естественноисторический, географический и археологический — познакомили посетителей с результатами научных исследований на Урале и в Сибири. Остальные четыре отдела демонстрировали продукцию фабрично-заводской, ремесленной и кустарной промышленности этих регионов страны, а также разных отраслей их сельского хозяйства. Кроме того, имелись художественный и учебный отделы. На выставке были представлены самые различные экспонаты — от образцов заводской продукции до старинных вещей и предметов собственного рукоделия участников. За все время выставки в ее павильонах побывало более 80 тыс. человек, ее посетили русские и иностранные ученые, представители германского и шведского правительств, австрийских и итальянских научных обществ.

О. Е. Клер как секретарь выставочного комитета и член ряда экспертных комиссий поспевал всюду. По свительству одного из очевидцев выставки, О. Е. Клер был «фактическим администратором, объясняющим руководителем для публики и жюри для разнохарак-

естествознания // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1962. Вып. 12. С. 176—178. [Публ. письма Д. И. Менделеева к О. Е. Клеру от 13 дек. 1878 г.]

²⁶ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 22. Л. 17, 19.

терных экспонатов»²⁷. Как экспонент выставки Онисим Егорович попал в разряд награжденных. Комитет экспертов присудил ему большую серебряную медаль от Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии «за предметы каменного века, старинные книги и монеты». А постановлением общего собрания УОЛЕ ученому секретарю была присуждена медаль «в память Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. и в знак искренней благодарности за оказанное содействие им делу выставки»²⁸.

Значение выставки было огромным как для Урала, так и для УОЛЕ. Широким кругам общественности она дала наглядное представление о природных богатствах Уральского края, о развитии его промышленности и сельского хозяйства. Авторитет и известность УОЛЕ как организатора выставки заметно выросли. За счет экспонатов выставки, большая часть которых была пожертвована владельцами Обществу, существенно обогатился его музей. По словам члена УОЛЕ С. А. Удинцева, в результате выставки «на Общество было обращено внимание как на крупную культурную силу, хотя сила эта сосредоточилась, быть может, на 90 % в лице одного О [нисима] К [лера]»²⁹.

Говоря так об О. Е. Клере, Удинцев несколько преувеличил: в УОЛЕ было немало деятельных, энергичных работников. Прав он был в том смысле, что ученый секретарь являлся фактическим руководителем всей деятельности общества, пользовался всеобщим уважением и большим авторитетом. Во время выставки особенно ярко проявились его организаторские способности. Не случайно присутствовавший на выставке посланник короля Швеции и Норвегии, имея от своего правительства задание вручить самому достойному русскому ученому высокую награду государства — кавалерский крест ордена Полярной звезды, из всех организаторов и участников выставки выбрал именно О. Е. Клера. Ученый секретарь УОЛЕ стал сотым кавалером этого знаменитого ордена³⁰.

²⁷ Зап. УОЛЕ. 1911. Т. 31, вып. 1. С. С1.

²⁸ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 47. Л. 15, 16.

²⁹ Удинцев С. А. О. Е. Клер: (Предварит. биогр. очерк) // Зап. УОЛЕ. 1924. Т. 39. С. VII.

³⁰ Зап. УОЛЕ. 1889. Т. 12, вып. 1. С. 82.

После выставки на О. Е. Клера буквально посыпались почетные звания. В 1891 г. своим членом-корреспондентом его назвала Нью-Йоркская академия наук. В 1892 г. он получил письмо от секретаря Вашингтонского Смитсоновского института, который сообщал об избрании его сотрудником-корреспондентом этого института. В 1895 г. О. Е. Клеру были вручены дипломы неперменного члена Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и почетного члена Общества естествоиспытателей при Казанском университете. В 1897 г. краевед стал обладателем еще одного редкого ордена — Университетские (академические) пальмы, который был пожалован ему Министерством народного просвещения Франции одновременно с присвоением звания «*officier de l'instruction publique*»³¹. В присуждении О. Е. Клеру этой награды был «виноват» французский археолог барон де Бай. Побывав на Урале в 1895—1896 гг., де Бай остался очень признателен ученому секретарю УОЛЕ за деятельную помощь в ознакомлении с местными археологическими памятниками. Он был восхищен его всесторонними знаниями края и, вернувшись на родину, ходатайствовал перед своим правительством о высокой награде для уральского ученого.

В марте 1896 г. О. Е. Клер получил письмо от Петербургского минералогического общества, действительным членом которого состоял с 1872 г. Возглавлявший это общество известный минералог, академик П. В. Еремеев сообщал: «Дирекция Императорского С.-Петербургского Минералогического Общества имеет честь уведомить Вас, что Общество, желая посылить выразить свое уважение к заслугам Вашим на ученом поприще, в особенности же к Вашей долговременной и в высшей степени плодотворной деятельности как секретаря УОЛЕ, в заседании своем 13 февраля 1896 г. единогласно избрало Вас в почетные члены»³². В ответном послании краевед сообщил обществу сведения о находках на Урале некоторых драгоценных камней и выслал в дар розовые корунды. «Не будучи в состоянии заниматься минералогическими исследованиями, — писал он, — считаю долгом доказать Императорскому

³¹ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 47; Д. 48. Л. 22. Досл. перевод: служащий народного просвещения.

³² Там же. Д. 47. Л. 25.

Минералогическому Обществу свою преданность сообщением тех отрывочных фактов, которые до меня доходят и могут облегчить будущим исследователям составление своих маршрутов в здешнем крае»³³. В другой раз Минералогическое общество получило в посылке от О. Е. Клера несколько на его взгляд интересных образцов пироморфита на березите и на кварце, которые, как оказалось, действительно представляли «большой интерес в кристаллографическом отношении»³⁴.

Незабываемые дни пережили УОЛЕ и его секретарь в августе 1897 г., когда Екатеринбург посетили делегаты VII Международного геологического конгресса, совершавшие экскурсионную поездку из Петербурга на Урал. Знакомясь с достопримечательностями города, делегация побывала и в музее УОЛЕ. О. Е. Клеру было поручено выступить перед почетными гостями с кратким докладом об истории Общества. В заключение своей речи ученый секретарь обратился к геологам с просьбой содействовать расширению связей Уральского общества с научными обществами и учреждениями их стран. Осмотрев музей, и особенно пристально его богатейшую минералогическую коллекцию, 111 иностранных ученых и 15 русских видных геологов оставили свои автографы в «Книге почетных посетителей». На следующий день О. Е. Клер, который свободно владел, помимо русского и французского языков, также немецким, английским, итальянским, был приглашен в качестве гида делегатов во время их экскурсии по окрестностям Екатеринбурга — в деревню Палкино и на Евгение-Максимилиановские минеральные копи³⁵. А. П. Карпинский, руководивший делегацией, звал краеведа присоединиться к ним в дальнейшей поездке в Петербург, а также в Крым, на Кавказ. Но О. Е. Клер, не располагавший для такого путешествия средствами, вынужден был отказаться от этого заманчивого предложения.

³³ Там же. Д. 3. Л. 271.

³⁴ Зап. Имп. минералог. о-ва. 1903. Ч. 41. Сер. 2. С. 29.

³⁵ О. Е. Клер составил описание этой экскурсии на французском языке («Город Екатеринбург и его окрестности, интересные с точки зрения археологии») для «Путеводителя экскурсий VII Международного геологического конгресса» [55].

Результаты посещения Екатеринбургa делегацией конгресса не замедлили сказаться на расширении научных связей УОЛЕ. К началу XX в. Уральское общество вело переписку и обмен изданиями с более чем 140 русскими и 80 иностранными научными обществами и учреждениями, причем на О. Е. Клере по-прежнему лежала вся огромная переписка Общества³⁶. В течение 28 лет изо дня в день О. Е. Клер жил заботами УОЛЕ, неизменно сам вел протоколы собраний, был редактором «Записок», держал в голове и контролировал множество общественных дел. Эта работа поглощала все его свободное время. Между тем силы Онисима Егоровича были уже не те, все больше неприятностей причиняла хроническая болезнь желудка, слабо зрение. А тут еще борьба, которая развернулась в обществе в конце 90-х годов между отдельными его группировками. О сути происходящего в УОЛЕ О. Е. Клер рассказывал в письме С. В. Малаховой — сестре своего ученика и друга М. В. Малахова. Вспоминая первые десятилетия успешной деятельности Уральского общества, он писал: «С тех пор умерли и Чупин, и Вологодский, и Наумов, и Смышляев, и Зырянов, и Котелянский, и многие другие; о мумиях не говорю, ибо хотя иные и сейчас здравствуют, но они так и красуются в своих бантах и лентах. Зато налезла масса „интеллигентов“ новейших формаций, преимущественно из недоучек, не видящих дальше своего носа (отчасти по причине приставшего к нему пуха), но зато с апломбом рассуждающих о самых возвышенных предметах, чтобы отвлечь внимание зевак от неусыпной работы их цепких и липких рук. С такими элементами я с самой выставки вел ежеминутную борьбу, стоившую мне, наконец, здоровья»³⁷.

Как человек честный и бескорыстный, О. Е. Клер не мог мириться с тем, что от имени общества отдельными его членами творятся дела, ничего общего не имеющие с наукой и даже с добропорядочностью. Не в силах дальше бороться с этим Онисим Егорович решил сложить с себя обязанности ученого секретаря. На общем собрании УОЛЕ 30 марта 1898 г. был зачи-

³⁶ В 1875 г. в помощь О. Е. Клери был принят письмоводитель, переписывавший набело черновики его писем.

³⁷ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.

Музей УОЛЕ. 1910 г.

тан его отказ от должности, которую он выполнял с первого дня существования Общества.

Лишь через некоторое время, когда обстановка в УОЛЕ улучшилась, краевед вернулся к своему родному «детищу», без которого он и не мыслил своей жизни.

Организатор и хранитель музея

Вернувшись в УОЛЕ, О. Е. Клер в начале декабря 1901 г. принял на себя обязанности хранителя музея. В марте 1902 г. на собрании общества он был официально утвержден в этой должности. О своем решении взять под свое руководство столь хлопотную работу, как музей УОЛЕ, Онисим Егорович писал сыну Модесту: «Если я согласился, то потому, во-первых, чтобы опять не залезли хищники, во-вторых, чтобы реорганизовать инвентарь и завести правильные каталоги по отделам: раз заведена будет правильная отчетность, трудно будет воровать незамеченным образом, как до сих пор практиковалось известными лицами. Работы предстоит много, но в комиссии есть несколько дельных помощников, и, если Бог даст мне необходимое здоровье, надеюсь немножко двинуть дело музея вперед»³⁸. Зная, каких трудов стоило Обществу создание

³⁸ Там же. Д. 7. Л. 102.

музея, О. Е. Клер не мог допустить, чтобы богатейшие музейные фонды, накопленные в течение трех десятилетий, стали объектом легкой наживы для некоторых корыстных людей, проникших в члены УОЛЕ.

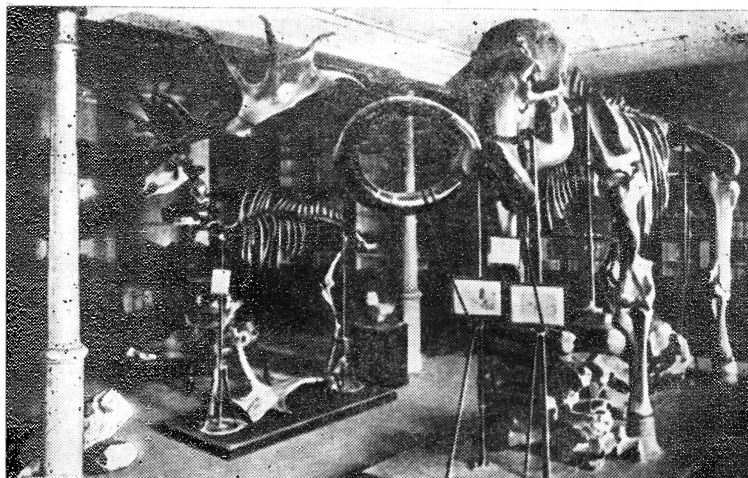
Рождение музея происходило на глазах Онисима Егоровича. Он помнил, как «по окончании первого заседания... Общества, в актовом зале гимназии все поступившие для музея и библиотеки предметы и книги свободно уложились в одной, занятой у супруги директора [гимназии], решетке для белья»³⁹. Будучи ученым секретарем УОЛЕ, О. Е. Клер постоянно заботился о росте музейных коллекций, хлопотал о выделении необходимого музею помещения, добывал денежные средства, выполнял массу других дел, связанных с музеем. Никогда не упускал он возможности предложить приезжавшим в Екатеринбург ученым помочь обществу в определении и систематизации музейных предметов. В 70-х годах с зоологической коллекцией музея работали такие видные ученые, как Л. П. Сабанеев, В. Д. Аленицын, И. С. Поляков, М. А. Мензбир. Начинаясь тогда свои геологические исследования на Урале И. В. Мушкетов заложил научные основы систематизации минералогической коллекции УОЛЕ. В 1896 г., уже будучи профессором Горного института, известным ученым, он в ответ на свое избрание почетным членом Уральского общества писал О. Е. Клеру: «... свои первые научные шаги, как Вам известно, я начал в среде Общества и благодарен его нравственной поддержке»⁴⁰.

С самого начала в музее утвердилась практика отправки коллекций и отдельных предметов для изучения специалистам. Еще в первые месяцы существования УОЛЕ О. Е. Клер писал в Русское энтомологическое общество: «Так как в настоящее время нет еще в числе членов УОЛЕ специалистов по части энтомологии, то Комитет готов отсылать собранные и собираемые коллекции для определения...»⁴¹ С 1889 г. постоянным консультантом Уральского общества по геологии и палеонтологии стал академик А. П. Карпинский: в течение многих лет музей отправлял ему для

³⁹ Зап. УОЛЕ. 1914. Т. 23. С. XXV.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 96. Л. 170 (см. приложение, письмо № 5).

⁴¹ Там же. Д. 895. Л. 14.

Палеонтологический отдел музея УОЛЕ
1910 г.

изучения горные породы и окаменелости. В 1890 г. с палеонтологической коллекцией музея работал видный ученый И. Д. Черский. Особенно его заинтересовал скелет ископаемого исполинского широкорогого оленя. Этот скелет был обнаружен местным крестьянином в торфяном болоте недалеко от дер. Галкиной Камышловского уезда и доставлен в музей УОЛЕ в июне 1886 г. А. А. Черданцев записал рассказ О. Е. Клера об этом событии: «Однажды пришел крестьянин с мешком костей на спине и сказал, что его в музей послал хозяин спичечной фабрики Логинов, сказав, что ему за эти кости музей заплатит больше, чем он. Когда крестьянин вынул кость из мешка, у Онисима Егоровича забилось сердце, кровь бросилась в голову ... длинные ребра, цепь позвонков, огромные рога, не уместившиеся в мешке...»⁴² Приобретением даже одной какой-либо кости этого оленя дорожили музеи мира, а тут — почти полный скелет! Другой подобный экземпляр имелся только в Берлинском музее.

В 1897 г. О. Е. Клером были организованы раскопки костей мамонта, обнаруженных вблизи дер. Нижней

⁴² Архив СГОИРМа. 1970. Д. 571/6—163. Л. 21 об.

Пуртовой Камышловского уезда. Работа была проведена с соблюдением всех правил палеонтологической науки того времени: предварительно был снят план местности, раскопки велись послойно, с фиксацией профиля и толщины различных слоев почвы в разрезах, с подробным фотографированием всех операций. Было найдено 43 кости. Дополненный искусственно выполненными костями реконструированный скелет мамонта занял почетное место в музее УОЛЕ рядом с широкогорим оленем. В своей статье, посвященной этой находке, ученый секретарь писал: «Один череп с обоими бивнями, из которых левый сломанный еще при жизни этого животного (по мнению знаменитого американского палеонтолога Джемса Голля, тщательно осмотревшего его вместе с другими членами Геологического конгресса), представляет едва ли не единственный в мире экземпляр с этой особенностью, почему он один уже составляет чрезвычайно ценное приобретение для Екатеринбургского музея» [48, с. 2].

Предметом особых забот О. Е. Клера постоянно был гербарий УОЛЕ. В 1874 г., выступая на одном из заседаний Комитета общества, он говорил: «Громадные пробелы как в коллекциях Общества, так и вообще в науке по исследованию Уральской флоры доказывают необходимость Обществу заботиться о приглашении как можно больше лиц к содействию...»⁴³

По призыву краеведа в сборах растений для УОЛЕ участвовали не только многие его члены, но и их семьи, учащиеся екатеринбургских школ, корреспонденты-наблюдатели из сельской местности. В первом томе «Записок УОЛЕ» была напечатана составленная О. Е. Клером инструкция «К составлению и сохранению ботанических коллекций». В примечании к ней говорилось: «Составитель этой инструкции имеет в виду дать лицам, неспециально занимающимся ботаникой, практические указания, как собирать и сохранять попадающиеся им во время дороги или охоты растения, чтобы их коллекции могли принести свою долю пользы исследованию Уральского края, соображаясь при этом с затруднениями, какие он сам встречал» [8, с. 97]. Инструкция активно распространялась. Например, О. Е. Клер высылал ее крестьянину Байкаловской волости Ирбитского уезда Ивану Добрынину, согласив-

⁴³ Зап. УОЛЕ. 1877. Т. 2. Вып. 1. С. 39.

шемуся выполнять задания УОЛЕ. При этом ученый писал ему: «Научное определение Ваших растений я охотно возьму на себя и напечатаю им каталог в наших „Записках“»⁴⁴.

В 1902—1903 гг. Онисим Егорович организовал в Екатеринбурге серию ботанических бесед и экскурсий для всех желающих научиться собирательской работе. Популярность этих занятий превзошла все ожидания краеведа. В слушатели записалось около 200 человек, главным образом учащаяся молодежь. Многие из них свои гербарные сборы дарили УОЛЕ.

Так под руководством О. Е. Клера в Уральском обществе создавался богатейший гербарий.

К началу XX в. музей УОЛЕ представлял собой довольно крупное и интересное собрание. Численность его коллекций подходила к 20 тыс. предметов. Музей настолько разросся, что хранитель и его один помощник были уже не в состоянии справляться со своими обязанностями. По предложению О. Е. Клера в 1901 г. была введена коллегиальная система заведывания музеем: на основе музейных коллекций создано 10 отделов, во главе каждого из них поставлен заведующий из числа членов общества. Сам Онисим Егорович, помимо общего руководства деятельностью всего музея, взял на себя археологический отдел.

23 декабря 1901 г. в музее УОЛЕ состоялось открытие еще одного отдела — художественного. О его создании О. Е. Клер мечтал давно — с того времени, когда Академия художеств, демонстрировавшая на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге свою передвижную выставку картин, подарила городу 23 работы выдающихся русских живописцев. Несколько лет ученый секретарь УОЛЕ добивался, чтобы городская дума, где были первоначально размещены картины, передала их обществу. Потом надо было найти и подготовить для их экспонирования вместе с другими художественными произведениями, составляющими собственность УОЛЕ, подходящее помещение. И вот, наконец, — открытие нового отдела. Оно было приурочено к проведению в музее выставки работ екатеринбургских художников. Таким образом, в городе появилась первая постоянно действующая художественная экспозиция.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 23. Л. 36.

Следующим на очереди встал вопрос об организации исторического отдела. В музее УОЛЕ имелась небольшая коллекция предметов по истории и быту населения края. Сложилась она в результате случайных приобретений и пожертвований. Но необходимо было планомерное и постоянное пополнение этой коллекции. Такие мысли давно уже занимали О. Е. Клера. В 1902—1903 гг. по его инициативе музей закупил у крестьян деревень Гаевой и Реши Краснопольской волости Верхотурского уезда большое количество старинной одежды и предметов быта. В своем отчете по музею за 1903 г. Онисим Егорович сообщал: «Для исторического отдела удалось приобрести за недорогую цену целую серию — 39 предметов, преимущественно по части женских костюмов, быта уральских раскольников начала XIX в., так как по здешнему краю постоянно разъезжают поставщики иностранных музеев и антикварных фирм для скупки всякого рода старинных предметов и изделий, нельзя было упустить представившегося случая сколько-нибудь пополнить один из существенных пробелов нашего музея пока это еще возможно без обращения к таким скупщикам»⁴⁵. Закупки старинных вещей у крестьян продолжались и в последующие годы, что заложило основу будущей коллекции быта русского населения Урала.

Своеобразной связью между художественным и историческим отделами по замыслу краеведа должна была стать историческая галерея портретов видных деятелей, «оставивших по себе память на Урале или в музее». Его стараниями постоянно пополняется фотоальбом членов УОЛЕ. В 1909 г. галерея представляла уже 32 портрета, увеличенных по просьбе общества екатеринбургскими фотографами-художниками Н. А. Тереховым и В. Л. Метенковым.

Будучи хранителем музея, О. Е. Клер много внимания уделял научной обработке коллекций, привлекая к этой работе специалистов. В 1902 г. в музее побывала М. В. Павлова, видный палеонтолог. Ее интересовали скелеты мамонта и широкорогого оленя. Описание этих редких находок она опубликовала впоследствии в своих трудах. Желая быть в курсе новых поступлений в палеонтологический отдел УОЛЕ, Ма-

⁴⁵ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 78. Л. 225.

О. Е. Клер.
Начало 1900-х годов

рия Васильевна в течение нескольких лет вела переписку с О. Е. Клером.

В 1904 г. Онисим Егорович посылал на определение некоторые минералы из последних приобретений петербургскому профессору-минералогу С. Ф. Глинке, отдельные экземпляры растений из новых гербариев Общества — московскому ботанику А. Н. Пегунникову. Сам он в эти годы работал с гербарием члена УОЛЕ Н. А. Никитина, продолжал обработку собственных ботанических сборов и археологического материала из раскопок на Исетском и Ирбитском озерах. Кроме того, О. Е. Клер по-прежнему брал на себя большую часть переписки по делам Общества и всю редактор-

скую работу по «Запискам УОЛЕ». В 1901—1905 гг. краеведом были подготовлены четыре очередных выпуска трудов общества и один том приложений к ним.

Чрезмерная нагрузка сказалась на здоровье О. Е. Клера, и в 1905 г. он вынужден был отказаться от обязанностей хранителя музея.

Во главе УОЛЕ

В 1909 г. на общем собрании членов УОЛЕ О. Е. Клер был единогласно избран президентом общества. Занять этот пост ему предлагали неоднократно и раньше, но каждый раз он отказывался, выдвигая другого кандидата — более влиятельного по своему должностному положению.

На исходе четвертого десятилетия своего существования Уральское общество представляло собой одну из крупнейших научно-краеведческих организаций страны, которую называли «Уральской академией наук». В 1909 г. численность ее членов перешагнула за четыре сотни. УОЛЕ имело научные связи и обмен изданиями со 175 русскими и 112 иностранными обществами и организациями. Музей общества насчитывал более 25 тыс. предметов, научно-краеведческая библиотека — около 80 тыс. томов книг. Всемирную известность имела деятельность Минералогической мастерской УОЛЕ. Она изготавливала до 700 учебных минералогических коллекций в год и рассылала их сотням заказчиков не только по всей России, но и во многие страны мира. При обществе работал подвижной музей, выдававший наглядные ученические пособия учебным заведениям города и уезда. Метеорологическая комиссия УОЛЕ ведала обширной сетью из более чем ста наблюдательных пунктов, разбросанных по всей Пермской губернии. Успешно действовали археологическая и сельскохозяйственная комиссии.

В декабре 1910 г. общественность Екатеринбурга широко отмечала 40-летие деятельности УОЛЕ, справедливо связывая его успехи с именем О. Е. Клера. Это был настоящий триумф краеведа. Члены общества обратились к своему президенту с такими словами: «... все, что сделано Обществом — сделано Вами или под Вашим наблюдением, как не прошел ни один предмет в музей без Вашего предварительного рассмотрения,

как ни одна строка в „Записках“ не прошла без Вашего ведома»⁴⁶.

В адрес УОЛЕ поступило множество поздравлений, и в каждом из них упоминалось имя О. Е. Клера.

От имени Русского географического общества его вице-президент П. П. Семенов-Тянь-Шанский телеграфировал: «От всей души приветствую Уральское общество любителей естествознания и его почтеннейшего основателя, талантливого, неутомимого работника Онисима Егоровича Клера с их сорокалетней плодотворной деятельностью на пользу отечества и науки»⁴⁷.

От имени Минералогического общества горячо приветствовали О. Е. Клера — «учредителя УОЛЕ и неустанного, в течение 40 лет бескорыстного работника» — А. П. Карпинский и Ф. Н. Чернышев⁴⁸.

И. М. Крашенинников из Москвы в своей телеграмме тепло поздравлял юбиляра, вся жизнь которого, по словам ученого, — «один высокий подвиг служения делу общественному». «Наш край родной, — писал он, — не забудет имени этого замечательного человека, истого джентльмена мысли, жреца научного культа, чуткого ценителя природы»⁴⁹.

К. Д. Носилов из Шадринска прислал такое лаконичное послание: «Мой сердечный привет старейшему ученому подвижнику Урала!»⁵⁰

В связи с юбилеем О. Е. Клера избрали своим почетным членом Московское общество испытателей природы, Петербургское общество естествоиспытателей, Пермский научно-промышленный музей.

Встав во главе УОЛЕ, О. Е. Клер загорелся новыми планами совершенствования его работы. Прежде всего, ему удалось добиться для общества оплачиваемых должностей — заведующего музеем и двух его помощников, нескольких служителей, помощников библиотекаря, редактора «Записок».

Целый ряд новых членов — молодых специалистов — пришли в УОЛЕ, значительно повысив научный уровень его деятельности. Активными помощниками Онисима Егоровича стали: хранитель музея, горный техник Е. Н. Коротков, заведующий нумизмати-

⁴⁶ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

⁴⁷ Зап. УОЛЕ. 1911. Т. 31, вып. 1. С. LXXXV.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. XCIX.

⁵⁰ Там же. С. CII.

чѣским отделом, провизор А. А. Черданцев, ученый секретарь, горный инженер Н. С. Михеев, библиотекарь, преподаватель гимназии Г. К. Кузнецов, археолог В. Я. Толмачев, геолог Ф. И. Кандыкин, рыбовод И. В. Кучин и многие другие.

Серьезной поддержкой и в чем-то уже заменой О. Е. Клеру стали его сыновья, все трое получившие высшее естественное образование: Георгий — преподаватель гимназии, географ, Владимир — зоолог, Модест — геолог. Выбрать свой жизненный путь им во многом помог музей, где прошло все их детство. Модест Онисимович вспоминал: «...когда мы были еще детьми, мне было лет восемь, я знал о музее УОЛЕ. Других разговоров никогда не было, как только о музее. Всегда появлялись всевозможные брошюры, и все время приходилось наблюдать в жизни Онисима Егоровича, что он что-то делает... Отец всецело отдавался этому делу... все свободное время отдавал УОЛЕ»⁵¹. М. О. Клер в 1911 г. стал первым штатным заведующим музея. Возглавляя одновременно Минералогическую мастерскую, он существенно улучшил ее работу.

В 1909 г. были введены новые правила посещения музея, облегчающие в него доступ рабочих, крестьян, учащихся, солдат — всех тех, кто не имел возможности платить за входной билет. Организованные в небольшие группы, они могли проходить бесплатно в определенные часы работы музея. Для таких групп была введена книга предварительной записи и даже предлагался экскурсовод.

О. Е. Клер, находившийся с 1907 г. в отставке, часто сам давал объяснения посетителям музея. В УОЛЕ он приходил почти каждый день, как на службу. Член общества, тобольский губернский агроном Н. Л. Скалозубов, побывав в музее 9 июля 1910 г., оставил в «Книге почетных посетителей» такую запись: «С великим удовольствием убедился, что Екатеринбургский музей живет полной жизнью и продолжает свою великую задачу изучения края и популяризации сведений о нем. Рад был встретить за работой и старого деятеля музея Онисима Егоровича Клера, по-прежнему неутомимо привлекающего к деятельности музея любителей и работников»⁵².

⁵¹ ГАСО. Ф. 140. Оп. 2. Д. 379. Л. 8.

⁵² Фонды СГОИРМа, с/м 21226, 1ПИ—4715.

В 1913 г. члены УОЛЕ принимали в музее почетного гостя. Путешествуя по Сибири и Дальнему Востоку после завершения своей очередной экспедиции, в Екатеринбурге на один день остановился норвежский полярный исследователь Ф. Нансен. Перед собравшимися в УОЛЕ участниками торжественного заседания он выступил с рассказом о своем плавании на корабле «Коррект» вдоль берегов Северного Ледовитого океана. Отважный путешественник был избран почетным членом Уральского общества. О. Е. Клер познакомил гостя с музеем, сокровища которого вызвали большой интерес норвежского ученого. На прощание был сделан снимок, запечатлевший Ф. Нансена среди работников музея. Вскоре после этого визита президент УОЛЕ получил письмо от знаменитого норвежца с просьбой поставить свой автограф на том памятном фотоснимке⁵³.

Став одной из главных достопримечательностей Екатеринбурга, музей УОЛЕ между тем производил жалкое впечатление своим внешним видом: здание, в котором он размещался со времени выставки 1887 г., построенное еще в конце XVIII в., сильно обветшало. Пришлось даже подпереть стены деревянными подпорками. О. Е. Клер давно мечтал о специальном помещении для музея, где можно было бы удобно разместить и свободно экспонировать его богатейшие фонды. В 1897 г., после большого пожара в здании музея, Онисим Егорович решил обратиться к владельцам лучших особняков в городе, прося их согласия на уступку УОЛЕ какого-нибудь из домов. Он писал В. Г. Дружинину — одному из владельцев Кыштымских заводов, который был членом УОЛЕ, известным археологом: «По общераспространенным мнениям, музей должен занимать в городе место центральное, во всякое время доступное, и привлекать публику своею наружностью... самые подходящие здесь места находятся в Вашем, или Ваших родственников, владении: место наискось театра, т[ак] н[азываемый] Зотовский дом и, всех лучше, Харитоновский дом»⁵⁴.

Однако в то время у города не нашлось для УОЛЕ средств на приобретение дорогого особняка. В 1910 г.

⁵³ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 (см. приложение, письмо Ф. Нансена).

⁵⁴ Там же. Д. 3. Л. 4.

по инициативе президента УОЛЕ был основан фонд на постройку нового здания музея. Екатеринбургское уездное и Пермское губернское земства обещали обществу значительные ассигнования. В 1911 г. в день 50-летия отмены крепостного права состоялась закладка будущего здания екатеринбургского музея на Дровяной площади, позади строящегося нового городского театра. Приступили к разработке архитектурного проекта. Но эти планы так и остались на бумаге: началась империалистическая война.

Уральское общество вступило в один из самых тяжелых периодов своего существования. Многие его члены, активно работавшие в музее, были мобилизованы в армию. Между тем в связи с той же войной работы у президента и его помощников добавилось. Захват ряда западных территорий страны, а вместе с ними и важных источников сырья заставили царское правительство обратить внимание на восток — Урал и Сибирь. В УОЛЕ посыпались многочисленные запросы и заказы от правительственных учреждений и различных фирм. Иные письма, демонстрировавшие абсолютное незнание ресурсов своей страны правящими кругами, поражали О. Е. Клера. Так, в 1916 г. он писал члену УОЛЕ В. В. Троицкому: «За последние месяцы Уральское Общество естествознания получает от разных военно-промышленных комитетов или их представителей такие запросы, которые вполне доказывают вековое игнорирование русскими всего касающегося их отечества: сведения, давным-давно напечатанные в казенных и частных изданиях, остаются до сих пор совершенно неизвестными людям, ворочающим промышленностью своей родины. На запросы мы, конечно, даем обстоятельные, по возможности, ответы с указанием литературы, но в душе злость берет на это систематическое невежество. Среди зимы командироваются „ученые“ для переисследования под снегом таких месторождений минералов, где уже десятки лет ничего среди лета не могут отыскать. Тут тысячи так и летят, а когда просят серьезные работники маленькой материальной поддержки, их и слушать не хотят»⁵⁵.

Несмотря на военную обстановку в городе, переполненном солдатами, ранеными, беженцами, тяжелое положение с продовольствием и предметами первой

⁵⁵ Там же. Д. 65.

необходимости, начавшимися эпидемиями заразных заболеваний, все учреждения УОЛЕ продолжали свою работу. По-прежнему почти ежемесячно собирались члены общества на свои заседания, хотя и не столь многочисленные, как раньше. Не прекращалась научная работа в музее: А. А. Черданцев занимался изучением коллекции угольных печаток, М. О. Клер — систематизацией геологического и палеонтологического отделов, Г. О. Клер — зоологического. Археолог музея В. Я. Толмачев, будучи на военной службе в Петрограде, вел постоянную переписку с Онисимом Егоровичем по вопросам работы археологического отдела. Над систематизацией энтомологической коллекции трудился студент Казанского университета Ю. М. Колосов. Ему помогал гимназист, а затем студент Пермского университета Д. Е. Харитонов.

В течение 1914—1917 гг. О. Е. Клером были подготовлены очередные пять томов «Записок УОЛЕ»⁵⁶. В них приняли участие такие крупные ученые, как А. П. Карпинский, А. Е. Ферсман, М. В. Павлова, М. Д. Залесский, С. Ф. Глинка.

В 1914 г. музей УОЛЕ выдержал огромный наплыв посетителей. Начиная с июля работники музея принимали ежедневно до тысячи и более человек — военнослужащих, раненых из городских лазаретов, эвакуированных. Посещаемость музея за один этот год превысила 50 тысяч, что было в 5 раз больше, чем в предыдущие годы. В 1915—1916 гг. музей посещали по 13—14 тыс. человек в год, что было тоже немало.

Несмотря на все трудности, связанные с военным временем, музей Уральского общества жил активной, напряженной жизнью, а вместе с ним самоотверженно работал и президент УОЛЕ О. Е. Клер.

⁵⁶ 37-й том «Записок УОЛЕ» стал последним томом, вышедшим под редакцией О. Е. Клера. Три тома, заключающих издание трудов общества [38—40], были изданы в 1922—1927 гг. — уже после смерти ученого.

Научная деятельность. «Асбестовое» дело

О. Е. Клер — ботаник

При всем многообразии научных интересов О. Е. Клера главное место в его занятиях занимала ботаника. Свое увлечение этой наукой он объяснял «скорее результатом врожденной склонности к изучению природы, нежели делом выбора»¹. В одном из писем, отвечая на вопрос, какие разделы ботаники его интересуют больше всего, краевед писал: «Вопрос о географическом распределении растительных форм, исследование множества причин их современного распределения, определение опытным путем благоприятных и неблагоприятных факторов для их распространения мне кажутся более интересными, чем открытие и особенно „изобретение“ новых форм или так называемых „новых“»².

Обращение к флористике для О. Е. Клера было в какой-то степени предопределено самой жизнью: для занятий этой наукой не требовалось специального оборудования и лабораторий, дефицитных или дорогостоящих препаратов. Нужны были лишь неутомимые ноги и внимательный глаз исследователя. В своем письме-исповеди Н. П. Вагнеру Онисим Егорович признавался в том, как нравятся ему «дальние экскурсии» и «ночи, проведенные где-нибудь далеко в лесу», какое удовольствие он испытывает, рассматривая свои высушенные растения, как радуется, когда обнаруживает еще никем не описанный экземпляр³.

К изучению и гербаризации уральской флоры О. Е. Клер приступил сразу же по приезде в Екатеринбург. Он поставил перед собой также задачу ознакомиться со всеми публикациями и гербариями прежних исследователей края. Одному из таких исследователей — Н. Г. Куприянову — Онисим Егорович писал в Петербург в 1869 г.: «Узнав от Александра Андрее-

¹ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 46 (пер. с фр.).

² Там же.

³ Там же. Д. 1. № 584.

вича Миславского, что Вы занимались ботаникой на Урале и даже собрали значительный гербарий здешней флоры, я осмеливаюсь покорнейше просить Вас о сообщении мне Вашей коллекции или, если это не возможно, указать мне, от кого я могу получить каталог Ваших растений. Уральская флора до такой степени интересна и вместе с тем так мало известна, что после двух лет разъездов и наблюдений по ботанике удалось мне собрать так мало фактов, что я принужден обращаться с покорнейшей просьбой ко всем тем, которые занимались или занимаются изучением здешнего края, с целью привести в систематический порядок все данные, разбросанные по многим сочинениям, гербариям и пр.»⁴.

В летние месяцы 1868 г. вместе со старыми друзьями — братьями Леонидом и Владимиром Сабаневыми — О. Е. Клер совершил свое первое большое путешествие по Уральскому краю. Маршрут исследователей пролегал по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам Пермской губернии (Екатеринбург—Невьянский завод—Николае-Павдинский завод). Крайней северной точкой их пути стал Павдинский Камень. Интересы начинающего ученого-зоолога Л. П. Сабанеева при этом прекрасно сочетались с ботаническими интересами Онисима Егоровича. С этого времени походы и поездки О. Е. Клера по Уралу с флористическими целями стали постоянными. Сохранившиеся за некоторые годы дневниковые записи натуралиста позволяют представить, как часты были его экскурсии на природу и как разнообразны их маршруты⁵. Вот некоторые из них.

1871 г.: 23 мая — на оз. Балтым, 5 июня — в окрестностях Екатеринбурга (Московский тракт), 6 июня — в Билимбаевском заводе⁶, 13 июня — на Шарташском озере, 7 июля — за р. Мельковкой, 14 июля — в окрестностях Екатеринбурга (Московский тракт), 15 июля — в Билимбаевском заводе, у р. Чусовой, 16 июля — у р. Каменки.

1872 г.: 21 мая — у Шарташских каменных палаток, 25 июня — в Невьянске, 26 июня — в Нижнем

⁴ Там же. № 583.

⁵ Там же. Д. 64.

⁶ Ныне пос. Билимбай Первоуральского р-на Свердловской обл.

Тагиле, 30 июня — в Кушве, 16 июля — за Верх-Исетским заводом, у Семи Ключей, в дер Палкино.

1873 г.: 23 июня — возле пруда Верх-Исетского завода, 27 июня — в Билимбаевском заводе, 28 июня — в Нижне-Сергинском заводе⁷, 12 июля — в окрестностях Екатеринбургa, у Семи Ключей, 26 июля — за р. Мельковкой.

1877 г.: Талица, Шайтанский завод⁸, Билимбай, Киргишанский погост, Бисертский завод⁹, Красноуфимск, Ачит, Балтым, Невьянск, Черноисточинский завод, Висимо-Шайтанский завод¹⁰, р. Баранча, р. Утка, гора Благодать, Верхняя Тура, Верхотурье, Богословский завод.

В 1884 г.: Кыштым, Сугомак, Касли, с. Тюбук, дер. Б. Нанюги, с. Иртяш и т. д.¹¹

За многие годы активного экскурсирования О. Е. Клер покрыл густой сетью маршрутов территорию Среднего и северной части Южного Урала. При этом он неоднократно переходил через Уральский хребет с восточного на западный склон (до Красноуфимска и Билимбая). В 1901 г. Онисим Егорович писал директору Ботанического сада Юрьевского университета¹² Н. И. Кузнецову: «...я 18 лет странствовал по Уралу между Богословском и Троицком, переходя поперек эти горы на разных широтах и по целым неделям роаясь вокруг избранного центра...»¹³ Результатом этих исследований натуралиста стали созданный им гербарий из нескольких тысяч экземпляров растений, множество зафиксированных в дневнике флористических и фенологических наблюдений, прекрасное практическое знание края.

В начале своей деятельности на Урале, в 1873 г., О. Е. Клер отмечал, что «этот край, несмотря на громадный научный интерес, какой он представляет, так мало еще известен в ботаническом отношении, что усилия всех прежних и нынешних исследователей едва

⁷ Ныне г. Нижние Серги Свердловской обл.

⁸ Ныне г. Первоуральск Свердловской обл.

⁹ Ныне с. Киргишаны и пос. Бисерт Нижнесергинского р-на Свердловской обл.

¹⁰ Ныне пос. Черноисточинск и пос. Висим Пригородного р-на Свердловской обл.

¹¹ Населенные пункты нынешней Челябинской обл.

¹² Ныне Тартуский.

¹³ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 6. Л. 396.

проложили дорогу будущим естествоиспытателям» [6, с. 46]. Позднее натуралист даже подсчитал, что к 80-м годам XIX в. на Урале ботаниками было «открыто и описано около одной тысячи явнобрачных растений», причем «довольно приблизительно определены границы распространения некоторых из них» [1, с. 63]. Совершенно ничтожны были, по его мнению, сведения о тайнобрачных растениях (споровых).

Исследования уральской флоры на протяжении XVIII и первой половины XIX в. носили эпизодический характер. Они велись членами ряда академических экспедиций, отдельными учеными-путешественниками да редкими местными любителями-натуралистами. Активное и в какой-то степени планомерное изучение растительности края началось во второй половине XIX в. С 70-х годов интенсивное гербаризирование местных любителей природы проводилось под руководством УОЛЕ. Главная роль в этом деле принадлежала О. Е. Клеру. В это время он являлся одним из наиболее квалифицированных флористов среди уральских ботаников-любителей. Наряду с ним в конце XIX в. лишь в Приуралье трудились над изучением местной флоры такие крупные исследователи, как П. Н. Крылов, А. Е. и Ф. А. Теплоуховы.

С публикацией своего флористического материала, собранного на Урале в 1868—1869 гг., О. Е. Клер впервые выступил в «Бюллетене» Московского общества испытателей природы, членом-корреспондентом которого он являлся с марта 1868 г. [2, 4]. В ходе подготовки этой работы все его определения растений были тщательно выверены одним из лучших знатоков среднерусской флоры Н. И. Кауфманом. В 1866 г. Онисим Егорович взялся за перевод на французский язык известного каталога своего наставника «Московская флора»¹⁴. С поправками и дополнениями Н. И. Кауфмана начало каталога и введение к нему в переводе О. Е. Клера были напечатаны в «Бюллетене» Московского общества испытателей природы [3, 9]. Эта работа уральского натуралиста заслужила высокую оценку ученых, в частности А. Н. Петунникова, который вы-

¹⁴ *Кауфман Н. И.* Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. М., 1866.

сказывал сожаление по поводу незавершенности публикации¹⁵.

Первая флористическая статья О. Е. Клера, помещенная в первом выпуске «Записок УОЛЕ», представляла собой список из 24-х растений, найденных ботаником на Урале и ранее считавшихся для этих мест неизвестными или редкими. Ни в одном из каталогов прежних исследователей края Онисим Егорович не обнаружил описаний даже таких видов растений, как кипрей розовый (*Epilobium roseum* Schreb.), костенец зеленый (*Asplenium viride* Huds.), пузырчатка средняя (*Utricularia intermedia* Hayne), которые встречались ему довольно часто в окрестностях Екатеринбурга [5].

Во втором выпуске «Записок УОЛЕ» в отчете о поездке для устройства метеорологических станций краевед попутно привел описания растительности окрестностей Верх-Исетского, Васильево-Шайтанского, Билимбаевского, Атигского и Нижне-Сергинского заводов [27].

В трудах УОЛЕ О. Е. Клером было напечатано девять статей под общим названием серии «Материалы о флоре Уральского края». Одна из этих статей была посвящена его наблюдениям над костяником хмелистой (*Rubus humulifolius*) (С. А. Meyer) [7]. В статье «О некоторых лечебных травах Среднего Урала» ботаником был обобщен материал, собранный по просьбе УОЛЕ членами общества врачами А. А. Миславским и В. А. Туржанским, учителем народной школы из с. Юсвинского Соликамского уезда М. Антипиным, крестьянином Бобровской волости Д. Борноволокным и др. [10]. Приведенный в статье список лечебных растений был снабжен указаниями относительно их полезных свойств, мест произрастания и распространения. Объясняя причины, побудившие УОЛЕ заняться данной работой, О. Е. Клер писал в статье: «Разработка этих коллекций... представляла некоторый практический интерес, так как... сельское население не всегда имеет возможность пользоваться учеными советами врачей и аптекарскими лекарствами» [10, с. 51].

¹⁵ Петуников А. Н. Критический обзор Московской флоры // Ботан. зап., изд. при Ботан. саде Имп. Санкт-Петербург. ун-та. 1896. Т. 6, вып. 13. С. 11, 25.

МАТЕРИАЛЫ

о флоры

УРАЛЬСКОГО КРАЯ.

Статья 2-ая.

О ХМЬЛЬНОЛИСТНОЙ КОСТЯНИКЕ

RUBUS HUMULIFOLIUS (C. A. Meyer).

Составилъ О. Е. Клеръ.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ.

Типографія А. И. Вазбордова.

1873.

Титульный лист статьи О. Е. Клера
«О хмельнолистной костянике»
1873 г.

Натуралистом были опубликованы каталоги 11 гербариев, пожертвованных УОЛЕ коллекционерами. Они представляли флору Северного (Богословский горный округ), Среднего (ряд мест Екатеринбургского и Верхотурского уездов) и Южного Урала (окрестности Златоуста и Миасса, горы Сугомак, Юрма и Таганай, берега оз. Тургойак), а также Зауралья (Шадринский уезд) [6, 11, 21, 22, 23, 25]. О. Е. Клер провел кропотливую работу по определению растений этих гербариев и подготовке списков к печати. Между тем это была лишь небольшая часть из того огромного ботанического материала, который поступал в УОЛЕ и над

обработкой которого приходилось постоянно трудиться краеведу.

Б. А. Федченко, старший ботаник Петербургского ботанического сада, в 1914 г. поместил в «Известиях» ПБС отзыв на седьмую и восьмую статьи «Материалов о флоре Уральского края» О. Е. Клера. В нем он писал, что восьмая статья представляет ряд «весьма ценных критических и ботанико-географических замечаний о 63 видах уральской флоры, причем описывается несколько новых разновидностей»¹⁶.

В процессе изучения уральской флоры О. Е. Клер выделил новые формы растений: вероники колосистой (*Veronica spicata* L. v. *uralensis*) [11, с. 105], бузульника сибирского (*Ligularia sibirica* L. v. *glaucescens*) [11, с. 106], крестовника равнинного (*Senecio campester* (Retz.) DC. v. *discoi ders*) [6, с. 69] и др. В долине р. Пышмы натуралистом был найден новый вид лютика, который он назвал в честь Н. И. Кауфмана — *Ranunculus Kauffmannii* Clerc [24, с. 139]. В настоящее время этот вид закреплен во «Флоре СССР» как *Batrachium Kauffmannii* (Clerc) v. Krecz. comb. nova¹⁷.

О. Е. Клер состоял в обмене растениями с Ботаническим садом Юрьевского университета. В «Трудах» Сада он напечатал целый ряд заметок о некоторых уральских растениях — кипрее болотном (*Epilobium palustre* L.), полушнике озерном (*Isoëtes lacustris* L.), проломнике нитевидном (*Androsace filiformis* Retz.), лабазнике вязолистном (*Filipendula Ulmaria* Max.) и др. [12—20].

К О. Е. Клеру, как опытному ботанику, обращались за помощью при определении своих гербариев многие уральские любители-натуралисты: П. Г. Гельм, С. А. Удинцев, Н. А. Никитин и др. Н. А. Никитин в своих «Очерках флоры Верх-Исетского заводского округа» выражал благодарность О. Е. Клеру, который «был так любезен, что сделал и сам проверку явнообразных¹⁸ растений» его гербария¹⁹. У краеведа кон-

¹⁶ Федченко Б. А. [Рецензия] // Изв. Имп. ботан. сада Петра Великого. 1914. Т. 14, вып. 4—6. С. 513—514. — Рец. на кн.: Клер О. Е. Материалы о флоре Уральского края. Статьи 7 и 8 // Зап. УОЛЕ. 1914. Т. 34, вып. 7—8. С. 105—145.

¹⁷ Флора СССР. М.; Л., 1937. Т. 7. С. 343.

¹⁸ Имеются в виду явнобрачные растения.

¹⁹ Никитин Н. А. Очерки флоры Верх-Исетского заводского округа // Зап. УОЛЕ. 1917. Т. 36, вып. 9—12. С. 94.

сультивировался в начале своей флористической деятельности пермский натуралист П. В. Сюзов, ставший впоследствии крупным специалистом, автором известного «Конспекта флоры Урала»²⁰. И. М. Крашенинников, делая в начале 1900-х годов первые шаги в науке, вел интенсивную переписку с О. Е. Клером, которого называл своим учителем и наставником. Позднее, будучи уже видным ботаником и географом, ученый нередко вспоминал «ценные и мудрые советы» Онисима Егоровича, благодаря которым он научился «смотреть на природу более сознательными глазами»²¹.

Сам О. Е. Клер, всегда очень требовательный к себе в вопросах определения растений, в трудных или сомнительных случаях обращался к известным авторитетам ботанической науки. Многие годы его связывала переписка с Н. И. Кауфманом, К. И. Максимовичем, Р. Э. Траутфеттером, Л. И. Шренком, А. Н. Петунниковым. В 1915 г. в одном из своих писем академику И. П. Бородину, отвечая на приглашение УОЛЕ участвовать в предстоящем съезде ботаников, Онисим Егорович не только горячо приветствовал идею создания Русского ботанического общества, но и поделился с ученым собственным многолетним опытом ведения дел научного общества²². Он писал: «Как старый, немощный теперь, собиратель флористических материалов сперва (1864 г.) около Москвы, затем (1865—1867 гг.) в Ярославской губернии и с 1868 г. в Уральском крае, причем свои экскурсии и поездки совершал за собственный счет (ибо никогда ни у кого не просил на это командировочных денег для ботанических целей), и с 1870 г. ведя почти всю корреспонденцию Уральского Общества, считаю себя нравственно обязанным представить Вам некоторые соображения о выборе способов ведения дела будущего Русского Ботанического общества...»

Всю свою жизнь краевед мечтал о создании капитального труда о флоре Урала. Но общественные дела и заботы не позволили ему осуществить это. Напечатать натуралисту удалось немного из того, что им было накоплено за полвека постоянных флористических занятий на Урале. Главным итогом ботанической ра-

²⁰ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

²¹ Там же. Д. 36. Л. 152.

²² Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 215. Л. 34—35.

боты О. Е. Клера стало создание в музее УОЛЕ огромного гербария, значительную часть которого составляли собственные сборы краеведа. Насчитывая около 40 тыс. гербарных листов, это собрание наиболее полно по тем временам отображало флору Уральского края.

О. Е. Клер — метеоролог и фенолог

Занятия ботаникой у О. Е. Клера были теснейшим образом связаны с фенологическими и метеорологическими наблюдениями. «Вопрос о влиянии климата, — писал натуралист директору Ботанического сада Юрьевского университета Н. И. Кузнецову, — в совокупности всех факторов на распространение и видоизменения растительных форм меня с ранней молодости интересовали. . .»²³

Систематические наблюдения над климатом и периодическими явлениями в жизни природы О. Е. Клер начал еще в Ярославле. По приезде в Екатеринбург первым его желанием было посетить метеорологическую обсерваторию. «Екатеринбургская магнитно-метеорологическая станция, — сообщал О. Е. Клер директору Главной физической обсерватории академику Г. И. Вильду, — находится в ужасном состоянии. . . Между тем, метеорология вот уже в течение многих лет является одним из любимых объектов моего изучения, и я не успокоюсь до тех пор, пока не буду иметь возможности наладить хорошие наблюдения над климатом Урала»²⁴.

На первых же заседаниях УОЛЕ Онисим Егорович предложил включить в программу научных занятий Общества ведение метеорологических и фенологических наблюдений. В ответ на его просьбу из Главной физической обсерватории были высланы инструкции, бланки, таблицы и другие необходимые для наблюдений материалы. О. Е. Клер разработал самостоятельно инструкцию «О наблюдениях над периодическими явлениями в жизни растений» [26]. Представленная на рассмотрение IV съезда русских естествоиспытателей, эта первая в России программа фенологических наблюдений была одобрена учеными²⁵. Таблицы для записы-

²³ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 6. Л. 395.

²⁴ Архив АН СССР. Ф. 210. Оп. 1. Д. 452. Л. 3.

²⁵ Труды IV съезда русских естествоиспытателей. Казань, 1874. Вып. 3. С. 2, 14.

вания фенологических наблюдений вместе с инструкцией были отпечатаны УОЛЕ и разосланы по всей Пермской губернии — сельским учителям, священникам, фельдшерам, волостным писарям и т. д. Так было положено начало фенологической сети Урала.

О. Е. Клер составил и вынес на обсуждение УОЛЕ проект инструкции для метеорологических станций, целую сеть которых Общество планировало создать в крае²⁶. Среди первых таких наблюдательных пунктов, устроенных УОЛЕ, были метеорологические станции в Билимбаевском и Васильево-Шайтанском заводах. Для их организации Общество командировало своего ученого секретаря. В «Записках УОЛЕ» Онисим Егорович впоследствии опубликовал подробный отчет об этой поездке [27].

Для руководства метеорологическими и фенологическими наблюдениями в 1875 г. при Обществе была создана специальная Метеорологическая комиссия. Ее работу возглавил О. Е. Клер. В 1875—1876 гг. натуралист предпринял обработку поступивших в комиссию материалов 14-летних наблюдений в г. Далматове местного краеведа, члена УОЛЕ А. Н. Зырянова. В статье, посвященной результатам этой работы, Онисим Егорович писал о том важном практическом значении, какое имеют метеорологические наблюдения: «Вопрос о распределении и количестве метеорных осадков занимает одно из главных мест среди прочих вопросов метеорологии в отношении сельского хозяйства, лесоводства, устройства и сохранения дорог и пр.» [30, с. 125].

На основе существующей инструкции Русского географического общества, но с учетом местных климатических условий, О. Е. Клером была подготовлена еще одна инструкция — о наблюдениях над грозами [28]. В 1877 г. на заседании Метеорологической комиссии ученый секретарь УОЛЕ предложил организовать новый вид наблюдений, до сих пор нигде не практиковавшийся, — над толщиной снежного покрова и льда, над глубиной промерзания почвы²⁷. Для наблюдателей были разработаны соответствующие бланки.

Особенно широко деятельность О. Е. Клера как метеоролога развернулась после назначения его в 1876 г.

²⁶ Зап. УОЛЕ. 1874. Т. 1, вып. 2. С. 79.

²⁷ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—3

смотрителем Екатеринбургской обсерватории. М. А. Рыкачев, помощник директора Главной физической обсерватории и давний знакомый О. Е. Клера, узнав о новом назначении ученого секретаря УОЛЕ, писал ему: «Я был очень доволен известием, что Вы согласились взять под свое руководство наблюдения Екатеринбургской обсерватории, и я уверен, что Вы приложите всю свою энергию, чтобы привести в порядок ее дела»²⁸. Судьба Екатеринбургской обсерватории не случайно беспокоила М. А. Рыкачева. В неудовлетворительном ее состоянии он сам лично имел возможность убедиться, когда в 1872 г. побывал на Урале с ревизией обсерваторий Горного ведомства. Даже астрономические часы Екатеринбургской обсерватории, а по примеру их и все часы в городе, метеоролог обнаружил идущими более чем на час вперед²⁹.

Приняв на себя заведование обсерваторией, О. Е. Клер с таким увлечением, настойчивостью и умением взялся за дело, что уже через несколько месяцев докладывал М. А. Рыкачеву о своих успехах: «В обсерватории все обстоит довольно благополучно... Работы много: кроме вычисления осадков за 40 лет, мы делаем во время гроз ежепятиминутные наблюдения по магнитометрам, барометру... Выйдет ли что-нибудь из них, не знаю; но грозы так часты, что чуть ли не через день приходится делать эти наблюдения по несколько часов сряду»³⁰.

Первый годовой отчет О. Е. Клера о работе вверенного ему научного учреждения содержал подробный анализ состояния дел в обсерватории, историю ее создания и деятельности на протяжении 40 лет, проект реконструкции и переоборудования согласно требованиям современной науки [35]. Новым смотрителем были тщательно выверены все инструменты обсерватории, исправлены их недостатки, выписан и введен в действие целый ряд новых приборов. О. Е. Клер изобрел и сконструировал с помощью члена УОЛЕ Г. Ф. Барнеса оригинальное «приспособление, имеющее целью воспользоваться ветром для удержания осадков в инструменте» [33, с. 45]. Подробное описание этого при-

²⁸ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 15, № 52 (пер. с фр.).

²⁹ Зап. УОЛЕ. 1873. Т. 1, вып. 1. С. 44.

³⁰ Архив АН СССР. Ф. 38. Оп. 2. Д. 266. Л. 3.

бора краевед привел в своей статье «О дождемерах», опубликованной в 1878 г. в «Записках УОЛЕ» [29].

Под руководством О. Е. Клера в Екатеринбургской обсерватории были продолжены начатые в 1876 г. метеорологом Г. А. Фритше наблюдения за влиянием магнетизма горы, где находилась обсерватория, на показания всех ее приборов. В 1882 г. по инициативе смотрителя в обсерватории стали вестись сравнительные наблюдения над температурой и влажностью воздуха в ближней и дальней метеорологических будках. Все эти преобразования в обсерватории, умело проводимые О. Е. Клером, поставили ее работу на высокий научный уровень.

Как смотритель обсерватории и одновременно председатель Метеорологической комиссии УОЛЕ О. Е. Клер развернул активную деятельность по расширению метеорологической сети на Урале. В 1877 г. он объехал целый ряд пунктов, предполагавшихся для устройства новых станций, побывал в Богословской обсерватории, основанной еще в 30-х годах XIX в. одновременно с Екатеринбургской. Краеведом были организованы метеорологические станции: в Красноуфимске при реальном училище, в Висимо-Шайтанском заводе и на горе Благодать³¹. В Верхотурье О. Е. Клер встретился с членом УОЛЕ, председателем уездной земской управы А. И. Кронебергом, с которым обсудил вопрос об учреждении Верхотурской метеорологической станции³².хлопоты земского деятеля оказались успешными, и через год станция в Верхотурье уже действовала.

1879 г. смотритель Екатеринбургской обсерватории побывал в Ревдинском заводе, Соликамске, Перми, Чермозском и Кизеловском заводах³³. В Ревде он помог в устройстве метеорологической станции и водомерного поста при заводе; в Соликамске — осмотрел станцию, созданную учителем Ф. Н. Панаевым, поднял вопрос в земской управе об улучшении этой станции и добился обещания управы назначить наблюдателю жалование; в Перми — договорился с учителем В. П. Гроздовым об устройстве метеостанции при его

³¹ Красноуфимская и гороблагодатская станции успешно действовали многие десятилетия.

³² ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 19. Л. 3, 4.

³³ Там же. Л. 52, 166; Оп. 3. Д. 147. Л. 2.

доме; в Чермозе и Кизеле — убедил заводоуправления в необходимости ведения метеонаблюдений при заводах. Для чермозской станции Онисим Егорович сам нашел и «любопытного наблюдателя» — учителя Е. К. Кетова³⁴.

В июле 1879 г. О. Е. Клер был командирован в Петербург, в Главную физическую обсерваторию, где отчитался о своей работе и прошел хорошую стажировку. В последующие годы были новые поездки по Уралу с метеорологической целью. Так, в июле 1880 г. метеоролог посетил гороблагодатскую станцию, установил там барометр, выверил инструменты и сделал следующую запись в своем дневнике: «Журнал наблюдений исправлен. Все чисто и в порядке. Часы выверены по солнечным, но ход их страдает от влияния взрывов динамита и бури»³⁵.

Занимаясь обработкой наблюдений Екатеринбургской обсерватории, а также поступавшего в обсерваторию и УОЛЕ метеорологического и фенологического материала от наблюдателей, О. Е. Клер напечатал в «Записках УОЛЕ» ряд статей — о вскрытии р. Чусовой, о наблюдениях над грозами, о наблюдениях над погодой в Пермской губернии в 1884 г. [31, 32, 37]. С небольшими заметками выступал он и в местной газете «Екатеринбургская неделя» [33, 34]. Русское географическое общество, заинтересовавшись наблюдениями Екатеринбургской обсерватории, опубликовало одну из статей уральского метеоролога в своих «Известиях» [36].

В 1885 г. интенсивная деятельность О. Е. Клера как метеоролога неожиданно прервалась. В этом году Екатеринбургская обсерватория из Горного ведомства была передана в ведение Академии наук. Взяв в свои руки контроль за метеонаблюдениями на Урале, Главная физическая обсерватория, прежде всего, позаботилась о назначении туда специалистов. В Екатеринбург для заведования обсерваторией был направлен метеоролог с университетским образованием Г. Ф. Абельс. Бывшему смотрителю, как не имевшему диплома, отказали в должности.

Уход из обсерватории, в которую было вложено столько труда и любви, очень болезненно ударил по са-

³⁴ Е. К. Кетов более 20 лет вел наблюдения в Чермозе.
³⁵ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 46. Л. 112.

молюбию О. Е. Клера. На несколько лет он отошел от активной деятельности в области метеорологии. Только в 1890 г. краевед вновь вернулся к любимой работе, став членом новой Метеорологической комиссии УОЛЕ, организованной директором обсерватории Г. Ф. Абелем. На О. Е. Клера легла большая часть организационных задач комиссии. Он добился от земских и городских властей, а затем и от правительства субсидий на издание ежемесячного «Метеорологического бюллетеня», сам переводил на французский язык обзоры погоды для него, договаривался с типографией. Через Онисима Егоровича проходила вся огромная переписка УОЛЕ с его корреспондентами-наблюдателями. Ни одно письмо он не оставлял без ответа: высылал инструкции и бланки для наблюдений, инструменты и необходимые материалы, подробно консультировал по самым различным вопросам работы наблюдательных пунктов. Так, отвечая служащему Сысертских заводов В. П. Яркову по поводу организации метеостанции, краевед писал: «По вопросу о выборе места для метеорологической станции все сводится к принципу получения наблюдений, соответствующих среднему состоянию температуры воздуха, влажности и пр. данного места и времени, но для практического применения его необходимо рассмотреть условия, вредно влияющие на показания каждого прибора в отдельности»³⁶.

В 1905 г. за активную деятельность в области метеорологических исследований на Урале О. Е. Клер был удостоен почетного звания корреспондента Главной физической обсерватории.

В 1909 г. О. Е. Клер подготовил несколько докладов для представления на II Всероссийском метеорологическом съезде. В них он изложил просьбу УОЛЕ о выделении Обществу правительственного пособия для обработки и издания метеорологических и фенологических наблюдений, указал на необходимость удешевления метеорологических инструментов, внес целый ряд конкретных предложений — о расширении наблюдений над инсоляцией и состоянием почвенных вод, об организации систематических наблюдений над колебаниями уровня озер и рек, о производстве наблюдений над наступлением критических для культурных растений температур, об устройстве высокогорной метеостанции

³⁶ Там же. Д. 2. Л. 215.

на Урале [38—45]. Доклады были зачитаны на съезде и нашли поддержку ученых. В решениях съезда, в частности, признавалось желательным организовать в одном центральном учреждении сбор и регистрацию всех наблюдений над колебаниями горизонтов рек и озер, создать постоянные водомерные посты, расширить наблюдения над состоянием почвенных вод³⁷. Признавая важное значение, какое может иметь для исследования атмосферы создание высокогорной метеостанции на Урале, съезд передал доклад уральского ученого по этому вопросу на рассмотрение Метеорологической комиссии при РГО.

Идею создания метеостанции на одной из высокогорных уральских вершин О. Е. Клер вынашивал многие годы, ей он посвятил и самую последнюю свою статью, закончить которую не успел. Работа была опубликована в 1922 г. в 39 томе трудов Уральского общества [46]. В ней содержались собранные Онисимом Егоровичем сведения о горных вершинах Южного, Среднего и Северного Урала — горах Яман-Тау, Таганай, Юрма, Ирмель, Качканар, Азов, о Павдинском, Денежкином, Конжаковском и Косьвинском Камнях. Решение вопроса о выборе одного из этих мест для размещения метеостанции О. Е. Клер предоставлял будущим ученым. Он подробно рассматривал различные аспекты организации такой станции — о наилучших способах устройства ее помещений и приборов, о характере возможных наблюдений, о снабжении наблюдателей продовольствием, водой и т. п. В предисловии к статье сын краеведа В. О. Клер сообщал: «Не случайно Онисим Егорович Клер свою последнюю работу писал о вершинах гор. Чувствуя, что физические силы слабеют и что, быть может, недолго осталось продолжать свою столь разностороннюю и неустанную работу по изучению ставшего ему родным за 50 лет деятельности Урала, О. Е. Клер выразил этим проектом высокогорной станции свои самые сокровенные и дорогие мечты... Проект высокогорной станции остался далеко не законченным: О. Е. Клер собирался осветить положение вопроса еще со многих сторон, намеревался отметить значение станции для многих дру-

³⁷ Протоколы заседаний II Метеорологического съезда при Академии наук, 11—17 января 1909 г. СПб., 1910. С. 150.

гих областей научных изысканий, которые непосредственно или косвенно должны вести к развитию экономических сил и процветанию Урала» [46, с. 1, 2].

О. Е. Клер — археолог

Археологией О. Е. Клер заинтересовался еще в школьные годы, когда вблизи Невшательского озера были обнаружены предметы каменного и бронзового веков. С восторгом наблюдал юноша за работой ученых, извлекавших из земли различные изделия, выполненные рукой древнего человека. На Урале этот интерес вылился в серьезные археологические занятия.

В то время, когда О. Е. Клер приехал в Екатеринбург, о древнейших обитателях местного края почти ничего не было известно. Если к исследованию доисторического прошлого Западного Урала едва приступили любители-краеведы, в частности А. Е. Теплоухов, то восточные уезды Пермской губернии все еще оставались вне внимания археологов. Между тем уральские памятники старины разрушались своими хищническими раскопками кладоискатели. В руки ученых от них попадали лишь отдельные случайные находки.

В 1868 г. Московское общество испытателей природы поручило Л. П. Сабанееву, отправлявшемуся в экспедицию на Урал, обследовать местность у дер. Палкино вблизи Екатеринбурга, где еще в середине 50-х годов XIX в. управляющий Верх-Исетского завода С. Сигов нашел древние изделия из меди. О. Е. Клер, присоединившись к ученому, побывал вместе с ним в дер. Палкино. Исследователи расспросили местных жителей о находках каких-либо интересных предметов, осмотрели окрестности деревни. И хотя эта разведка не дала тогда никаких результатов, мысль о проведении тщательных раскопок у дер. Палкино не покидала с тех пор краеведа.

Вопрос об археологических исследованиях на восточном Урале сдвинулся с мертвой точки, когда в 1873 г. ученик реального училища Алексей Брюханов нашел у Первого Карасьего озера, в 11—12 верстах к юго-востоку от Екатеринбурга, необычной формы камень. Свою находку он отнес О. Е. Клеру, который признал в ней «прекрасной отделки каменный топор или молоток»³⁸. Форма предмета, действительно, яв-

³⁸ Екатеринбург. неделя. 1879. № 19.

лялась примечательной: с одной стороны он представлял собой как бы хорошо зашлифованное лезвие, с другой — тупой обух, на верхней и нижней поверхностях имелись сколы, по всей вероятности, искусственного происхождения. Подобные орудия О. Е. Клер увидел впервые еще в Швейцарии среди находок на Невшатальском озере. Похожий предмет ему довелось осматривать и позднее — уже в Ярославле, когда на одном из заседаний ярославского естественно-исторического общества Л. П. Сабанеев демонстрировал древний топор из нефрита, найденный в Ярославской губернии.

Обнаружение каменных орудий здесь, на Урале, являлось настоящим событием. О. Е. Клер торжествовал. Он считал, что даже единичная находка каменного топора ставит теперь под сомнение распространенное среди ученых мнение, что на Урале не было каменного века³⁹. С этими смелыми выводами и демонстрацией найденного А. Брюхановым предмета он выступил на общем собрании УОЛЕ 3 октября 1876 г.⁴⁰ Краевед высказал уверенность в том, что Уральский край имеет богатейшую и более древнюю, чем до сих пор считалось, историю, которая ждет лишь своего исследователя.

Сообщение ученого секретаря УОЛЕ имело огромное влияние на дальнейшее развитие уральской археологии: оно всколыхнуло интерес ученых и краеведов к доисторическому прошлому края, дало толчок археологическим раскопкам. Уже вскоре усилиями первого уральского специалиста-археолога М. В. Малахова, а также любителей археологии Ф. Ю. Гебауера, К. И. Фаддеева, С. И. Сергеева, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. А. Рыжникова, самого О. Е. Клера и других были открыты многочисленные памятники древней истории, в том числе и относящиеся к эпохе каменного века. Выступая на собрании УОЛЕ 16 ноября 1879 г. с докладом «О последовательных открытиях следов древних обитателей Уральского края», Онисим Егорович рассказал о первых шагах археологической науки на Урале. «Одним из капитальнейших открытий, когда-либо сделанных в нашем крае по части археологи-

³⁹ Найденный А. Брюхановым предмет хранится в фондах СГОИРМа под № с/м 8732.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2. Л. 325.

ческой этнографии», назвал он результаты раскопок горного инженера Ф. Ю. Гебауера в одной из пещер по р. Пышме около Сухого Лога в 1878 г. Исследователем там были найдены изделия из камня и кости, служившие несомненным доказательством обитания в пещере человека в эпоху каменного века ⁴¹.

В конце 70-х годов успешно были начаты на Урале обширные исследования М. В. Малахова — бывшего ученика О. Е. Клер. Преподаватель вспоминал: «В числе молодых людей, обращавшихся ко мне в те годы (70-е годы. — Л. З.) за разными указаниями по естественной истории и занимавшихся составлением коллекций для нашего музея, находился ученик гимназии Михаил Викторович Малахов. Он вместе с С. Ю. Раунером, А. С. Сарри и другими сильно заинтересовался моими рассказами о швейцарских палафитах ⁴² и других доисторических памятниках Западной Европы» ⁴³.

О. Е. Клер нередко брал любознательных гимназистов в свои экскурсии по Уралу. Однажды — это было в середине 70-х годов ⁴⁴ — будучи в дер. Палкино, путешественники обратили внимание на небольшой холм, находившийся у подножия горы Малой. Местные жители называли его «чудским городищем». Первый же разведочный раскоп в одном из его углов дал интересный материал. «Сняв несколько верхнего слоя, — писал позднее М. В. Малахов, — мы нашли уголь, перемешанный с землей и несколько штук черепков... попалась нам сильно истлевшая кость, несколько штук кремней и небольшая четырехугольная пластина, с одного края заостренная, служившая, вероятно, ножом. Здесь же нашли потом небольшой каменный молоток...» ⁴⁵

Так О. Е. Клер и его ученик — будущий археолог — впервые соприкоснулись с древней историей Уральского края. Позднее краевед вспоминал: «Во время производства первых моих раскопок на Палкинском городище (вал со рвом) с М. В. Малаховым, в 1874—

⁴¹ Екатеринбург. неделя. 1879. № 19.

⁴² Свайная постройка.

⁴³ Зап. УОЛЕ. 1884. Т. 7, вып. 4. С. 148—149.

⁴⁴ О. Е. Клер и М. В. Малахов в своих статьях и письмах указывают разные даты: 1874, 1875 или 1876 г.

⁴⁵ Малахов М. В. На чудском городище // Древняя и новая Россия. 1879. № 3. С. 218.

1875 г., мы узнали от местных стариков, что первые исследователи городища, г. Сигов и о. Евграф, нашли чудские медные идолы под большими гранитными плитами, образующими гриву холма к западу от городища, причем эти медные изделия были завернуты в кусках истлевшей кожи, обмотанных снаружи сохранившеюся еще берестою. Мы также поднимали некоторые плиты, но медных вещей уже не нашли в этом месте. Там попадались такие же узорчатые черепки, как и в городище, и в деревне, и ее окрестностях» [53, с. 6].

В последующие годы, уже став студентом Петербургского университета и членом Русского географического общества, М. В. Малахов каждое лето приезжал на Урал с целью археологических исследований. В течение нескольких лет им был открыт целый ряд памятников. Продолжил он работы и в дер. Палкино. О. Е. Клер был постоянным участником палкинских раскопок археолога, сопровождал его в некоторых поездках по Уральскому краю. Так, в 1881 г. они побывали на Верх-Исетском пруду, на о-ве Баране, в дер. Палкино, обследовали пещеру на р. Исети вблизи дер. Смолино⁴⁶. О. Е. Клер обратил внимание молодого ученого на Шигирские торфяники, где были обнаружены древние, но прекрасно сохранившиеся изделия из дерева, кости, камня, керамики. Впервые познакомившись с этими находками, краевед сразу же оценил их огромное значение для науки. В 1880 г. он ходатайствовал перед Верх-Исетским заводоуправлением, в чьем ведении находились торфяники, о разрешении М. В. Малахову начать археологические раскопки в этом районе.

В распоряжение археолога О. Е. Клера предоставил и всю ту небольшую коллекцию случайных археологических находок, которые поступили в музей УОЛЕ. Один из предметов коллекции — медный рыболовный крючок, найденный по р. Багаряку в даче Каменского завода, особенно заинтересовал М. В. Малахова. Произведя на том месте раскопки, ученый открыл могильник со множеством медных вещей. Воодушевившись этим событием, Онисим Егорович опубликовал в «Записках УОЛЕ» статью «Заметки о некоторых доисторических предметах, найденных в Уральском

⁴⁶ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 64.

крае». В ней содержалось описание наиболее интересных находок, хранящихся в коллекции УОЛЕ, которые, по мнению краеведа, могли бы «служить указаниями на места, где будущие исследователи могут заложить раскопки с некоторою надеждою на успех» [51, с. 145].

В 1885 г., когда М. В. Малахов безвременно — на 29 году — ушел из жизни, О. Е. Клер решил продолжить исследования в дер. Палкино. Он вел там раскопки в течение многих лет⁴⁷. Коллекция палкинских древностей, представленная краеведом и его помощником К. И. Фаддеевым на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге в 1887 г., вызвала живейший интерес ученых. Изучив несколько тысяч фрагментов орнаментированной керамики, найденной в дер. Палкино, О. Е. Клер и К. И. Фаддеев выработали свою систему их описания и классификации. По форме острия орудия и способу нанесения им узора на глиняный сосуд они установили 15 типов орнаментов. Результаты своей работы исследователи опубликовали в большой статье «Гончарное производство доисторического человека, жившего на городище у дер. Палкино на р. Исети». Она была напечатана в 1895 г. в сборнике Московского археологического общества [52].

По настоятельной просьбе президента Московского археологического общества П. С. Уваровой О. Е. Клер передал часть дублетов из своей палкинской коллекции в дар этому обществу⁴⁸.

Ничего не имея против практики обмена с другими музеями дублетным археологическим материалом, хранящимся в УОЛЕ, ученый секретарь Уральского общества в то же время был сильно озабочен тем, что немало памятников древней истории края увозится приезжими археологами за пределы Урала. В 1889 г. он

⁴⁷ В музей УОЛЕ, по сведениям Е. М. Берс, поступили коллекции вещей из раскопок и разведок О. Е. Клера палкинских правобережных древних поселений за 1885—1887, 1891, 1894—1896 и 1902 гг. (Берс Е. М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск: Кн. изд-во, 1959. С. 16—17). В настоящее время они хранятся в фондах СГОИРМа.

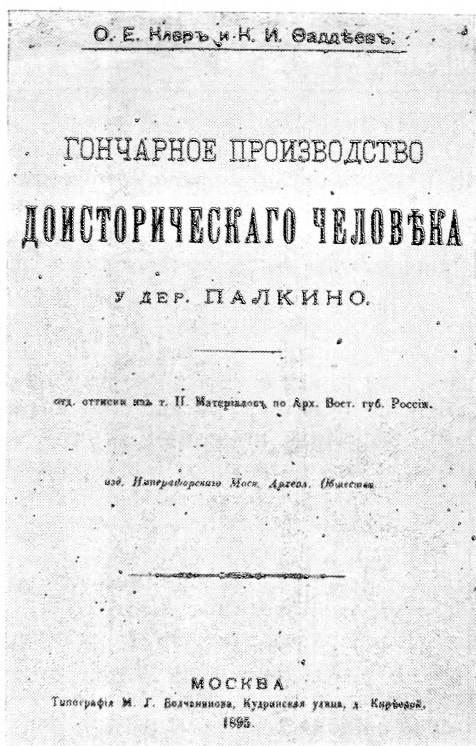
⁴⁸ В 1911 г. В. Я. Толмачев видел палкинскую коллекцию О. Е. Клера в Историческом музее, куда она была передана Московским археологическим обществом.

писал в своем очерке по истории УОЛЕ: «По поводу практикуемого ныне способа исследования древних городищ и селищ я не могу воздержаться здесь от указания на крайнее неудобство развозки находок из одного и того же места в разные музеи раньше их окончательной разработки. . .» [64, с. 17]. Краевед предлагал завести такой порядок, по которому бы все найденные во время раскопок предметы поступали в ближайший музей и хранились там, по крайней мере, вплоть до завершения работы с ними.

Не желая быть сторонним наблюдателем расхищения уральских древностей, УОЛЕ стало поощрять деятельность местных археологов-любителей. На места случайных находок немедленно направлялись члены общества с целью разведки и предотвращения разграбления памятника кладоискателями. Активно привлекались к сотрудничеству с музеем УОЛЕ местные антиквары и собиратели: заинтересованные денежным вознаграждением, они становились постоянными поставщиками Обществу попадавшего в их руки археологического материала.

О. Е. Клер, сделавшись наставником одного из таких бывших кладоискателей — екатеринбургского охотника и старателя Н. А. Рыжникова, — пошел в его лице деятельного исследователя и помощника. Будучи внимательным наблюдателем, Н. А. Рыжников во время своих частых походов по Уралу открывал немало памятников древней истории, доставляя о них информацию в УОЛЕ. В 1888 г. Онисим Егорович и его помощник провели разведку на берегах и островах Первого Карасьего озера. Относительно о-ва Листвяного краевед пришел к заключению, что «хотя здесь и невозможно изучение культурного слоя, но ввиду громадного количества остатков культуры каменного века и важного в доисторические времена стратегического и рыболовно-промышленного значения этого острова, а главное, что стоянке грозит окончательная гибель от работ кладоискателей, необходимо повести здесь самые энергичные работы по сбору культурных остатков»⁴⁹. О. Е. Клер просил Н. А. Рыжникова продолжать раскопки на острове, обещая оплачивать его труд из собственных средств.

⁴⁹ ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 67. Л. 40.

Титульный лист статьи О. Е. Клера
и К. И. Фаддеева
«Гончарное производство
доисторического человека
у дер. Палкино».
1895 г.

Большой чести удостоился ученый секретарь УОЛЕ в 1888 г., когда Московское археологическое общество предложило ему, как знатоку уральских памятников, принять участие в составлении Археологической карты России. О. Е. Клеру поручалась восточная часть Пермской губернии (Ф. А. Теплоухову — западная)⁵⁰. Более года занимался этой работой краевед, взяв к себе в помощники К. И. Фаддеева. Сначала ими была составлена картотека, в которой собраны все сведения об известных памятниках старины и местах находок

⁵⁰ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 23. Л. 81.

древних предметов на Урале, затем информация с карточек была вынесена на карту. 14 апреля 1890 г. на общем собрании УОЛЕ О. Е. Клер и К. И. Фаддеев представили свой труд — первую археологическую карту восточной части Пермской губернии⁵¹.

Работая над картой, составители подняли весь накопленный в музее УОЛЕ археологический материал. В итоге у них возникла мысль о необходимости создания при обществе специальной комиссии, которая бы занялась обработкой этого материала и дальнейшим изучением уральских памятников. Такая комиссия была образована на общем собрании УОЛЕ 13 января 1890 г.⁵² Председателем ее стал О. Е. Клер. Прежде всего, новая комиссия повела решительную борьбу с кладоискателями, опираясь на недавно принятый указ, по которому раскопки памятников истории объявлялись исключительным правом Археологической комиссии. Когда, например, О. Е. Клеру стало известно о хищнических раскопках на оз. Половинном, он обратился к Главному начальнику уральских заводов, и кладоискатель (горнопромышленник В. С. Соболев) был привлечен к ответственности⁵³.

В планы своей работы на первую очередь комиссия УОЛЕ поставила исследование тех памятников, которые разрушались в силу каких-либо условий. К таким объектам среди прочих было отнесено Исетское озеро, расположенное к северо-западу от Екатеринбургa, на расстоянии одной версты от железнодорожной станции Исеть. Первые стоянки первобытного человека на островах озера были открыты еще в 70—80-х годах XIX в. М. В. Малаховым и О. Е. Клером⁵⁴. Вода озера ежегодно вымывала из его берегов массу древних предметов, которые тут же растаскивались местными жителями.

Летом 1890 г. УОЛЕ организовало большую экспедицию в район озера. Руководил экспедицией О. Е. Клер, его помощниками были Н. А. Рыжников и четверо рабочих с Верх-Исетского завода. За три месяца работы — с 15 июня по 20 сентября — ими бы-

⁵¹ Зап. УОЛЕ. 1891—1892. Т. 13, вып. 1. С. 77. В настоящее время местонахождение этой карты неизвестно.

⁵² Там же. С. 68.

⁵³ ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 67. Л. 63.

⁵⁴ *Рыжников Н. А.* Доисторическая жизнь у Исетского озера // Округ. 1927. № 18. С. 66.

ли обследованы берега и острова озера, а также некоторые горы в его окрестностях. Раскопками и разведками было установлено, что, «помимо ряда более или менее больших стоянок доисторического человека, занимавших большие площади, существовали еще отдельные жилища той эпохи, следы которых, т. е. культурные остатки, встречаются по всему побережью озера»⁵⁵.

Свою работу экспедиция начала в дер. Коптяки, расположенной рядом с озером. На площади, занимаемой деревней, были найдены следы стоянки, которую обозначили по названию места «Коптяки-1». Провести правильные раскопки здесь было невозможно, так как культурный слой памятника оказался разрушенным. На стоянке «Коптяки-2», обнаруженной на южном берегу озера, к западу от деревни, исследователи откопали 14 ям-землянок. В них были найдены очаги, сложенные из кусков гранита и сланцев, угли, черепки глиняной посуды, медная пластинка в виде ножа, большое количество маленьких тиглей из тальковой глины⁵⁶. Одна почти такая же по размерам яма-землянка была обнаружена на другой стоянке — «Коптяки-3», находившейся на том же берегу, в урочище «Осиновка». На дне землянки также оказался очаг, сложенный из плиток гранита и сланцев, с трубой из таких же камней, выведенной на поверхность. Около очага найдено небольшое гранитное «точило», керамика и осколки камней. На стоянке «Коптяки-4», открытой экспедицией в 350 саженях (1 сажень равняется 2,1336 м) к западу от предыдущей, в урочище «Липовка», были раскопаны еще две небольшие ямы, но без очагов. Среди находок были несколько пряслиц, скребки, наконечник стрелы из камня, обломки каменных орудий, большое количество фрагментов керамики.

В урочище «Березовка», на юго-западном склоне мыса «Березовый», на стоянке «Коптяки-5» раскопки

⁵⁵ Полевой дневник экспедиции, который вел О. Е. Клер, не сохранился. Описания работы и стоянок, содержащиеся в нем, приводятся по рукописи Н. А. Рыжникова «Материалы для археологической карты Урала» (ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 67) и его статье «Доисторическая жизнь у Исетского озера» в журнале «Округ» (1927. № 18).

⁵⁶ Коллекции вещей со стоянок, открытых экспедицией на Исетском озере, хранятся в настоящее время в фондах СГОИРМа (См.: *Берс Е. М.* Каталог археологических коллекций... С. 21—25).

были произведены вдоль берега на полосе протяженностью 25 саженей и шириной в 3—6 саженей. По описанию Н. А. Рыжникова, культурный слой этого памятника был очень тонок — 1—2 вершка (1 вершок равен 4,45 см), все находки встречались в слое гравиевых отложений (суглинке), залегающем под культурным слоем⁵⁷. Здесь были найдены горн для плавки меди, обломки большого тигля, большой железный нож, много «точил», несколько каменных орудий, большое количество керамики. На стоянке «Коптяки-6», расположенной на мысу «Листвянка», экспедиция обнаружила немало интересных предметов из меди.

Большой раскоп был заложен на стоянке «Коптяки-9», на о-ве Еловом. По наличию найденного здесь большого количества каменных орудий, отщепов, точил исследователи предположили, что здесь размещалась мастерская эпохи неолита, где изготавливались орудия из камня. Раскопки этого памятника дали также много керамики — более тысячи фрагментов посуды и других изделий из глины. О. Е. Клер в одном из своих писем сестре с места раскопок писал: «Количество предметов, которые погребены здесь, поистине удивительно. Орнаменты черепков представляют много новых сочетаний по сравнению с теми, которые имеются на черепках, найденных в Палкино и на обоих Карасых озерах»⁵⁸.

В целом ряде мест открытые экспедицией стоянки остались почти неисследованными в силу неудобства местности (вековой лес, повал деревьев) или разрушенности культурного слоя (жилая застройка, размытое водой побережье). Небольшие разведочные работы были проведены на правом берегу Исетского озера, у устья речки Молебки («Коптяки-7»), на о-ве Липовом («Коптяки-8»), у дер. Мурзинки («Коптяки-10»), около устья р. Черной («Коптяки-11»), на горе «Толстик»

⁵⁷ По мнению археолога Е. М. Берс, «Н. А. Рыжников, а по-видимому, и О. Е. Клер культурным слоем считали слой почвы на границе его с глиной, имеющей желто-бурую окраску, а все, что встречалось в слое почвы, окрашенной гумусом в серый цвет, носило у них название „поддерничного слоя“ и не входило в указанные ими размеры культурного слоя» (Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1951. № 21. С. 186).

⁵⁸ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 66 (пер. с фр.).

(«Коптяки-12»), на западном берегу озера («Коптяки-13») между устьем р. Кедровки и плотиной Исетского озера («Коптяки-14»), на о-вах «Красненьком» и «Соловецком» («Коптяки-16 и 17»).

Закончив работу на Исетском озере, О. Е. Клер и Н. А. Рыжников отправились на «Чертово городище». От раскопок здесь пришлось отказаться, так как на самом «городище» и вокруг него все было уже изрыто кладоискателями и «любителями археологии».

С Исетского озера экспедиция вернулась с богатым археологическим уловом: было собрано несколько десятков тысяч (до 150 пудов) различных находок. Часть из них (25 пудов) сразу же пришлось отправить в Петербург в Главное управление Верх-Исетских заводов в качестве компенсации за финансирование работ. Все остальное предназначалось в музей УОЛЕ.

О. Е. Клер и Н. А. Рыжников приступили к обработке собранного материала, которая растянулась на многие годы. В ходе ее было сделано интересное открытие: на фрагментах одного из керамических сосудов, найденных на стоянке «Коптяки-9», исследователи обнаружили явные изображения какого-то животного. Подобная находка была первой в практике уральской археологии. О ней О. Е. Клер писал в своей статье «Предварительная заметка об открытии изображений животных на сосуде неолитической эпохи на Урале»: «...среди массы узоров „геометрического орнамента“ мы нашли остатки сосуда, узор на котором представляет соединение геометрического с фигурным орнаментом: тем же 4-зубчатым чеканом (гребнем), которым нанесена полоса вокруг края и около середины стенки, нанесен вокруг всего сосуда, между этими горизонтальными полосами, ряд из 5 или 6 изображений животного, голова и шея которого напоминают жирафа... Я склонен предположить, что художник хотел изобразить северную антилопу или же водящуюся здесь и поныне косулю» [56, с. 225—226]. В своем выступлении, посвященном этому открытию, на общем собрании УОЛЕ 8 сентября 1900 г. Онисим Егорович особенно подчеркнул ту мысль, как важно во время раскопок брать абсолютно весь попадающийся керамический материал, а не ограничиваться, как это было принято среди археологов, собиранием только краевых обломков сосудов.

Помимо дер. Палкино и Исетского озера, объектом больших археологических исследований для О. Е. Клера стало также Ирбитское озеро. В 1889 г. член УОЛЕ Д. Н. Мамин⁵⁹ и служащий музея А. И. Гаккель обнаружили там древние бронзовые предметы. 22 июня 1891 г., получив открытый лист Императорской археологической комиссии, О. Е. Клер выехал на Ирбитское озеро в сопровождении нескольких рабочих. Сохранившийся полевой дневник археолога подробно рассказывает о проведенных экспедицией работах, содержит описание памятников и находок⁶⁰.

За три недели было обследовано более 14 мест, начиная с дер. Малый Таушкан. В разведочных траншеях, проведенных по огородам и на пашне за деревней, были найдены фрагменты керамических сосудов, обломок железного ножа, две ножевидные пластины, скребок, каменные отщепы и обломки⁶¹. Затем было раскопано курганообразное возвышение в урочище Горелки, у подножия которого обнаружены кости человека и рядом с ними каменный амулет и кремневый нож. Разведочные шурфы, заложенные в урочище за Березовым мысом, дали значительное количество керамики, наконечников стрел из камня, шлифовальных плит, отщепов, незаконченных обработкой каменных орудий, костей животных. Немало находок было собрано при просеивании песка на берегу озера под Березовым мысом, на отмели Журавлиный стан, на Талицком берегу. На стоянке, открытой на так называемом Андреевском острове среди болота, начинающегося сразу за Журавлиным станом, раскопки велись поспойно. «Находки, — писал О. Е. Клер в полевом дневнике, — попадались только в растительном слое толщиной от 9 до 12 вершков. Здесь найдены: медные шейные кресты, большой каменный пест, каменные изделия и черепки»⁶².

Свои наблюдения и работу на берегу озера, расположенного между дер. Малый Таушкан и Горелками, археолог описывал следующим образом: «Здесь было четыре ямы почти круглой формы, в диаметре 4—5 аршин, глубиной до $\frac{1}{2}$ аршина. В черноземе мощностью

⁵⁹ Известный писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк.

⁶⁰ ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 22. Л. 139—144.

⁶¹ Коллекции находок из раскопок О. Е. Клера на Ирбитском озере хранятся в фондах СГОИРМа.

⁶² ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 22. Л. 142.

в 2—16 вершков попадались изредка черепки и кремни. Я провел траншею поперек дюны и дальше середины ближайшей ямы. На глубине 2 и $\frac{1}{2}$ аршина найдены обугленные остатки сруба „в замок“... по-видимому, остаток избы».

На острове-поляне среди засохшего болота у дер. Горелки О. Е. Клер проложил две траншеи — с севера на юг и с запада на восток, «шириной в три аршина, длиной около двух сажен, в которых были обнаружены керамика, каменные изделия, отщепы, кости животных, зола». Разведочные работы, проведенные экспедицией на северном берегу озера, не дали никаких результатов. Только незначительное количество керамики нашел археолог на пашне у Третьего Карасьего озера.

Своей активной археологической деятельностью О. Е. Клер завоевал высокий авторитет среди ученых-археологов страны. Признанием заслуг краеведа в изучении памятников Уральского края стало его избрание в 1893 г. в члены-сотрудники Русского археологического общества⁶³.

Когда в 1895 г. на Урал впервые прибыл французский археолог И. А. де Бай, лучшего гида по уральским древностям, чем О. Е. Клер, ему было не найти. Онисим Егорович познакомил путешественника с археологическими памятниками окрестностей Екатеринбург — дер. Палкино, Шарташскими каменными палатками, Шигирскими торфяниками. Побывали они на озерах Исетском и Багаряк, произвели разведочные раскопки на Шабровских каменных палатках. На скалах Шабровских палаток и у их подножия исследователи обнаружили каменные и костяные орудия, фрагменты керамических сосудов, кости животных. Находки позволили им предположить о наличии здесь жертвенного места⁶⁴.

Гранитные обнажения, встречающиеся в лесах Урала, уже давно привлекали особое внимание О. Е. Клера: в конце 60-х годов XIX в. он впервые увидел Шарташские каменные палатки и «Чертово городище», заинтересовавшие его не только как своеобразное геологическое явление, но и как археологический памятник. В своей «Заметке о Шарташских каменных палатках», опубликованной в 1897 г. в «Трудах» Отделения рус-

⁶³ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 47. Л. 19.

⁶⁴ Берс Е. М. Археологическая карта... С. 230.

ской и славянской археологии Археологического общества, краевед писал: «Можно принять за весьма вероятное, что те из среднеуральских „каменных палаток“, около или в которых попадаются так называемые доисторические остатки, служили жертвенными местами, но в то же время могли быть и сигнальными башнями, ибо с Шарташских палаток огонь на вершине „Чертова городища“ должен быть виден, и наоборот...» [53, с. 7]. В том же году в «Путеводителе экскурсии VII Международного геологического конгресса» была напечатана еще одна статья О. Е. Клера, посвященная археологическим достопримечательностям окрестностей г. Екатеринбурга [55]. Большое место в ней было отведено Шарташским палаткам. Краевед рассказал об истории их археологического изучения, в котором принимал участие и он, о находках, позволяющих предположить об использовании этого места в древности под жертвенник или сигнальное кострище.

О. Е. Клер мечтал приняться за исследование малоизвестных «каменных палаток», находившихся в Нижне-Исетской, Сысертской, Кыштымской заводских дачах и других местах. Об этом он сообщал в письме секретарю Археологической комиссии В. Г. Дружинину в феврале 1896 г.⁶⁵ В этом же письме краевед предлагал комиссии решить вопрос о предоставлении ему открытого листа на изучение курганов в южной части Екатеринбургского уезда: «С прекрасной инструкцией г. Спицына в руках, — подчеркивал он, — уже не так страшно приниматься за такое дело». О том, что Онисим Егорович принял на вооружение новую инструкцию археолога А. А. Спицына (о приемах ведения раскопок) свидетельствовали и его намерения — взять в свою будущую экспедицию «одного молодого штайгера»⁶⁶, прекрасно умеющего снимать план и разрезы, а следовательно, и наносить на бумагу все подробности раскопок».

Краевед всегда предостерегал любителей археологии от проведения неподготовленных, дилетантских раскопок. Так, в 1895 г. он предупреждал члена УОЛЕ, служащего Сысертского завода В. П. Яркова относительно изучения памятников старины (кладбищ, городищ, курганов и т. п.): «Никогда не следует приниматься

⁶⁵ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—2.

⁶⁶ Имеется в виду штейгер.

за раскопки без предварительного изучения литературы предмета, или без разрешения Императорской археологической комиссии. Предварительно же было бы очень полезно собирать сведения о местах, где прежде или теперь попадаются или попадались так называемые „чудские“ предметы. . .»⁶⁷ В другом письме этому же корреспонденту О. Е. Клер писал еще более категорично: «Только раскопок — ради Бога — не предпринимайте: прошло время собирания древностей, как редкости: требуется немалая подготовка, чтобы можно было бы производить „научные“ раскопки»⁶⁸.

Осуществлению планов краеведа — продолжить свои археологические исследования — помешало ухудшившееся здоровье. Став в начале 1900-х годов хранителем археологической коллекции музея УОЛЕ, он всю свою энергию направил главным образом на обработку собранного им и другими членами Общества материала.

Археологическая деятельность О. Е. Клера, активно проводившаяся им пропаганда правильного и бережного изучения памятников древней истории Урала имели огромное влияние на его учеников и последователей. Из стен музея УОЛЕ вслед за М. В. Малаховым и К. И. Фаддеевым вышли такие видные археологи, как В. Я. Толмачев, Ю. П. Аргентовский, Н. А. Рыжников. Все они связывали с именем своего учителя целую эпоху в истории уральской археологии — эпоху ее зарождения и начала становления на твердую научную основу.

Научные интересы краеведа

Отдавая предпочтение ботанике, метеорологии и археологии, О. Е. Клер вместе с тем не ограничивался в своих занятиях только этими науками. Он был краеведом в самом широком смысле этого слова. Пристальный взгляд ученого привлекало абсолютно все, что касалось Уральского края — его растительный мир и фауна, атмосферные явления и географические особенности, следы далекого геологического прошлого и минеральные богатства. «В природе все одинаково велико и одинаково достойно внимания. . .» — говорил Онисим Егорович [1, с. 60]. Интересы исследователя

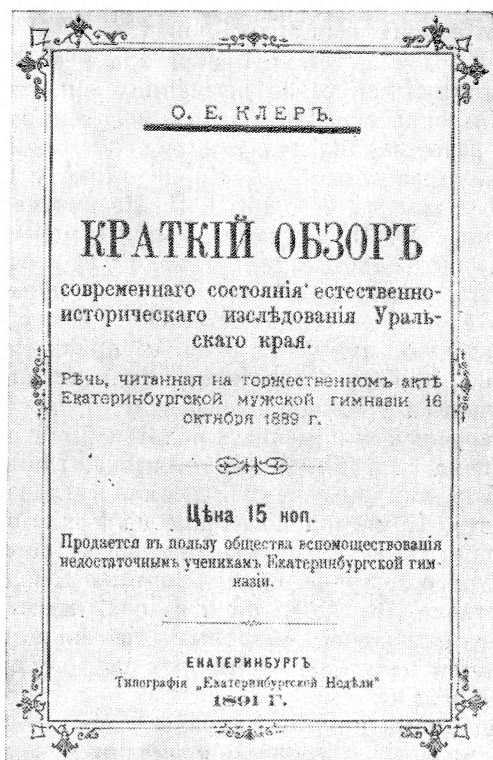
⁶⁷ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 2. Л. 215.

⁶⁸ Там же. Л. 246.

распространялись и на социальную историю края, быт его населения. Энциклопедические познания О. Е. Клера позволили ему написать «Краткий обзор современного состояния естественноисторического исследования Уральского края» [1].

Рассказывая в этой работе о достижениях в различных областях изучения Урала, краевед показал себя сведущим в сугубо специальных вопросах ботаники и метеорологии, географии, геологии и зоологии. В «Обзоре» он выступил и достаточно знающим историком, называя основные вехи общественно-исторического развития края, а также имена ученых, усилиями которых шло его изучение. О. Е. Клер не только констатировал достигнутое, он видел и перспективы дальнейших исследований. Так, рассматривая историю и результаты географического изучения Урала, краевед отметил: «...предстоит еще много трудов для приведения всех этих наблюдений в общую систему и проверки многих пунктов, нанесенных на карту на основании одних землемерных или маршрутных съемок» [1, с. 62]. Будучи в курсе всех последних открытий и достижений в области геологии и минералогии, О. Е. Клер имел ясное представление о новых направлениях горных изысканий. «В числе задач, имеющих практическое значение для Урала, — писал он, — можно указать на отыскание хороших залежей цинковых руд, недавно открытых Гебауером в Каменных каменноугольных известняках, открытие коренных месторождений платины и киновари, попадающихся до сего времени в песках» [1, с. 62].

Вопросу геологического изучения края Онисим Егорович посвятил одну из самых первых своих статей, опубликованных в «Записках УОЛЕ», — «О каменных палатках» [47]. В ней он, в частности, подчеркивал, что местные жители называют каменными палатками «такие обнажения горных пород, которые выдаются в виде развалин или построек, большей частью на вершине гор и холмов, а иной раз в середине более или менее ровной местности» [47, с. 95]. Одно из таких обнажений находилось вблизи Екатеринбурга у оз. Шарташ. Скрытые от людских глаз густым лесом эти «палатки» до сих пор оставались неизвестными ученому миру. Загадка их происхождения будоражила воображение местного населения, порождая на свой

**Титульный лист статьи О. Е. Клера
«Краткий обзор современного состояния
естественно-исторического исследования
Уральского края». 1891 г.**

счет множество легенд. О. Е. Клер, впервые в научной литературе, описал Шарташские каменные палатки и опубликовал сделанные с них фотоснимки. По поводу их строения он отмечал: «Они состоят из гранита, слоистое сложение которого прежде всего бросается в глаза» [47, с. 95]. Краевед говорил о необходимости «весьма подробного исследования этого обнажения» специалистами, чтобы решить вопрос о его происхождении. В 1873 г. на Урале работал геолог И. В. Мушкетов. О. Е. Клер обратил его внимание на Шарташские каменные палатки, и тот упомянул о них впоследствии

в своем учебнике «Физическая геология», приводя примеры выветривания гранитных пород⁶⁹.

Начиная с 1873 г. ученый секретарь УОЛЕ неоднократно поднимал вопрос на заседаниях общества о необходимости охраны Шарташских палаток от искусственного разрушения: над скалами постоянно нависала угроза превращения в каменоломню⁷⁰. Главный начальник уральских заводов И. П. Иванов не раз давал собраниям УОЛЕ обещания принять меры по спасению палаток. В 1896 г., когда около них в очередной раз началась ломка камня, О. Е. Клер обратился с письмом в Уральское горное правление, Екатеринбургскую городскую думу и даже к правительству⁷¹. 11 сентября 1896 г. вследствие постановления Главного начальника уральских заводов и городской думы вблизи Шарташских каменных палаток была строжайше запрещена разработка камня, песка, глины и пр.

В 1915 г., как президент УОЛЕ и член созданной при Обществе Комиссии по охране на Урале памятников природы, О. Е. Клер ходатайствовал перед органами власти об охране скал «Чертово городище» и «Семь братьев». Выступал он и за сохранность остатков озерно-ледниковой «морены» на южном берегу оз. Шарташ и некоторых типичных кедровых и лиственничных рощ на Урале⁷².

Наряду с памятниками природы краеведа в равной степени волновали и вопросы изучения и сохранения памятников материальной и духовной культуры народа. В 1873 г. на одном из заседаний УОЛЕ он высказал мнение о недопустимости переименования селений, когда «вместо народных, исторических названий вводятся в употребление такие, которые встречаются повсеместно»⁷³. «Между тем, — говорил О. Е. Клер, — местные названия географических предметов представляют значительный интерес при этнографических исследованиях...» Настоящую программу исследований в Уральском крае для этнографов-фольклористов уче-

⁶⁹ *Мушкетов И. В.* Физическая геология. СПб., 1903. Т. 2. С. 191.

⁷⁰ Зап. УОЛЕ. 1873. Т. 1, вып. 1. С. 89.

⁷¹ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 90. Л. 56.

⁷² Зап. УОЛЕ. 1915. Т. 35, вып. 1—3. С. VIII. Мнение О. Е. Клера о ледниковом происхождении гранитных камней на южном берегу оз. Шарташ было ошибочным.

⁷³ Зап. УОЛЕ. 1873. Т. 1, вып. 1. С. 8.

ный секретарь УОЛЕ изложил в 1895 г. в одном из своих писем члену Общества В. П. Яркову. Поощряя его деятельность по собиранию фольклора в Сысертском горном округе; он советовал «из каждой местности иметь полные списки с точным воспроизведением местного говора и с показанием ударения в каждом слове, имеющем более одного слога. Для записывания старинных песен, причитаний, поверий и суеверий и т. п., — писал О. Е. Клер, — лучше пользоваться указаниями старых людей; относительно новейших фабричных песен можно ограничиться указаниями на известные печатные сборники и записыванием вариантов. . . Во всяком случае полезно отмечать со слов лиц, сообщающих Вам песню, пословицу и т. п., от кого они ее переняли, и указать, общеупотребительна ли она в данной местности. . .»⁷⁴

Этнографией О. Е. Клер интересовался еще с 1871 г., когда Пермский губернский статистический комитет, членом которого он состоял, попросил ученого помочь в пополнении уральским материалом фондов Московского этнографического музея. Обещая свое содействие, Онисим Егорович планировал тогда объехать некоторые уезды Пермской губернии и собрать «не только костюмы, но и различные вещи, употребляемые в домашнем быту, модели жилищ», а также сделать «фотографические виды деревень и заводов, портреты более типичных лиц»⁷⁵. В «Записках УОЛЕ» в 1897 г. была опубликована одна фольклористическая статья краеведа, в которой он поместил несколько заговоров, записанных им со слов 70-летней слепой крестьянки из с. Горнощитского Екатеринбургского уезда Федосьи Михайловны Крохалевой [79].

Будучи организатором и руководителем УОЛЕ, О. Е. Клер стал и первым его летописцем. Деятельность общества систематически фиксировалась им в протоколах собраний и ежегодных отчетах. Они публиковались в «Записках УОЛЕ» и газете «Екатеринбургская неделя»⁷⁶. В 1888 г. краевед подготовил для сборника «Памятная книжка г. Екатеринбурга» исторический очерк об УОЛЕ, освещающий историю созда-

⁷⁴ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 2. Л. 214—215.

⁷⁵ Там же. Д. 1. № 52.

⁷⁶ Напечатаны были годовые отчеты О. Е. Клера за 1871—1875 гг., 1878—1879 гг., 1883—1895 гг. [57—63, 65—72].

ния и работу общества в первые десятилетия [64]. Несмотря на то что сам сборник по каким-то причинам так и не вышел из печати, очерк О. Е. Клера был напечатан отдельным оттиском и сделался ценным источником по истории екатеринбургского научного общества.

В «Записках УОЛЕ» были опубликованы выступления краеведа по случаю открытия при обществе художественного отдела и каталог этого отдела, а также составленные им отчет о выставке художественных произведений, устроенной в помещении музея УОЛЕ местными художниками в 1901—1902 гг., и каталог экспонатов этой выставки [73—76]. О крупной экспедиции, организованной Уральским обществом летом 1911 г. в Челябинский уезд, О. Е. Клер рассказал в «Отчете об исследованиях, произведенных УОЛЕ в так называемой Соймоновской долине» [77]. В «Трудах» общества и журнале «Уральское горное обозрение» он напечатал несколько некрологов и биографических статей, посвященных членам УОЛЕ — Б. О. Котелянскому, Р. Г. Миквицу, Г. А. Фритше, Е. П. Зеленкову [80—83].

Среди работ ученого имелась одна археографическая, представляющая публикацию двух интересных документов XVIII в. по истории рыболовного промысла на Урале [78]. О. Е. Клер обратился к этим документам в связи с мероприятиями УОЛЕ по выборазведению. В 1913 г. общество организовало на оз. Аракуль Зауральскую рыбоводную станцию.

На страницах «Записок УОЛЕ» О. Е. Клер выступил с целым рядом критико-информационных статей. В одной из них он остро критиковал «Краткое руководство при сборке, сушке и культуре лекарственных растений» и его автора — А. Б. Могильского, допустившего «грубые промахи по части геоботаники», совершенно непростительные, по мнению О. Е. Клера, так как речь шла о «народном здравии» [90]. В других — он обращал внимание уральских любителей естествознания на новые отечественные и зарубежные естественнонаучные книги и отдельные статьи [85—89]. В газете «Екатеринбургская неделя» в 1894 г. краевед сообщал о публикации популярным французским географическим журналом извлечения из отчетов известного исследователя русского Севера, члена УОЛЕ К. Д. Носилова о его путешествиях на Новую Землю [84].

Всего О. Е. Клер за свою жизнь опубликовал до 90 научных и научно-популярных статей. Разнообразная тематика их свидетельствовала о чрезвычайно широком научном кругозоре ученого.

«Асбестовое дело»

Много путешествуя по Уралу, О. Е. Клер на практике убеждался в том, что в этом крае «остаются еще вовсе или очень мало исследованными в геологическом отношении большие пространства» [1, с. 62]. Стремление стать причастным к открытию и изучению лежащих втуне горных богатств Урала побудило его принять участие в организации поисков и разработок полезных ископаемых.

В начале 1885 г. О. Е. Клером совместно с членами УОЛЕ горными инженерами И. Л. Меннетом и Г. В. Келле было учреждено Товарищество для эксплуатации уральских ископаемых. Целью Товарищества должны были стать открытие и разработка месторождений полезных ископаемых, «главным образом таких, которые до сих пор оставались без внимания, как-то: асбеста, слюды, вольфрама, свинца и т. п.»⁷⁷ Для участия в геологических изысканиях Товарищество пригласило горных инженеров, землемеров, крестьян-рудознатцев. Так, для поисков слюды в Монетную дачу был командирован крестьянин Пышминской волости В. Я. Марьин, в Сысертскую заводскую дачу — крестьянин Сысертской волости М. И. Филинков, в Кыштымской даче проводил разведки на различные минералы доверенный Товарищества горный инженер И. М. Гендрихов⁷⁸. Объектами поисков, помимо слюды, были также платина, хромит, каолин, наждак, корунд, огнеупорные глины, медная руда. Особенно успешно пошло дело с асбестом.

Сразу же после своего создания Товарищество оформило деловые отношения с горным землемером А. П. Ладыженским, который уже вел поиски асбеста «на свои средства» в Каменской заводской даче, близ Кудельного болота и кордона Вороньего Брода. Еще в декабре 1884 г. он наткнулся здесь на выходы бога-

⁷⁷ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1а. Л. 128.

⁷⁸ Там же. Л. 233, 274.

той асбестовой жилы⁷⁹. 23 февраля 1885 г. А. П. Ладженский, получив от О. Е. Клера «Свидетельство на поиски горного льна (асбеста) в дачах Екатеринбургского казенного округа», уже в качестве доверенного Товарищества вновь приехал на это место и при помощи нескольких рабочих продолжил разведку. В своей заявке Главному начальнику екатеринбургских заводов от 25 февраля 1885 г. он писал: «Разведав эту местность на средства моего доверителя и найдя ее заслуживающей к разработке, я снял разведочные столбы и постановил заявочные на те места с надписями, что площадь занята под горный лен на имя г. Клер»⁸⁰. Землемер передал членам УОЛЕ и все свои права на ранее открытые и заявленные им площади с асбестом. На имя О. Е. Клера под названием Вознесенского прииска № 1 был записан отвод местности в Каменской горнозаводской даче, «на самом берегу Щучьего озера, по обеим сторонам дороги, проходящей на Талицкое озеро от Кудельного болота на юго-запад, расстоянием от Вороньего Брода примерно в 10 верстах». В обязательствах, которые взял на себя владелец вновь открытого прииска, говорилось: «Из предоставленного для разработки прииска я, Клер, обязан вынимать ежегодно, согласно 1478 статье Устава Горного, не менее ста пудов „горного льна“ (асбеста); в противном случае прииск объявляется тунележащим и я, Клер, лишаясь на него права...»⁸¹ К началу 1886 г. за членами Товарищества были закреплены десять Вознесенских приисков. Так было положено начало открытию одного из крупнейших в мире месторождений асбеста — будущего Баженовского месторождения.

Летом 1885 г. Товарищество приступило к разработке асбеста: в июне для организации работ на Вознесенский прииск выехал Г. В. Келле. В «Накладной товарам и материалам», высланной ему вскоре на прииск, значились орудия труда: 3 наварных лома, 15 наварных кайл, 20 железных лопат, 4 наварных клина, 2 железные балды, сито для асбеста; бытовая утварь: 30 деревянных ложек, 5 деревянных чашек, луженая

⁷⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 739. Л. 3—4.

⁸⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 19. Д. 135. Л. 16.

⁸¹ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 739. Л. 16.

кастрюля, чугунный рукомойник и т. д.⁸² Посланы были Г. В. Келле также 40 расчетных книжек, из чего можно заключить о количестве приисковых рабочих, нанятых им для работы. В сентябре О. Е. Клер получил с прииска известие о том, что там достраиваются зимние жилища и магазины.

Стремясь наладить сбыт уральского асбеста в России и за границей, члены УОЛЕ развернули интенсивную переписку по этому вопросу с торгово-промышленными фирмами. В своем письме от 11 сентября 1885 г. в Петербургское управление русско-американской резиновой мануфактуры О. Е. Клер подробно описывал принадлежащие Товариществу прииски, рисовал перспективы их разработки. Он, в частности, отмечал: «Местность, где производится добыча асбеста (бостонита), занимает площадь в 8 кв. верст и составляет как бы сухой, змеевиковый остров среди озер и болот. В шурфах, выбитых во множестве пунктов, везде встречен асбест, с поверхности — разрушистый, какой доставил вам г. Келле, а глубже — обильными прожилками, дающими волокно длиною до одного вершка. . . На второй сажени глубины в шахтах и разрезах получается средним числом 10 пудов разной длины асбеста из кубической сажени. . . При этих условиях ясно, что на многие годы можно из одной этой местности добывать миллионы пудов»⁸³. Профессору минералогии А. Е. Арцруни краевед сообщал: «Разведки, произведенные от нас (по поручению Товарищества. — Л. З.) г. Ладыженским не только по соседству с этим местом (Каменская заводская дача. — Л. З.), но также и в Северном и Южном Урале, как и сведения и образцы, полученные от других лиц, вполне подтвердили, что другого подобного нашему месторождения асбеста на Урале не имеется»⁸⁴.

В конце 1886 г. Товарищество организовало пробное производство изделий из асбеста. О. Е. Клер в новом письме А. Е. Арцруни писал: «Теперь мы можем уже фабриковать в день десять пар рукавиц для пожарных. . .»⁸⁵ Однако вскоре Товарищество приостановило работу своей «фабрики»: выполнение небольших

⁸² Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1а. Л. 124—126.

⁸³ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1а. Л. 177.

⁸⁴ Там же. Л. 346.

⁸⁵ Там же. Л. 337.

заказов не приносило доходов, а крупные заказы не поступали. А после неожиданной кончины Г. В. Келле, последовавшей в июне 1887 г., у компаньонов возникли еще ббльшие затруднения: некому стало непосредственно руководить разработкой асбеста. О. Е. Клер и И. Л. Меннет, загруженные своими служебными обязанностями и к тому же не имевшие достаточных средств для ведения дела в крупных масштабах, вынуждены были в 1890 г. продать все десять Вознесенских приисков барону Э. А. Жирарду-де-Сукантон. Товарищество для эксплуатации уральских ископаемых прекратило свою деятельность.

Карьера горнопромышленника не сложилась у О. Е. Клера, впоследствии он даже не любил вспоминать об этом деле. Но практика работы в Товариществе особенно ярко показала краеведу насущную необходимость в расширении и коренном улучшении разведочного дела на Урале, в создании здесь научного центра по координации и проведению геологических изысканий, в открытии высшей горной школы. Обо всем этом О. Е. Клер горячо, заинтересованно сказал на общем собрании УОЛЕ 26 ноября 1896 г.⁸⁶

Глава IV

Педагог. Семьянин. Человек

Более сорока лет жизни на Урале О. Е. Клер посвятил педагогической деятельности. Преподавание было для него не только единственным источником получения дохода, но и любимой работой, благодатной сферой приложения своих знаний и таланта воспитателя.

Екатеринбургская мужская гимназия, куда О. Е. Клер был определен с 1 августа 1867 г. учителем французского языка, была известным в крае средним учебным заведением: в Пермской губернии в то время было всего две мужские гимназии (вторая находилась в Перми). В ней обучалось более 250 человек, среди которых половина — дети дворян и чиновников. Несмотря на то что сравнительно либеральный

⁸⁶ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 90. Л. 101, 102.

устав гимназий 1864 г. формально разрешил принимать в эти учебные заведения детей всех сословий, фактически доступ в них выходцам из «городских сословий» закрывала высокая плата за обучение.

В екатеринбургской гимназии, классической по своему типу, большое внимание уделялось изучению древних языков, точным же наукам отводилось незначительное место. Между тем и в учащейся среде и среди преподавателей ощущалось заметное стремление к естествознанию. Не случайно, что О. Е. Клер нашел сторонников идеи создания естественнонаучного общества в Екатеринбурге прежде всего среди своих коллег. Его активно поддерживали директор гимназии, выпускник Петербургского университета В. В. Всеволодов и инспектор, кандидат математики В. П. Позняков. Единомышленниками натуралиста стали преподаватели: И. А. Машанов и А. В. Кролюницкий (русский язык и словесность), Ю. А. Кумберг (немецкий язык), М. В. Голубков (математика и физика).

Особую симпатию у О. Е. Клера вызывал В. И. Обреимов, приехавший в Екатеринбург в 1869 г. после окончания физико-математического факультета Казанского университета. В Василии Ивановиче его привлекали передовые взгляды, деятельная натура, любовь к естествознанию. Математик сразу же принял самое активное участие в создании УОЛЕ. Кроме этого, В. И. Обреимов развернул широкую просветительскую деятельность среди екатеринбургской молодежи. В кружках, устраиваемых им у себя на квартире, обсуждались не только вопросы естествознания, но и социальные проблемы. Результаты этого общения гимназистов с незаурядной личностью математика не могли не сказаться вскоре на их взаимоотношениях с реакционной частью преподавательского состава гимназии. Конфликтная ситуация обострилась, когда в 1871 г. пришел приказ о введении нового устава гимназий и прогимназий. В новом учебном плане еще больше времени отводилось на изучение мертвых языков в ущерб естественным предметам. В. И. Обреимов, убежденный сторонник естественнонаучного образования, не стал подписывать своего согласия под этим приказом. Тогда же гимназический законоучитель, ярый реакционер И. Д. Знаменский, недовольный «вредным» влиянием математика на учащихся, особенно на их религиозные чувства, подал на него рапорт начальству. В. И. Об-

реимов, посчитав себя оскорбленным, написал прошение об отставке. В гимназии начались волнения: ученики вступились за своего любимого учителя. Все это вызвало большое неудовольствие властей, и в июне 1872 г. математик был выслан в Вятскую губернию. В гимназии же навели «порядок»: В. В. Всеволодов был вынужден уйти в отставку, В. П. Позняков — уехать из Екатеринбурга, уволились или получили взыскания некоторые преподаватели. Коснулась эта история и О. Е. Клера.

И. Д. Знаменский в своем рапорте, подробно излагая все известные ему «факты» пропагандистской деятельности В. И. Обреимова сообщил и «нечто против г. Клера». Он писал: «Клер как свободный швейцарец не мог не сочувствовать бредням свободы г. Обреимова...»¹ Это сочувствие обошлось «свободному швейцарцу» административным взысканием.

Новая атмосфера, воцарившаяся в гимназии, была тяжела для О. Е. Клера: от преподавателей требовалось насаждение муштры и бессмысленной зубрежки. Поэтому, когда в 1873 г. ему предложили перейти в новое учебное заведение Екатеринбурга — реальное училище, он с радостью согласился. К тому же в училище преподавателю предоставлялись большие материальные возможности, а это было существенным моментом для семейного человека.

Женился Онисим Егорович в октябре 1870 г. на дочери священника Наталье Николаевне Золотовой. Она окончила женское училище в Екатеринбурге, получила хорошее воспитание в семье своего дяди — екатеринбургского священника Николая Милорадова, который, по словам О. Е. Клера, был одним из самых передовых представителей своей среды². Наталья Николаевна отличалась миловидностью, обладала тихим и скромным нравом и, как отмечал через двадцать с лишним лет семейной жизни Онисим Егорович, стала «самым дорогим подарком» для него³. Первые их четыре дочери и последняя умерли в младенчестве, в живых остались три сына — Георгий, Владимир и Модест и одна дочь — Христина.

¹ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 617. Л. 27 об.

² Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1. № 14.

³ Там же. Д. 3. Л. 490. Жена О. Е. Клера умерла в 1893 г. от туберкулеза.

О. Е. Клер в кругу семьи
(верхний ряд слева направо:
Г. О. Клер, М. Я. Клер, В. О. Клер, Р. Г. Барнес,
Ю. Н. Грозных;
нижний ряд: М. О. Клер, М. Е. Клер-Барнес, М. Г. Клер,
О. Е. Клер, Э. Р. Клер, Х. О. Клер).
1914 г.

В первый же год своего преподавания в училище О. Е. Клер был избран секретарем Педагогического совета, в 1875 г. его переизбрали в этой должности на новое трехлетие. Кроме того, за ним постоянно было закреплено классное наставничество и заведование училищной библиотекой. В 1874 г. в отсутствие преподавателя ботаники и минералогии О. Е. Клер был временно допущен к ведению этих предметов.

Рабочий день Онисима Егоровича был предельно насыщен и хорошо организован: с утра — занятия в училище, иногда к ним добавлялись уроки в женской гимназии, заседания Педагогического совета, во второй половине дня — часто до позднего вечера — общественные дела, научная работа, а с 1876 г. — вдобавок ко всему заведование метеорологической обсерваторией.

Общественная деятельность преподавателя не ограничивалась только работой в УОЛЕ. Он состоял также членом многих добровольных общественных организаций Екатеринбургa: музыкального кружка, пожар-

ной дружины, Общества спасания на водах, Общества потребителей, Союза борьбы с детской смертностью, Общества помощи бедным ученикам, Комитета статистического бюро при екатеринбургской уездной управе и др.

В 1878 г. Попечительный совет реального училища избрал О. Е. Клера директором этого учебного заведения. Однако это решение было отклонено попечителем учебного округа: не положено, ибо кандидат, несмотря на его знания и научный авторитет, не имел диплома о высшем образовании. Позднее по той же причине Министерство народного просвещения неизменно отказывало О. Е. Клеру в назначении его на посты управляющего Уральским горным училищем и инспектора мужской гимназии, несмотря на все хлопоты главного начальника уральских заводов и даже попечителя учебного округа. Единственное, что исправно исполняла царская администрация, это награждение преподавателя за выслугу лет чинами и орденами. В 1874 г. он был произведен в надворные советники, в 1877 г. — в коллежские советники, в 1875 г. ему был пожалован орден св. Станислава III степени ⁴.

Казалось, все должно было устраивать О. Е. Клера в реальном училище: неплохое жалование, высокий авторитет у коллег и учащихся, но неожиданно, в ноябре 1878 г., он уходит из училища обратно в мужскую гимназию. Причинами такого перехода преподавателя были неприятности по службе. Рост известности Онисима Егоровича в научных кругах как ученого секретаря и знатока края, видного деятеля УОЛЕ породили зависть и недоброжелательство к нему со стороны руководства училища. Преподавателя стали незаслуженно обвинять в служебной нерадивости, что было оскорбительно для человека, делавшего безвозмездно большое дело. Был момент, когда О. Е. Клер серьезно задумался: не бросить ли все и не уехать в Казань, куда его усиленно приглашали? Может быть так и случилось бы, но поддержали товарищи. Н. Н. Новокрещеных — член УОЛЕ, главноуправляющий заводами и промыслами княгини Абамелек-Лазаревой обратился с письмом к ее влиятельному мужу и просил заступиться за О. Е. Клера ⁵. Заводчик преподнес мини-

⁴ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 47. Л. 30.

⁵ Там же. Д. 18. Л. 32.

стру народного просвещения И. Д. Делянову «Записки УОЛЕ», и преподавателя оставили в покое. Более того, в августе 1881 г. его даже назначили временно, на полгода, исполняющим обязанности инспектора мужской гимназии. И опять пошли чины и ордена: чин статского советника (в 1880 г.), ордена св. Анны III и II степеней, св. Станислава II степени, св. Владимира IV степени, серебряная медаль Александра III. Эти «высочайшие» царские награды, по воспоминаниям М. О. Клера, без особой радости принимались преподавателем: за каждую из них делался вычет по 40 рублей, ощутимо бивший по скромному учительскому бюджету. Единственная награда, которую он ценил, был знак «40 лет беспорочной службы» — наглядный итог его многолетнего служения делу народного просвещения.

Онисим Егорович любил преподавательскую работу, любил своих учеников, умел интересно, содержательно построить урок, где надо — шуткой, где надо — требовательностью привлечь внимание своих слушателей. Екатеринбургские школьники искренне уважали его как человека огромных знаний и высоких нравственных достоинств.

Будучи преподавателем французского языка, О. Е. Клер никогда не ограничивался в работе с учениками только своими прямыми обязанностями. Впервые в истории екатеринбургской школы им были организованы внеклассные беседы по естествознанию, экскурсии учащихся на природу и в музей УОЛЕ. С большим удовольствием школьники принимали участие в сборе растений и ловле насекомых, лучшие экземпляры которых затем отбирались в коллекции Уральского общества. Между тем все это происходило в те времена, когда в школах Екатеринбурга, как и повсюду в стране, царствовала «толстовская система»⁶ обучения, старавшаяся создать между учителями и учащимися чисто официальные отношения.

Приветствуя своего преподавателя по случаю 40-летней общественно-краеведческой деятельности, бывшие ученики О. Е. Клера высказали в его адрес немало благодарных слов. Они сравнили Онисима Егоровича со «светлой точкой, куда, как в фокус, собира-

⁶ По имени министра народного просвещения того времени Д. А. Толстого.

лись и где находили себе развитие лучшие и возвышенные стремления екатеринбургской молодежи»⁷.

Из стен екатеринбургской гимназии за время преподавания там О. Е. Клера вышло немало видных людей своего времени: нотариус А. Н. Батманов, адвокат В. Н. Мамин, врачи братья Н. А. и С. А. Миславские, метеоролог Р. Г. Абельс, археологи М. В. Малахов, В. Я. Толмачев, Ю. П. Аргентовский, профессор Киевского университета В. А. Удинцев, хранитель Минералогического музея Академии наук В. И. Крыжановский, революционеры С. Е. Чупцаев и Н. А. Чердынцев. Все они, несомненно, испытали на себе влияние незаурядной личности педагога-натуралиста и с уважением вспоминали о нем.

Онисим Егорович вырастил трех сыновей, которые стали крупными специалистами — каждый в своей области — и общественно активными людьми⁸. Наставляя Модеста и Владимира, которые тогда учились за границей, он писал им: «Будете ли профессорами, врачами, учителями или поступите на промышленную или коммерческую службу для зарабатывания средств к жизни, это довольно безразлично, лишь бы в вас жила и проявлялась та умственная и нравственная сила, благодаря которой человек бывает полезен себе и другим, но без которой самое лучшее образование: ничего путного не дает»⁹.

Но лучше всяких наставлений на юношей постоянно оказывал влияние личный пример отца. О. Е. Клер, несомненно, сам обладал этой «умственной и нравственной силой». Она помогла ему, не имевшему высшего образования, приобрести завидный авторитет педагога, ученого и общественного деятеля.

Выходец из Швейцарии, волею случая попавший в Россию, Онисим Егорович обрел на Урале свою вторую родину. Много лет прожив в Екатеринбурге, создав здесь семью и научное общество, отдавая все силы изучению края, он уже не мыслил себя без

⁷ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

⁸ Г. О. Клер (1875—ок. 1921) — географ, энтомолог, преподаватель екатеринбургской мужской гимназии; В. О. Клер (1878—1958) — доктор биологических наук, профессор Уральского университета, затем Свердловского медицинского института; М. О. Клер (1879—1966) — гидрогеолог, профессор Свердловского горного института.

⁹ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 5. Л. 80.

Урала. В 1885 г., побывав в Швейцарии, в родных местах, О. Е. Клер почувствовал себя там чужим и ненужным. Вернувшись, он принял русское подданство. О своей искренней привязанности к России ученый писал сыновьям за границу: «Очень рад, что вы продолжаете любить Россию; ведь и родная мать и вся ее родня — русские, и сам я принял русское подданство не вследствие какого-нибудь давления или искания каких-либо выгод, а по сердечному убеждению: за мой труд Россия дала мне возможность помочь родителям, воспитать сестру и братьев, дала вам бесплатное гимназическое образование; на ее земле — могила вашей матери, которая была для меня самым дорогим подарком, словом, есть за что любить Россию, даже независимо от разнообразной ее природы, великолепного языка и симпатичных черт характера ее сынов»¹⁰.

За свои многолетние труды на педагогическом и общественном поприщах О. Е. Клер не дождался особого материального поощрения от царских властей. Не нажил он себе и никакого состояния. В 1907 г., не имея возможности из-за сильно расстроенного здоровья продолжать преподавание в гимназии, Онисим Егорович вышел в отставку. Пенсия, которая ему была назначена, оказалась недостаточной для содержания семьи. Приходилось снова держать на квартире пансионеров и подрабатывать частными уроками и переводами.

Глава V

В последние годы жизни

По своим нравственно-политическим взглядам О. Е. Клер принадлежал к той части русской интеллигенции, которая, замечая все пороки существующего строя, пути избавления от них видела не в антиправительственной борьбе, а в нравственном и духовном совершенствовании людей. Находясь на той социальной ступеньке общества, где средства на жизнь добы-

¹⁰ Там же. Д. 3. Л. 490.

вались собственным трудом и знаниями, краевед не мог не видеть всей несправедливости распределения благ между имущими и неимущими. Объективным и равнодушным наблюдателем российской действительности конца XIX в. предстает он в своем отзыве, высказанном однажды по поводу только что прочитанного романа Л. Н. Толстого «Воскресенье»: «Что важнее в этом произведении, это по-моему, то, что оно заставляет человека задумываться над многими недостатками и пороками, свойственными современному обществу. Картина нравов, начиная от высшего общества и кончая каторжным, в высокой степени правдива и со временем послужит к характеристике нашей эпохи»¹.

Вместе с тем, будучи далек от понимания теории и практики революционного движения, О. Е. Клер отрицал революцию как единственный путь преобразования такой действительности. Наблюдая бурные события первой русской революции на Урале, он писал сыну Модесту из Екатеринбурга 16 октября 1905 г.: «...начавшаяся в Средней России забастовка железных дорог распространилась до Урала и дальше в Сибирь... Я не верю, чтобы такими забастовками, разорительными и для самих бастующих, и для всего населения страны, можно было бы достичь положительных результатов... не верю в целебность даже самых красных революций в смысле улучшения людей, ни даже их материальной обеспеченности»².

Как человек науки, избежавший заниматься политикой, Онисим Егорович мог бы превратиться в ученого-затворника, всецело поглощенного только своими исследованиями. Но он занял иную — общественно активную позицию в жизни. Считая невежество, нравственную и духовную пустоту человека главными причинами существования общественных пороков, краевед повел с ними неустанную борьбу теми средствами и возможностями, какие у него были. Широкие просветительские задачи он ставил перед собой лично и перед научным обществом, которое возглавлял. Об этом говорила его многолетняя практика бесплатной экскурсионной и лекционной работы. Об этом же свидетельствовала переписка с многочисленными корре-

¹ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 5. Л. 454.

² Там же. Д. 8. Л. 432, 433.

спондентами, среди которых были люди самого различного социального положения — от заводчиков до простых крестьян.

Ни одно письмо, даже от самого малограмотного сельского обывателя, О. Е. Клер не оставлял без внимания, приветствуя стремления своих адресатов к знаниям. А таких писем проходило через него немало. Так, крестьянин дер. Поториной Осиновской волости Шадринского уезда Евстафий Доброчасов писал в УОЛЕ в 1912 г.: «Имея сильную любовь к науке, в особенности к естественной истории, я всюю душою желал бы поближе познакомиться с интересующим меня предметом. Но не имея образования и ввиду недостатка материальных средств на выпуск изданий для самообразования, я чувствую себя человеком совсем пропащим. Глухая местность, серая однообразная будничная жизнь невежественного народа и почти полное отсутствие образовательных учреждений еще более усугубляет нашу жизнь. И рад бы кой-чему получить, но некуда обратиться. . .»³

Ответ ученого секретаря был доброжелателен. «Общество всегда радо нахождению себе сотрудников, — писал он, в частности, — особенно в местностях научно еще либо вовсе, либо мало исследованных, и всегда готово оказывать им посильное содействие в их занятиях изучением местной природы»⁴. Кроме этого, в письме сообщалось, что в «скором времени будут отпечатаны и разсланы бланки для вписывания наблюдений над прилетом и отлетом птиц, вскрытием и замерзанием рек, озер и болот, цветением, плодоношением и пр.»⁵

Сам характер научно-просветительной деятельности О. К. Клера, предельно демократичной и объективно выражающей интересы эксплуатируемого класса, не мог не привести его после победы Великой Октябрьской социалистической революции к искреннему принятию Советской власти. В народной сущности новой власти краеведу пришлось убедиться уже в первый год ее существования.

УОЛЕ не прекращало своей деятельности и в самое бурное для страны время — в 1917—1918 гг. По-

³ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 161. Л. 406.

⁴ Там же. Л. 410.

⁵ Там же.

прежнему напряженно работал музей общества, принимая в год более 15 тыс. человек, на общих собраниях читали доклады приезжие ученые и местные специалисты, действовали Минералогическая мастерская и передвижной музей. В начале 1918 г. перед УОЛЕ остро встал вопрос о средствах существования. Министерство народного просвещения и земские управы, от которых оно в последнее время получало денежные пособия, были упразднены Советской властью, и президент УОЛЕ боялся, не постигнет ли Уральское общество та же участь, что и многие другие старорежимные учреждения? От имени Комитета УОЛЕ он обратился за содействием в областной Комиссариат по народному просвещению, приложив к своему ходатайству обширную справку о деятельности общества — его истории, задачах, настоящем положении. 27 мая 1918 г. из Областного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала был получен ответ: «Постановление Уральского областного совета народного хозяйства от 26 мая: выдать Вам из кассы Облсовета 5 тыс. рублей...»⁶ Письмо было подписано членом Президиума Облсовнархоза Б. В. Дидковским. В условиях разрухи, тяжелого военного и финансового положения молодой республики Советская власть нашла возможность материально поддержать екатеринбургское научное общество, признавая тем самым необходимость его дальнейшей деятельности.

Новые органы власти обращались в УОЛЕ за различного рода справками. Так, отдел лесов Облсовета просил сообщить, «какие и где производятся Обществом гидрологические наблюдения» и ввиду ожидаемых весной больших половодий на реках губернии «определить нормы максимального стока воды»⁷.

В 1918 г. УОЛЕ не успело воспользоваться в полной мере поддержкой Советской власти: в июле Екатеринбург был занят белыми войсками. Хотя колчаковцы лояльно отнеслись к обществу, считавшемуся оплотом старой интеллигенции, никакой материальной дотации от Временного сибирского правительства оно не дождалось. В условиях разгула жестокой реакции, реставрации дореволюционных порядков президенту УОЛЕ невольно пришлось сделать сравнения

⁶ ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 10.

⁷ Там же.

колчаковского режима с Советской властью в пользу последней. Особенно возмутила О. Е. Клера жестокая расправа белогвардейцев над молодой учительницей Р. В. Полежаевой, обвиненной в подпольной деятельности. Краевед хорошо знал и ценил Рипсимию Васильевну как многолетнего сотрудника подвижного музея УОЛЕ. Когда вскоре после этого белые были выбиты из Екатеринбурга наступающей Красной Армией и по случаю освобождения города было создано экстренное собрание общества, О. Е. Клер открыл его словами памяти о Р. В. Полежаевой⁸. По предложению Онисима Егоровича 20 человек присутствующих собрали небольшое пособие для матери погибшей революционерки-подпольщицы.

С утверждением Советской власти в Екатеринбурге для ученого начался совершенно новый период в его жизни. 8 августа 1919 г. Президиум Екатеринбургского отдела народного просвещения постановил: «Принимая во внимание высокие научные заслуги президента УОЛЕ О. Е. Клера и в целях использования его эрудиции для просвещения Урала — пригласить его на должность научного консультанта при Отделе Просвещения по вопросам ураловедения, с окладом жалования в 3 000 руб. в месяц...»⁹ Это предложение глубоко тронуло Онисима Егоровича. И не только потому, что оно являлось заслуженным признанием его как крупнейшего знатока края. Это было спасением от того бедственного материального положения, в котором ученый находился в последнее время, не получая назначенной учительской пенсии и не имея возможности найти платные частные уроки или переводы.

Несмотря на свой довольно преклонный возраст — 74 года — краевед с энтузиазмом взялся за работу. Одним из первых его поручений стало создание Комиссии по вопросу о дальнейшей судьбе бездействующей екатеринбургской Гранильной фабрики. О. Е. Клер предложил собраться оставшимся в городе специалистам-геологам и знатокам камнерезно-гранильного дела. 21 августа 1919 г. состоялось серьезное обсуждение положения фабрики¹⁰. Бывший управляющий

⁸ Там же. Д. 6. Л. 153.

⁹ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 47. Л. 37.

¹⁰ Там же. Ф. 101. Оп. 3. Д. 6.

фабрикой геолог Ф. И. Кандыкин составил подробный доклад о состоянии и путях преобразования ее. О. Е. Клером был написан отзыв на этот доклад. Краевед соглашался с мнением геолога о необходимости восстановления и пополнения оборудования Гранитной фабрики, организации всей ее деятельности по новому. Если до революции фабрика исполняла в основном заказы императорского кабинета, то теперь, по мнению О. Е. Клера, «главное внимание должно быть сосредоточено на усовершенствовании приемов и механизмов для выделки таких каменных изделий, которые могут служить украшением народных дворцов и образцами в художественных школах»¹¹. Ученый считал, что особое развитие на фабрике должна получить «обработка твердых камней для осей и подшипников различных тонких и точных механизмов (например, часов, астрономических и физических инструментов)», а также обработка «более или менее прочных горных пород для строительных и декоративных целей». Не совсем ясным для Онисима Егоровича оставался только вопрос об огранке драгоценных камней. Он предположил, что «с уничтожением капитала вообще и исчезновением класса богачей эта отрасль промышленности сама собою упразднится или же останется лишь для экспорта в другие страны... А, может быть, — развивал свои мысли дальше О. Е. Клер, — все произойдет, как в одном из романов Э. Золя, описывающем „коммунистический завод, где жены рабочих бесплатно и на время получают всякие драгоценные украшения из объединенного склада“». В этом интересном документе краевед предстает как человек, полностью принявший не только Советскую власть, но и идеологию коммунистов.

Будучи научным консультантом, О. Е. Клер выполнял самые разнообразные задания: составлял инструкции для кружков по родиноведению, определял точность показаний метеорологических инструментов, которые ему присылали со складов Отдела народного образования, участвовал в экспертизах различных ценностей. В сентябре 1919 г. из кассы Отдела краеведу выдали крупную сумму денег — 18 400 рублей — «на расходы по охране памятников старины»¹². Часть

¹¹ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 40. Л. 183.

¹² Там же. Л. 191.

этих средств была истрачена им на организацию поездки члена УОЛЕ Н. Г. Стрижева по уральским заводам с целью выявления и сбора исторических и художественных ценностей. Объехав Уфалейские, Сысертские, Кыштымские заводы, в ноябре 1919 г. Н. Г. Стрижев доставил в музей Общества немало интересных материалов.

Как президент УОЛЕ О. Е. Клер прилагал все усилия, чтобы сосредоточить в музее все самое ценное из коллекций и библиотек, оставшихся в особняках екатеринбургских богачей, бежавших с Колчаком. Так, он командировал библиотекаря УОЛЕ отобрать книги из бывшего дома золотопромышленника Железнова, ходатайствовал перед Отделом народного образования о передаче Обществу поступившей на склад Отдела библиотеки члена УОЛЕ Л. Е. Шульца, имевшей «исключительную научную ценность»¹³. Заботился краевед и о комплектовании библиотеки новой, советской литературой, изданиями советских партийных и хозяйственных органов власти. Обращаясь в политотдел III Армии Восточного фронта, краевед просил выслать в УОЛЕ «по 3 экземпляра следующих печатных изданий: конституции, свода декретов, плакатов, изданных в Екатеринбурге, газет и журналов, а также, если имеются, и петроградские издания, как, например, „Красный набат“ и некоторые другие».

В ноябре 1919 г. на учредительной сессии Екатеринбургского губернского совета по делам статистики О. Е. Клер был избран его постоянным председателем. 30 ноября он уже участвовал в работе первого заседания Президиума губернского статистического бюро, на котором решались вопросы о подготовке к 10 % - ной сельскохозяйственной переписи, об организации секции статистики труда, о промышленно-профессиональной переписи и т. д.¹⁴

Предметом особых хлопот Онисима Егоровича в самом конце 1919 г. стал вопрос о новом помещении для музея УОЛЕ. Он начал переговоры с советскими организациями о предоставлении обществу одного из старинных зданий города. Краевед мечтал разместить музей в самом лучшем из них — в Харитоновском доме. И, наверное, Онисим Егорович добился бы этого,

¹³ Там же. Ф. 101. Оп. 3. Д. 50, 54.

¹⁴ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 40. Л. 185.

если бы его кипучую деятельность не прервала в начале января 1920 г. тяжелая болезнь. 18 января он скончался в городской больнице от сыпного тифа.

21 января О. Е. Клер был похоронен на екатеринбургском лютеранском кладбище¹⁵. В эти траурные дни Уральское общество получило десятки телеграмм-соболезнований со всех концов страны. Конференция Академии наук, проходившая в Петрограде, в своем послании УОЛЕ назвала смерть О. Е. Клера «тяжелой утратой, понесенной Обществом и русской наукой».

¹⁵ В настоящее время могила О. Е. Клера утрачена.

Заключение

С. А. Удинцев в своем биографическом очерке об О. Е. Клере писал: «Вкладывая в работу Уральского общества всю свою энергию, всю свою душу... О. Е. Клер, можно сказать, интересами Общества прожил всю свою жизнь, и мрачные стены Уральского музея, хотя бы и подпертые деревянными столбами — чтобы здание не развалилось, — составляли для Онисима Егоровича тот алтарь, к подножью которого он положил свои недюжинные интеллектуальные силы, и атмосферой которых он „и дышал, и действовал, и жил“»¹.

Бескорыстно отдавать свой труд на благо общественного дела, науки — на это в условиях жестокой капиталистической действительности мог быть способен поистине незаурядный человек, человек с высокими идеалами. Неудивительно, что О. Е. Клер пользовался большим уважением своих современников. Многолетняя теплая дружба и сотрудничество связывали его с А. П. Карпинским. В память краеведа его именем академик назвал нового представителя ископаемой фауны Урала. И. М. Крашенинников, считавший О. Е. Клера своим учителем и наставником, также увековечил его имя в науке, назвав в честь краеведа новый вид уральского растения. Д. Н. Мамин-Сибиряк в 1891 г. писал О. Е. Клеру из Петербурга: «Дорогой Онисим Егорович!... Я частенько вспоминаю Вас, и если бы кого из екатеринбуржцев желал видеть, то именно Вас, потому что нас с Вами объединяет деятельная любовь к Уралу»². Племянник писателя Б. Д. Удинцев вспоминал, «с каким уважением и любовью отзывался Дмитрий Наркисович о трудах основателя УОЛЕ Онисима Егоровича Клер, вырастившего

¹ Удинцев С. А. О. Е. Клер: (Предварит. биогр. очерк) // Зап. УОЛЕ. 1924. Т. 39. С. VIII.

² Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 10. С. 380.

около себя не одно поколение образованных уральских краеведов»³.

О. Е. Клер состоял членом почти 20 научных обществ и учреждений, русских и иностранных, был обладателем редчайших наград — шведского ордена Полярной звезды и французского знака Университетские (академические) пальмы.

В 1920-е годы, разрабатывая проект увековечивания памяти О. Е. Клера, члены УОЛЕ предполагали устроить в музее Общества зал имени ученого, поместить туда его бюст и портрет, издать специальный том «Записок УОЛЕ», посвященный краеведу, его именем назвать премию за лучшие труды по ураловедению, просить городские власти о присвоении имени О. Е. Клера Шарташским каменным палаткам, одной из улиц Екатеринбурга⁴. Однако в то тяжелое для страны время немногое из этих планов удалось осуществить. И хотя в городе так и не поставлено памятного бюста ученого, вечным памятником его трудам будет служить музей УОЛЕ, лежащий в основании Свердловского государственного историко-революционного музея⁵. Всегда с благодарностью будут вспоминать О. Е. Клера и все те, кто прикоснется к «Запискам УОЛЕ» — бесценной сокровищнице знаний об Урале, накопленных исследователями прошлого.

³ Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск: Кн. изд-во, 1962. С. 104.

⁴ Именем О. Е. Клера предлагалось назвать ул. Дровяную, где краевед проживал в последние годы своей жизни. Впоследствии она была застроена.

⁵ УОЛЕ просуществовало до 1929 г. Музей был выделен из его состава в 1925 г. и стал государственным.

Приложение
Из переписки О. Е. Клера
с известными учеными

Письмо Г. Е. Щуровского из Москвы от 12 мая 1870 г.¹

«Милостивый государь, Онисим Егорович!

Я имел честь получить письмо Ваше, адресованное в Москву, в то время, когда был в Петербурге, и потому не мог тотчас же отвечать Вам. Я искренне порадовался Вашему благому предприятию. Урал в особенности нуждается в таком ученом обществе, какое Вы задумали.

Вам желательно иметь программу для геологических исследований Урала, но такая программа уже давно существует и начертана великим авторитетом в ученом мире. Я разумею Мурчинсона; описание его путешествия по Уралу, по моему мнению, есть не иное что как программа для будущих исследований Урала. Экспедиция Гофмана в северную часть Уральского хребта и сочинение Грюневальдта (*Beitrage zur Kenntniss der sedimentaren Gebirgsformationen etc.*)² представляют превосходный пример дальнейшего развития Мурчисоновской программы. Вашему Обществу предстоит завидная участь развить ту же программу более обширно и сообразно с нынешними потребностями Горного Уральского производства. Мне кажется, в настоящую минуту на первом плане должно стоять обстоятельное исследование тамошних рудных месторождений и каменноугольных залежей. По соседству

¹ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 14. № 29. Автограф. Г. Е. Щуровский (1803—1884) — видный геолог, исследователь Урала, президент Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, почетный член УОЛЕ с 1871 г.

² Имеется в виду сочинение палеонтолога М. О. фон Грюневальда, участника экспедиции Э. К. Гофмана на Урал в 50-х годах XIX в.

с рудниками уже так мало лесов, что древесный уголь, по всей вероятности, будет употребляться только для плавки чугуна, а выделка из него железа будет производиться каменным углем и в других местах, именно по соседству с каменноугольными залежами на западном склоне Урала. Выяснить этот важный государственный вопрос — значит оказать величайшую заслугу не только геологии, как науке, но и приложению ее к самым насущным потребностям государственного хозяйства. Кому же легче это сделать, как не ученому естественноисторическому Обществу на Урале?

Московское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии от всей души приветствует нового собрата в его полезных начинаниях, в полной надежде, что оно принесет громадную пользу отечественной науке.

С совершенным почтением честь имею быть, Милостивый Государь, Ваш покорный слуга

Григорий Щуровский.

12 мая 1870 г.»

*Письмо Г. Е. Щуровского из Москвы
от 1 декабря 1870 г.³*

Милостивый государь,
Онисим Егорович,

от всего сердца поздравляю Вас с осуществлением того, что было Вашим давнишним желанием и что составляло также постоянную мечту нашего Общества. Мы душевно радуемся новому собрату — Уральскому Обществу Любителей Естествознания⁴, и подаем ему нашу дружескую руку. Русская наука скажет со временем большое спасибо тому, кто подал мысль об основании ученого Общества на Урале.

Примите, Милостивый государь, уверения в глубочайшем почтении.

Всегда готовый к услугам
Гр. Щуровский.

1 дек. 1870 г.»

³ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 14. № 43. Автограф.

⁴ 28 сентября 1870 г. министр народного просвещения утвердил устав УОЛЕ.

*Письмо Л. П. Сабанеева
из с. Метлино (Екатеринбургского уезда)
от 30 ноября 1870 г.⁵*

«30 ноября 1870 г.
с. Метлино

Дорогой Онисим Егорович!

Душевно поздравляю с открытием Общества⁶. Я получил вместе с Константином Ивановичем⁷ устав и просил написать, как пошли у вас дела, кто президентом и пр. и пр.

Теперь все сижу дома; только недели две назад ездил в Челябину, Куяш, Тюбук, Воскресенское, Уфалей и Кыштым, т. е. верст 300, и собрал по заранее составленной и подробнейшей программе множество сведений насчет промыслов. Сведения от Гельма⁸ мне очень пригодились, и я думаю кое о чем у него спросить через тебя, потому что скоро кончу переписывать начисто статью о сельском хозяйстве (листов 5 печатных и рублей 200) и примусь писать о рыбных и звериных промыслах и охоте. Надо за зиму заработать как можно более.

В октябре я достал 8 штук [...] и весной достану сколько мне будет угодно. Константин Иванович скоро собирается в Екатеринбург. Как здоровье твое и твоей жены? Моя здорова, тоже и дочка, которая исправно кричит: ура! Пиши.

Твой Леонид Сабанеев,

Кланяйся Миславским, Ивану Александровичу¹⁰ и др.»

⁵ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 15. № 50. Автограф. Л. П. Сабанеев (1844—1898) — видный ученый-зоолог, в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. вел исследования на Урале, член-учредитель УОЛЕ.

⁶ Открытие УОЛЕ было назначено на конец декабря 1870 г.

⁷ К. И. Кокшаров (ок. 1822—1886) — уральский горный деятель, владелец поместья Метлино, тесть Л. П. Сабанеева, член-учредитель УОЛЕ.

⁸ П. Г. Гельм (1827—1873) — аптекарь Богословского завода, натуралист, высылал Л. П. Сабанееву через О. Е. Клера сведения о животных Богословского горного округа.

⁹ Слово неразборчиво.

¹⁰ И. А. Крупин — екатеринбургский архивариус, опытный охотник.

*Письмо А. П. Карпинского из Петербурга
от 5 декабря 1882 г.¹¹*

«Милостивый государь
Онисим Егорович!

Во второй половине статьи ¹², которую я имел честь Вам переслать, находится следующее место, относящееся до меловых осадков Ю. Урала: «Находясь на самой оси Урала, на водоразделе, на высоте, достигающей здесь местами более тысячи футов, меловые осадки, представляя совершенно горизонтальные толщи, выполняют и т. д.» В настоящее время мне удалось достать некоторые еще не опубликованные данные о высотах Ю. Урала. Поэтому, для большей определенности, вышеприведенное место статьи лучше изменить следующим образом: «Находясь на самой оси Урала, на водоразделе, на высоте, достигающей 1000—1500 футов, меловые осадки и т. д.»

Конечно, если статья уже напечатана, то ни исправлений, ни примечаний к ней делать не нужно. В противном случае, сделав вышеприведенное изменение, Вы премного обяжете искренне уважающего Вас

А. Карпинского

5 декабря 1882 г.»

*Письмо И. В. Мушкетова из Петербурга
от 20 февраля 1896 г.¹³*

«С. Петербург, 20 февраля
1896 г.

Многоуважаемый
Онисим Егорович!

Получив извещение об избрании меня Почетным членом Общества любителей естествознания в Екатеринбурге, прошу Вас передать глубокоуважаемому Обществу мою искреннюю благодарность за столь лест-

¹¹ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 24. Л. 250. Автограф. А. П. Карпинский (1847—1936) — геолог и палеонтолог, академик (с 1889 г.) был почетным членом УОЛЕ с 1879 г.

¹² К напечатанию в «Записках УОЛЕ» готовилась статья А. П. Карпинского «Третичные осадки восточного склона Урала».

¹³ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 96. Л. 170. Автограф. И. В. Мушкетов (1850—1902) — геолог, исследователь Урала, действительный член УОЛЕ с 1873 г. (почетный — с 1896 г.).

ное ко мне внимание, которое для меня особенно ценно еще и потому, что свои первые научные шаги, как Вам известно, я начал в среде Общества и благодарен его нравственной поддержке. Это воспоминание всегда вызывало во мне живейшую благодарность Обществу, а теперь я чувствую ее вдвойне. Но, кроме того, прошу Вас, глубокоуважаемый Онисим Егорович, принять мою глубокую благодарность лично Вам за Ваше душевное внимание к началу моей научной деятельности в Уральском Обществе.

Прошу Вас также передать мою искреннюю признательность Президенту Общества доктору Миславскому.

С искренним почтением остаюсь преданный Вам И. Мушкетов.»

*Письмо Ф. Нансена (конец 1913 г.)*¹⁴

«Глубокоуважаемый господин Клер!

Не откажите в любезности подписать мне на память Ваш автограф на групповом фотоснимке¹⁵. Приношу Вам за это заранее мою благодарность.

С сердечным приветом остаюсь Ваш покорный слуга
Ф. Нансен».

Письмо А. Е. Ферсмана (из Петрограда)

*от 9 апреля 1915 г.*¹⁶

«Многоуважаемый Онисим Егорович, сейчас получил Ваше любезное письмо, передал рисунки уже в цинкографию и прочел Ваш перевод¹⁷. Обычно, насколько мне известно, термин «закономерное срастание» переводится:

¹⁴ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 (пер. с нем.) Автограф. Впервые опубликовано Л. М. Хандросом в газ. «Уральский рабочий» 10 окт. 1961. Ф. Нансен (1861—1930) — норвежский ученый-путешественник; в 1913 г. был в Екатеринбурге, избран почетным членом УОЛЕ.

¹⁵ Имеется в виду, вероятно, фотоснимок, сделанный в музее УОЛЕ во время пребывания Ф. Нансена в Екатеринбурге.

¹⁶ ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 40. Л. 60. Автограф. А. Е. Ферсман был действительным членом УОЛЕ с 1913 г.

¹⁷ К напечатанию в «Записках УОЛЕ» готовилась статья А. Е. Ферсмана «Случай закономерного срастания турмалина и полевого шпата из Мурзинки». О. Е. Клер сделал перевод этой статьи на французский язык.

1. Groupements réguliers, в других местах.

2. Groupements réguliers de cristaux d'espèces différentes, и мне лично кажется, что было бы лучше сохранить эту терминологию и в Вашем переводе.

Искренне благодарю Вас за все Ваши хлопоты и буду рад повидаться с Вами в середине мая, когда я буду проездом в Сибирь.

Искренне уважающий А. Е. Ферсман.

Благодарность Модесту Онисимовичу¹⁸ за прекрасную присылку материала.»

¹⁸ М. О. Клер — заведующий музеем УОЛЕ и Минералогической мастерской — высылал А. Е. Ферсману по его просьбе коллекции камней.

О. Е. Клер
Краткий обзор современного состояния
естественноисторического исследования
Уральского края ¹

Избирая темою для настоящей речи обзор современного состояния естественноисторического исследования Уральского края, я намеревался съездить летом в Пермь для пересмотра многих старинных или редких сочинений по этому предмету, хранящихся в Смышляевской библиотеке при гимназии. Обстоятельства мне этого не дозволили, так что мне пришлось настолько сузить рамки моей работы, что вместо критического разбора естественноисторической литературы об Урале, могущего представить интерес и для взрослых, вышел краткий обзор самых выдающихся и общеизвестных фактов, почему я приложил возможное старание, чтобы сделать его доступным ученикам гимназии, не имеющим по большей части понятий об естественных науках. Итак, прошу заранее извинения, если речь эта обращается специально к ученикам.

Изучение влияния природы на человека всегда было и будет одною из величайших забот человечества: на самом деле, главнейшая часть кратковременной его земной жизни расходуется на добывание пищи, одежды и устройство себе защиты от непогоды. От большего или меньшего совершенства в умении пользоваться дарами природы, главным образом, зависит степень благосостояния населения каждой страны. Не вдаваясь в подробности относительно влияния природы на физическое и нравственное развитие человека, нельзя однако не указать на важность обратного явления, т. е. воздействия человека на природу с целью устранения вредных влияний тех или других ее сил, лучшего использования ее богатств и, наконец, обращения на свою пользу даже и тех сил, с которыми прежде боролся. Насколько велико влияние человека над природою, можно видеть из некоторых явлений, имевших место у нас, на Урале: не очень давно, лет около 500—600 тому назад, может быть даже и несколькими столетиями раньше, жил здесь народ, имя которого нам неизвестно, но условия быта которого уже порядочно выяснены находками его изделий и остатков его построек, жертвенных мест и разной утвари: все его орудия и оружия состояли из камня, кости и дерева и добываемая ими впоследствии медь считалась драгоценным металлом и превращалась, вероятно, шаманами в самых укромных местах в идолы. Между тем, Уральские горы тогда, также как и теперь, изобиловали металлами, каменным углем, вблизи расстилались черноземные равнины; двигательная сила

¹ Был прочитан перед учащимися екатеринбургской мужской гимназии на торжественном акте 16 октября 1889 г., опубликован в «Записках УОЛЕ» — т. XIII, вып. 1, 1891—1892 гг.

водных течений служила только препятствием к передвижению на жалких челноках. Не место здесь рассказывать каким образом под влиянием открытий отважных промышленников, пришедших из России, и вследствие гениальных распоряжений Петра Великого и его преемников, воздвигались десятилетиями горные заводы и закипел наш край совершенно новой жизнью. Вы сами видите здесь на каждом шагу около себя торжество человека над природою, достигнутое рядом долголетних усилий множества людей именитых и неименитых: не уходя далеко от Екатеринбургa, вы видите громадный Верх-Исетский завод, отправляющий свое железо даже в Америку, на самом месте, где прежние обитатели убивали оленя и медведя каменными своими копыями и топорами, фаянсовые и гончарные заведения Давыдова, Чеканова и других на том самом месте, где уральские дикари лепили свои узорчатые сосуды; даже это прекрасное здание, в котором сейчас находимся и воздвигнутое для обучения детей всему хорошему и полезному, отстоит всего на несколько шагов от прежних курганов, где языческое, невежественное племя хоронило останки своих предводителей.

В этом превращении края можно отличить несколько последовательных явлений, тесно связанных между собою; первым шагом составляет открытие, скажем, железной руды, вторым — попытка к добыче и обработке ее, а затем организация правильной эксплуатации, повлекшей за собою наплыв населения и устройство всего необходимого для жизни этого населения. Первоначальным делом было, следовательно, отыскание в местной природе того полезного предмета, из-за которого постепенно должна была развиваться целая отрасль промышленности. По мере, однако, роста населения и под влиянием различных посторонних причин, наступает такой момент, когда оказывается избыток рук для ведения данного дела, а вследствие этого — необходимость отыскать новое применение труда, причем каждый нуждающийся в работе, прежде всего старается найти такого рода занятие, на котором применимо прежде усвоенное ремесло. Здесь, однако, встречается обыкновенно большое затруднение: за что именно приняться? где чего искать? Предвидя появление подобных запросов со стороны рабочего населения, правительство заблаговременно позаботилось исследовать природу Урала, пригласив для этого самых выдающихся ученых, никогда не жалело средств на разыскание новых мест нахождения полезных ископаемых и на устройство школ, где молодые люди могли бы научиться более усовершенным способам обработки природных богатств страны. Ученые эти и воспитанники специальных училищ сделали уже очень много на поприще исследования природы Уральского края и этим принесли стране громадную пользу, но было бы напрасно думать, что все уже сделано, что на вашу долю не хватит работы в этом направлении. Подобно юному Александру, сетовавшему на отца своего Филиппа за то, что тот не оставит ему ничего для покорения, часто молодые люди, взглянув на труды своих предшественников, воображают, что все уже сделано, и ужасаются массы знаний, которые необходимо им усвоить, чтобы идти далее самостоятельно; надеюсь, однако, что если не вы все, хоть некоторые из вас, подобно тому же Александру, хотя на другом поприще, добросовестно воспользовавшись наследием прежних тружени-

ков науки, не убоитесь идти дальше смелым шагом и одержите мирные победы на пути открытий и исследований на пользу дорогого отечества.

Некоторые из вас, быть может, скажут: мы понимаем пользу от открытия новых руд, изобретения новых машин и тому подобно, но к чему тут тратить время и труд на изучение всяких букашек и козявок, невзрачных трав и вообще таких ничтожных тварей, которые никакой пользы не приносят? Дело в том, что Бог так устроил природу, что в ней нет ничего лишнего. Когда Lövenhoak избрал микроскоп и его удивленному взору представило множество неизвестных существ, движущихся в капле воды, он мало подозревал, что со временем откроют в этих бесконечно малых зародыши самых страшных болезней, которыми страдает человечество, но также и действующее начало, производящее необходимое брожение в хлебном тесте, в квасе, пиве и множестве предметов, употребляемых нами в пищу. Возьмем еще для пояснения очень доступный вам пример: изучая в младших классах латинские слова, склонения, спряжения, ваш детский ум иногда недоумевает, к чему все это знать, но когда все эти предварительные дробные знания начинают применяться вами к чтению великих писателей древности, когда вы открываете сокровенную связь их между собою, зависимость частей от целого, то вы испытываете ощущение человека, с трудом взобравшегося по дну тесного ущелья и достигнувшего, наконец, вершины, откуда взору его открывается широкая равнина, освещенная солнцем, леса, где раздаются перья тысячи птиц и слышится журчание ручьев, носящих повсюду с собою жизнь и прохладу.

В природе все одинаково велико и одинаково достойно внимания. Эту истину хорошо сознавали первые ученые, отправленные императрицами Екатериной Первой, Анной Иоанновной и Екатериной Второй для исследования Урала и Сибири: возьмите объемистые труды Мессершмидта, Палласа, Гмеллина, Лепехина, Георги и Фалька и вы увидите удивительное разнообразие замеченных ими фактов. Вступая в страну, где еще не бывал ни один естествоиспытатель, они обращали неутомимое внимание на все, что представлялось их взорам. Например, Паллас провел сполгода в уездах Челябинском, Троицком и Шадринском, занимаясь преимущественно исследованием тамошних озер; определив химический состав вод и влияние его на жизнь рыб, он вместе с тем описывает и птиц, водящихся или прилетающих на эти озера, определяет растения, покрывающие их берега, описывает жилища, одежду, пищу, обычаи местных жителей, одним словом, воспроизводит полную картину природы и людей данной местности. Любопытен, между прочим, тот факт, что он более ста лет тому назад указывал на промышленное и лечебное значение некоторых из тамошних озер, а только в последние годы один стекольный фабрикант, а именно г. Федоров, начал добывать там горькую соль и стали большие съезжаться для пользования соленою водою и грязью. Академик Лепехин объезжал Уральский край в 1768—1769 гг. Он по пути осматривает и описывает соленые варницы, древние городища, костеносные пещеры, перечисляет и отчасти вновь описывает животных, птиц и растения, пополняя свои личные наблюдения распросными сведениями о пределах обитания соболя, лисицы, оленя, пере-

ходах их в разное время года, обилии пушных промыслов, изображает также жилища, домашнюю утварь, рыболовные снасти и охотничьи снаряды, употребляемые полудикими пермяками и вогулами², указывает местонахождение полезных ископаемых и даже не упускает случая записать употребленные инородцами трав для лечения своих болезней. Гмелин, Георги и Фальк при разъездах по Уралу и Сибири открыли и описали массу неизвестных до них пород животных и растений. Изучая произведение этих первых ученых-исследователей Урала, не знаешь чему более удивляться — обширности их познаний, наблюдательности их ума, или способности предугадать пользу, которую будущие поколения могут извлечь из их наблюдений и открытий.

В 1829 г. знаменитый Гумбольдт с минералогом Густавом Розе и ботаником Эренбергом, при щедром покровительстве императора Николая I, посетили Урал проездом в Сибирь. Гумбольдт определил значение цепи Уральских гор в физике земного шара, установил его древность и влияние на климат соседних стран; Розе описал заблаговременно подготовленные по Высочайшему повелению коллекции минералов и горных пород, осмотрел и описал многие замечательные копи и рудники, а Эренберг собрал богатый гербарий; нельзя не сожалеть, что вследствие ненадежной укупорки многие из собранных ими коллекций испортились дорогой.

Однако успехи отдельных наук и возрастающая трудность овладеть ими всеми, наподобие Гумбольдта, повели к применению в науках недавно открытого способа разделения труда, к так называемой специализации знаний. Так, посетивший Урал в начале сороковых годов английский геолог Мурчисон в сопровождении палеонтолога de Verneuil и графа Кайзерлинга, составил карту распространения горных пород на Урале, установил так называемую Пермскую формацию и описал множество новых фактов, ограничиваясь вообще изучением строения и состава гор.

Не думайте, господа, что утомлю ваше внимание перечислением имен всех лиц, трудившихся над научным исследованием Уральского края, от Мессершмидта до Палласа, а главным образом — в течение настоящего столетия. Тем не менее следует упомянуть еще о двух категориях людей, принесших в этом деле существенную пользу: к первой относятся лица, получившие солидное образование, которые, занимая выдающиеся места в горнозаводской, учебной и других администрациях, научно обрабатывали различного рода материалы, собранные как ими лично, так же и их подчиненными, а ко второй — простые смертные, которые, движимые любовью к родине и природе, употребляли часы досуга на исследование и описание достопримечательностей, находившихся вблизи мест их жительства. К первой категории принадлежит, например, Герман, управлявший горной частью на Урале в конце прошлого и в начале текущего столетия, впоследствии академик, который в нескольких объемистых сочинениях, частью на русском, частью на немецком языке описал весь подведомственный ему край в минералогическом, горнозаводском, статистическом и других отношениях; учитель Пермского главного училища, а затем директор Пермской гимназии

² Дореволуционное название народа манси.

Никита Саввич Попов, написавший по поручению губернатора Модераха «Хозяйственное описание Пермской губернии», изданное в Перми в 1804 г. в двух больших фоллиантах. Как Германово «Описание горных заводов», напечатанное в Екатеринбурге в 1806 г.,³ также и сочинение Попова составляют теперь большую библиографическую редкость.

Итак, трудами великих ученых и целой армии менее выдающихся деятелей наш Уральский край подвергся всестороннему изучению. Несомненно, если бы все эти труды имели одинаковое научное достоинство, мы могли бы считать исследование края довольно полным. Однако, при ближайшем изучении произведений этих почтенных труженников оказывается, что многие из них либо мало знакомы были с прежними исследованиями, касавшимися Урала и изданными на недоступных им языках или очень редкими, либо не имели возможности следить за общей литературой интересовавшей их науки, коротко сказать: прежде чем сделать общую сводку собранным, иногда разноречивым наблюдениям, большей частью является необходимость проверки их на месте. Для большей ясности изложу вкратце современное состояние некоторых отраслей научного исследования Уральского края.

Начнем с географического положения хотя бы нашего города Екатеринбурга: широта определялась астрономически многими лицами, начиная от времени основания города (1723 г.), но при последовавших перестройках в зданиях, которые должны были служить основными точками, нанесенные знаки уничтожались и приходилось вновь ее определять. Когда, лет пятьдесят тому назад, производилась геодезическая съемка казенных горнозаводских округов, основной точкой был избран медный гвоздь, воткнутый в вершину деревянного столба на западной стороне выстроенной здесь в 1835 г. обсерватории. С течением времени медный гвоздь исчез, деревянный столб сгнил и только при помощи старых планов и записей удалось мне в 1876 г. отыскать гнилушки — последние остатки этого столба и, с разрешения горного начальства, поставить на этом месте каменный столб. Долгота же определялась несколькими учеными хронометрическим способом, но, как известно, особенно при громадности расстояний и трудности сообщений до введения пароходства и устройства железных дорог, ход хронометров был не особенно надежен и определения долгот не могли считаться окончательными; только в 1873 г., при определении долготы усовершенствованными инструментами и с помощью телеграфа, начиная из глубины Сибири и дойдя до Пулковской обсерватории, удалось астрономам генерального штаба Кульбергу и Шарнгорсту установить окончательно широту и долготу Екатеринбурга: основным пунктом служит кирпичный столб близ ограды католической церкви с северной стороны, середина которого находится под $56^{\circ}50'9,74''$ северной широты и $30^{\circ}17'30,79''$ к востоку от Пулкова.

Широту Верхотурья и Соликамска определил Мессершмидт в 1726 г., широту Нового Усоляя в Соликамском уезде и с. Сайгатки в Осинском определил французский академик Delille, член Камчатской экспедиции, отправленной для исследования Сибири в 1732 г. императрицей Анной Иоанновной.

³ Дата неверна, точнее: в 1808 г.

Не стану перечислять всех астрономических определений Ковальского, Терлецкого и других, сделанных на Урале, но несомненен тот факт, что предстоит еще много трудов для приведения всех этих наблюдений в общую систему и проверки многих пунктов, нанесенных на карту на основании одних землемерных или маршрутных съемок. К числу этих сомнительных пунктов принадлежит значительная часть высочайших гор Уральского хребта.

Если топография многих частей Урала еще требует проверки и дополнения, то что же сказать о гипсометрии, то есть об определении высоты каждого пункта над уровнем моря. Исходными точками при триангуляционных работах послужили метеорологические обсерватории в Богословске, Екатеринбургe и Златоусте, для которых высота нулевой точки барометров относительно каких-либо постоянных предметов была определена нивелировками, а измерения высот производились вообще барометрически. Вычисленная, например, высота здешней обсерватории принималась равной 997,1 английским футам, а после нивелировки Уральской железной дороги и новых вычислений Срезневского и Тилло считают ее равной 928 футам. Для некоторых вершин определения различных ученых еще более разноречивы, например, для Павдинского камня Гельмерсен дает 2,700 парижских футов, а Терлецкий — 3,670 английских футов.

Очевидно, что новое определение основных точек влечет за собой переделку всех остальных вычислений высот. К тому же, при трудности передвижения по таким диким местам, каковы высокие вершины Северного и Южного Урала, инструменты часто портились, так что их показания нередко оказываются довольно сомнительными. В последние годы г. директор здешней обсерватории Абельс, управитель Висимо-Шайтанского завода Бекман, управитель Верхне-Уфалейского завода Соловьев и некоторые другие лица, снабженные надежными инструментами, занялись проверкой прежних определений и производством новых, но долгие годы еще пройдут, пока не будут измерены все вершины нашего старого Урала.

Перейдем к геологическому исследованию страны. Первое серьезное геологическое исследование в современном смысле этого слова сделано было Гумбольдтом и его спутниками; котом работал, как уже сказано, Мурчисон; Гофман, Гельмерсен, Щуровский, Барбот-де-Марни и другие — в 40-х и 50-х годах, а в наши дни Меллер, Карпинский, Штукенберг, Чернышев, Леш, Сопальский, Церренер, Зайцев и многие другие значительно расширили круг сведений о строении и составе Уральских гор, но остаются еще вовсе или очень мало исследованными в геологическом отношении большие пространства: определились рамки картины, набросаны главные контуры, но до окончательной растушевки еще далеко.

Своими драгоценными камнями и металлами Уральские горы давно славятся, почему минералогия и петрография страны всегда привлекали внимание многих ученых и любителей. Так как, однако, редко проходит год, чтобы простые мужики и искатели не нашли новые месторождения того или другого полезного ископаемого, то нетрудно вывести заключение, что и на этом поприще предстоит еще поработать не одному поколению. Мало того, недавно применили микроскоп к изучению горных пород и оказалось, что многие из них,

по **наружным признакам** считавшиеся тождественными, на-
против, очень различны между собой, почему все определения,
произведенные в прежние годы без помощи микроскопа, тре-
буют специальной проверки. В числе задач, имеющих большое
практическое значение для Урала, можно указать на отыска-
ние хороших залежей цинковых руд, недавно открытых Ге-
бауером в Каменских каменноугольных известняках, открытие
коренных месторождений платины и киновари, попадающихся
до сего времени только в песках.

Ископаемое царство, однако, является не только в виде
гор, скал, кристаллов, металлов и тому подобных твердых тел,
к нему относятся и воды, изобилующие на Урале в виде озер,
рек и ключей. Нам всем известно о существовании нескольких
минеральных ключей, привлекающих страждущее человече-
ство для излечения своих недугов, но многие ли из них были
предметом всестороннего научного исследования? Анализиро-
ваны пробы вод Нижне-Сергинских, Обуховских, Курьинских,
а, может быть, еще двух-трех источников или озер; но о раз-
личном количестве полезных веществ, которые они содержат
в разные времена года, температуре их, обилии истекающей
из них воды ничего точно не известно. Что же говорить о
простой, пресной воде, употребляемой человеком и нередко,
вследствие вредных примесей, являющейся могучим агентом
к распространению самых страшных болезней? Здесь сделано
такой мало, в сравнении с тем, что предстоит сделать, что
не стоит упоминания.

После почвы и воды обратим наше внимание на окружаю-
щую нас атмосферу и совершающиеся в ней явления. Если
вспомнить, что забота о жилище и одежде занимает у нас
почти столько же времени и труда, как и вопрос о пропита-
нии; что всякое значительное колебание температуры, влаж-
ности и воздушного давления отражается выгодно или невыгод-
но на здоровье всего населения; что от своевременного или
несвоевременного выпадения дождя и снега, главным образом,
зависят количество и качество урожая хлеба и всех полезных
растений, то для всякого ясна важность исследования сово-
купности атмосферических явлений или, короче говоря, иссле-
дование климата. Благодаря заботливости правительства, осно-
вавшего более пятидесяти лет тому назад метеорологические
обсерватории в Богословске, Екатеринбурге и Златоусте, и
трудам многих скромных наблюдателей в других местах, име-
ются вполне надежные наблюдения за многие годы и из поря-
дочного числа мест. Обработка этих наблюдений в связи с дру-
гими Веселовским, Дове, Кемцом, Вильдом, Воейковым и дру-
гими вполне определила характер климата всего Урала срав-
нительно с остальной поверхностью земного шара. Известно,
например, что в Екатеринбурге мы имеем зимой такую же
температуру, как на Шпидбергене, а летом наслаждаемся
такой же суммой тепла, как жители Брюсселя или Лондона;
что разница между самыми высшими и низшими температу-
рами достигает не менее 70 °С. Но как распределяется эта
температура по разным горам и долинам, как распределяется
количество выпадающего дождя и снега между обоими скло-
нами хребта и по отдельным местностям предстоит еще решить
в будущем устройством метеорологических станций в гораздо
большем числе пунктов, чем теперь.

Перейдем теперь к растительному царству. Раньше

я вскользь упомянул о трудах Гмелина, Георги, Лепехина и Палласа; справедливость требует привести еще имена Гельма (отца и сына), Ледебурга, Клауса, Мейннгаузена, Теплоуховых (отца и сына), а в последние десятилетия: Шелля, Сорокина, Булычева, Смирнова, Крылова, Коржинского и некоторых других. Всеми этими исследователями открыто и описано около одной тысячи явнотрачных растений и довольно приблизительно определены границы распространения некоторых из них. Но и здесь еще не все известно. В первые годы после моего приезда на Урал, в 1868 или 1869 году, я нашел во множестве в прудке на так называемой генеральской даче хорошенькие мелкие белые кувшинки *Nymphaea pumila* Ait., а в Исети, около деревни Палкиной — желтые кувшинки с цветками величиной с большую горошину *Nuphar pumilum* Smith; затем на болоте около села Воскресенского в здешнем уезде — мелкую, с белыми цветами и плавающими листьями купальницу *Caltha natans* Pall.; между тем, ближайшее место, где раньше были найдены эти растения — устья Лены. Растояние, как видите, немалое. Тоже самое я мог бы сказать вам и о многих других породах здешних трав. Другой еще поучительный случай: в изданной в 1866 г. «Московской флоре» Кауфмана этот в высшей степени добросовестный естествоиспытатель, преждевременную кончину которого оплакивают еще все русские ботаники, стараясь объяснить влияние почвы, климата и человека на распространение растений, дикорастущих в Московской губернии, посвятил несколько страниц обсуждению вопроса, почему нет в Среднем Урале двухцветного рабитника *Cytisus biflorus* L'Hérit. Между тем, что же оказалось? Этот кустик, под названиями лесной акации, «ива борова, ни дерево ни трава» растет не только в Среднем Урале, но и заходит к северу за Богословским заводом. Приведенных случаев, вероятно, достаточно, чтобы подтвердить сказанное уже о неполноте ботанических исследований. Но кроме явнотрачных растений есть целый мир так называемых тайнотрачных: мхов, лишайев, грибов, водорослей, от крупных до микроскопических, между тем, в литературе известны только три-четыре списка низших растений, собранных на Урале, так что о географическом распространении их сведения совершенно ничтожны.

Относительно царства животных кроме трудов исследователей прошлого столетия, имеется в печати очень ценное сочинение Эверсмана «Естественная история Оренбургской губернии», затем — «Позвоночные Среднего Урала» Сабанеева, некоторые монографии, помещенные в специальных сборниках, да, наконец, коллекции здешнего музея. Коллекции Эверсмана, Миддендорфа и других, хранящиеся в музее Императорской Академии наук еще не все описаны. Допустим, однако, что большинство уральских млекопитающих, птиц, гадов и рыб уже известно, но что же сказать о насекомых и вообще низших животных? Описаны некоторые коллекции бабочек; особенно важен в этом отношении прекрасный труд Эверсмана «Fauna lepidopterologica Wolgouralensis» и другие его статьи по энтомологии; описаны также немногие жуки и мухи, собранные коллекторами, но о географическом их распространении опять-таки ничего почти не известно. О животных микроскопических если и были какие-либо работы, то также микроскопические.

Как пример важности отсутствия подробного изучения местных насекомых укажу здесь только на факт, что никто не может с уверенностью решить, откуда взялись разные черви, «кобылки» и жучки, уничтожающие хлеб на наших полях: явились ли они из других мест или же, существовав здесь с незапамятных времен в небольшом числе на сорных травах, они получили от неразумного полеводства возможность развиваться в страшных размерах. Мы даже не знаем, нет ли в запасе в местной крылатой фауне еще таких пород, которые не сегодня, так завтра приобретут известность своими опустошениями.

Какое же общее заключение из всего здесь сказанного? Каждый из вас сам его сделает, если хватило у вас терпения дослушать, и скажет: многое сделано для естественноисторического исследования нашего Уральского края, но остается еще очень многое сделать. Это так скажу и я, но позволю себе дополнить это некоторыми практическими указаниями.

В настоящее время едва ли найдется на всем земном шаре хоть один ученый, который совмещал бы в себе основательное знание даже главных положений современной науки; из этого ясно, что некоторая специализация неизбежна, но человек не должен сделаться специалистом преждевременно. Постараюсь разъяснить это положение примером. Вам захотелось составить из себя оркестр, с чего вы начнете? Пользуясь уроками опытного учителя, сперва нужно вам изучить ноты, а каждому — строй своего инструмента, движение пальцев и т. д., а затем нужно пригласить капельмейстера, который распределит бы голоса одной и той же партитуры, задаст бы общий для всех тон и вообще дирижировал вашим оркестром: тогда вы получите музыку стройную, приятную вам и вашим слушателям. Изучение нот — это общеобразовательный гимназический курс, который вы теперь проходите и без усвоения которого вы никогда не будете в состоянии разыгрывать с честью вашу партию в общем концерте исследователей природы; без знания родного языка, словесности, логики, истории и географии вы не можете ни понимать литературы какого бы то ни было предмета, ни излагать ваши собственные мысли с должной последовательностью и ясностью; без знания древних и новых языков вы лишены возможности пользоваться громадным большинством специальных сочинений об Урале, не говоря уже о трудности следить за новыми открытиями; без математики и физики вы ровно ничего не поймете в действии сил природы, ни в трудах по географии и физике земного шара. Университет раздает каждому свою партию, научит правильно владеть специальностью и, когда вы вступите на путь самостоятельных исследований, у вас будет дирижером строгий научный метод, система в занятиях, без которой не делается никакое серьезное исследование...

Отсюда я позволю себе сделать следующий вывод: дорогие ученики, учитесь, прилежно учитесь: от прочности и хорошего усвоения гимназического курса зависит в громадной степени ваша пригодность в будущем для пополнения пробелов в изучении вашей родины в каком бы то ни было отношении...

Основные даты жизни и деятельности О. Е. Клера

- 1845 г., 25 февраля — родился в Швейцарии¹, в с. Корсель кантона Невшатель.
- 1859—1862 гг. — учеба в Промышленной школе г. Невшателя.
- 1862 г., ноябрь — получил свидетельство на право преподавания в народных школах.
- 1862 г., декабрь—1863 г. — пребывание в Италии.
- 1863 г., конец — приехал в Россию, Петербург.
- 1864 г., 15 января — получил от Петербургского университета свидетельство на звание учителя французского языка.
- 1864 г. — Москва, воспитатель в пансионе.
- 1864 г., октябрь — переезд в Ярославль, преподаватель в женском училище.
- 1864 г., ноябрь — участие в организации Общества для исследования Ярославской губернии в естественноисторическом отношении.
- 1867 г., август — переезд в Екатеринбург, преподавание в мужской гимназии.
- 1870 г., октябрь — женился на Н. Н. Золотовой.
- 1870 г., 29 декабря — открытие УОЛЕ.
- 1871 г., 3 января — избран ученым секретарем УОЛЕ.
- 1873 г., август — представлял УОЛЕ на IV съезде русских естествоиспытателей в Казани.
- 1873 г., ноябрь — перешел на преподавательскую работу в екатеринбургское реальное училище.
- 1874 г. — временно допущен к преподаванию ботаники и минералогии в 5 классе училища.
- 1876—1885 гг. — состоял смотрителем Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерватории.
- 1878 г., ноябрь — вернулся в мужскую гимназию.
- 1879 г., июль — командирован в Петербург, в Главную физическую обсерваторию.
- 1881—1882 гг. — временно исполнял обязанности инспектора гимназии.
- 1883 г., август — представлял УОЛЕ на VII съезде русских естествоиспытателей и врачей в Одессе.
- 1885 г. — принял русское подданство.
- 1885—1899 гг. — принимал участие в делах Товарищества для эксплуатации уральских ископаемых.
- 1887 г. — секретарь выставочного комитета Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки.
- 1887 г., май — пожалован орденом Полярной звезды.
- 1890 г., лето — археологическая экспедиция на Исетское озеро.
- 1891 г., лето — археологическая экспедиция на Ирбитское озеро.

¹ Для Швейцарии даты даны по новому стилю.

- 1896 г., октябрь — от Министерства народного просвещения Франции получил звание *officier de l'instruction publique*.
- 1897 г., декабрь — пожалован французским знаком отличия Университетские (академические) пальмы.
- 1898 г. — отказался от должности ученого секретаря УОЛЕ.
- 1901 г., декабрь — вступил в должность хранителя музея УОЛЕ.
- 1907 г., 30 ноября — уволен из гимназии в отставку.
- 1909 г., 10 июня — избран президентом УОЛЕ.
- 1919 г., 8 августа — приглашен на должность научного консультанта в Отдел народного просвещения.
- 1920 г., 18 января — скончался от тифа.

Избрание в члены научных обществ и учреждений:

- 1864 г. — член-основатель Общества для исследования Ярославской губернии в естественноисторическом отношении (с 1917 г. — почетный член).
- 1868 г. — член-корреспондент Московского общества испытателей природы (с 1914 г. — почетный член); действительный член Пермского губернского статистического комитета.
- 1870 г. — член-учредитель УОЛЕ (с 1895 г. — почетный член).
- 1872 г. — действительный член Минералогического общества (с 1896 г. — почетный член).
- 1881 г. — член-сотрудник Русского географического общества.
- 1886 г. — член-корреспондент французского Индо-Китайского академического общества; член-корреспондент Невшательского географического общества.
- 1891 г. — член-корреспондент Нью-Йоркской академии наук.
- 1892 г. — член-корреспондент Смитсоновского института в Вашингтоне.
- 1893 г. — член-сотрудник Русского археологического общества; член-соревнователь Уральского медицинского общества.
- 1895 г. — «непременный член» Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; почетный член Общества естествоиспытателей при Казанском университете.
- 1903 г. — почетный член Общества любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края.
- 1905 г. — корреспондент Главной физической обсерватории.
- 1910 г. — почетный член Пермского научно-промышленного музея; почетный член Петербургского общества естествоиспытателей.
- 1918 г. — почетный член Шадринского научного хранилища.

Библиография

Основные труды О. Е. Клера

Общее естествознание

1. Краткий обзор современного состояния естественноисторического исследования Уральского края // Зап. УОЛЕ. 1891—1892. Т. 13, вып. 1. С. 59—64.

Ботаника

2. Plantes de l'Oural Moyen, récoltées en 1868—1869 à Ekathèrinbourg et offertes en échange. 1-e centure // Bul. Soc. Natur. Moscou. 1869. Т. 4. Р. 268—271.
3. Extrait de la flore de Moscou (Московская флора) ou Catalogue des plantes vasculaires du gouvernement de Moscou par **N. Kaufmann**, Traduit et rédigé avec le concours de l'auteur par G. O. Clerc // Ibid. 1870. Т. 2. Р. 357—376.
4. Plantes de l'Oural Moyen, récoltées en 1868—1869 à Ekathèrinbourg et offertes en échange. 2-e et 3-e centure // Ibid. 1972. Т. 2. Р. 429—443.
5. О некоторых уральских растениях // Зап. УОЛЕ. 1873. Т. 1, вып. 1. С. 28—30.
6. Материалы о флоре Уральского края. Статья 1. О гербарии и каталоге (1852 г.) Златоустовской флоры Якова Кононовича Нестеровского // Там же. С. 46—88.
7. Материалы о флоре Уральского края. Статья 2. О хмельнолистной костяннике *Rubus humilifolius* (С. А. Meyer) // Там же. С. 89—95.
8. Инструкция 2. К составлению и сохранению ботанических коллекций // Там же. С. 97—105.
9. *Catalogus florae Mosquiensis* // Bul. Soc. Natur. Moscou. 1878. Т. 3. Р. 161—200.
10. Материалы о флоре Уральского края. Статья 3. О некоторых лечебных травах Среднего Урала // Зап. УОЛЕ. 1878. Т. 4. С. 51—102.
11. Материалы о флоре Уральского края. Статья 4. Списки растений, собранных Н. А. Благовещенским, И. Н. Ощепковым и П. П. Гельмом // Там же. С. 103—112.
12. Заметка о двух уральских *Surgipedium*'ax // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1902. Т. 3, вып. 2. С. 93—98.
13. *Epilobium palustre* L. // Там же. С. 179.
14. *Elodea canadensis* Rich. in Michx. // Там же. С. 181—182.
15. *Pulsatilla patens* Mill. *intermedia* Rgl. // Там же. С. 182—183.
16. О *Isoëtes lacustris* на Урале // Там же. С. 226.

17. *Androsace filiformis* Retz. var *glandulosa* Kryl. // Там же. С. 254—255.
18. *Sagittaria alpina* W. // Там же. С. 258—259.
19. *Filipendula Ulmaria* Max. *discolor* Koch. // Там же. 1905. Т. 5. С. 124.
20. Критические заметки и вопросы о некоторых уральских растениях // Там же. 1906. Т. 7, вып. 1. С. 18—24.
21. Материалы о флоре Уральского края. Статья 5. Список растений, собранных А. А. Черданцевым на горах: Качканаре (1904 г.), Косьвинском камне и Тылайском камне (1906 г.) // Зап. УОЛЕ. 1907. Т. 26. С. 169—178.
22. Материалы о флоре Уральского края. Статья 6. Список растений, собранных А. А. Черданцевым на горах: Сугомаке (1906 и 1907 гг.) и Таганае (1907 г.) // Там же. 1909. Т. 28, вып. 1. С. 7—8.
23. Материалы о флоре Уральского края. Статья 7. Более интересные из собранных В. О. Клером растений в 1905 г. на берегу оз. Тургойак // Там же. 1914. Т. 34, вып. 7—8. С. 105.
24. Материалы о флоре Уральского края. Статья 8. Исправления и добавления к прежним статьям автора // Там же. С. 106—145.
25. Материалы о флоре Уральского края. Статья 9. Растения, собранные Д. Штейнбергом (Казань) 31 июля 1915 г. на горе Качканар и новые для этой вершины // Там же. 1915. Т. 35, вып. 6—7. С. 116.

Метеорология, фенология

26. Инструкция 1. О наблюдениях над периодическими явлениями в жизни растений // Зап. УОЛЕ. 1873. Т. 1, вып. 1. С. 7—8.
27. Отчет о поездке для устройства метеорологических станций // Там же. 1874. Т. 1, вып. 2. С. 149—151¹.
28. Инструкция к производству наблюдений над грозами // Там же. 1877. Т. 2, вып. 2. С. 219—225.
29. Заметка о дождемерах // Там же. 1878. Т. 4. С. 113—125.
30. О количестве дождя и снега, выпадающем в Долматове (Пермская губерния). По 14-летним наблюдениям А. Н. Зырянова // Там же. С. 125—145.
31. Несколько замечаний о вскрытии Чусовой // Там же. 1880. Т. 5, вып. 3. С. 80—88.
32. Наблюдения над грозой, произведенные в Уральском крае в 1873—1879 гг. // Там же. Вып. 4. С. 89—164.
33. От Екатеринбургской обсерватории // Екатеринбург. неделя. 1881. № 12.
34. Замечательный град // Там же. № 30.
35. Екатеринбургская магнитная и метеорологическая обсерватория в 1876 г. // Зап. УОЛЕ. 1882. Т. 6, вып. 3. С. 1—103.
36. Аномальность погоды в Екатеринбурге // Изв. Имп. рус. геогр. о-ва. 1882. Т. 18, вып. 4. С. 57—58.
37. 1884-й метеорологический год в Пермской губернии // Зап. УОЛЕ. 1888. Т. 11, вып. 2. С. 150—171.

¹ Имеются сведения по ботанике.

38. Доклады для представления во II Всероссийский метеорологический съезд 1909 г. // Там же. 1909. Т. 28. С. СХIV—ХСХХ.
39. Об удешевлении метеорологических инструментов // Протоколы заседаний II Метеорол. съезда при Акад. наук, 11—17 янв. 1909 г. СПб., 1910. С. 22.
40. Об исходатайствовании правительственного пособия УОЛЕ на обработку и издание метеорологических и фенологических наблюдений // Там же. С. 85—86.
41. О расширении наблюдений над инсоляцией (по гелиографу) // Там же. С. 86.
42. Об устройстве высокогорной метеорологической станции на Урале // Там же. С. 201—202.
43. О производстве наблюдений над наступлением критических для культурных растений температур // Там же. С. 249—250.
44. Об организации постоянных и систематических наблюдений над колебаниями уровня озер и рек с другими связанными с ними явлениями // Там же. С. 272.
45. О расширении наблюдений над состоянием почвенных вод // Там же. С. 273.
46. О создании Высокогорной метеорологической станции на Урале // Зап. УОЛЕ. 1922. Т. 38. С. 1—20.

Геология, палеонтология

47. О каменных палатках // Зап. УОЛЕ. 1873. Т. 1, вып. 1. С. 95—96².
48. Предварительная заметка о мамонтовых костях, найденных у дер. Нижней Пуртовой Балаирской волости Камышловского уезда // Урал. 1897. 22 июня.
49. Там же. 7 сент.
50. О мнимом открытии в Канаде нового драгоценного металла // Урал. техник. 1912. № 6. С. 18—19; То же (Письмо в редакцию «Уральского техника») // Зап. УОЛЕ. 1913. Т. 32, вып. 2. С. 104.

Археология

51. Заметки о некоторых доисторических предметах, найденных в Уральском крае // Зап. УОЛЕ. 1884. Т. 7, вып. 4. С. 145—152.
52. Гончарное производство доисторического человека, жившего на городище у дер. Палкино на р. Исети (В соавт. с К. И. Фаддеевым) // Материалы по археологии вост. губерний России. М., 1895. Т. 2. С. 1—12.
53. Заметка о Шарташских каменных палатках // Тр. Отд. рус. и славян. археологии Рус. археол. о-ва. 1897. Кн. 1. С. 1—8.
54. Об открытии вещественного доказательства существования на Урале человека в эпоху мамонта // Урал. 1897. № 226.
55. La ville d'Ekathèrinebourg et quelques—uns de ses environs remarquable au point de vue d'archéologie préhistorique // Guide des excursions de VII Congrès géologique international. St. Pet. 1897. P. 1—8.

² Имеются сведения по ботанике.

56. Предварительная заметка об открытии изображений животных на сосуде неолитической эпохи на Урале // Зап. УОЛЕ. 1901. Т. 22. С. 224—227.

История УОЛЕ

57. Отчет о деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1871—1872 гг. // Зап. УОЛЕ. 1873. Т. 1, вып. 1. С. 39—51.
58. Отчет о деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1872—1873 гг. // Там же. 1874. Т. 1, вып. 2. С. 157—169.
59. Отчет о деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1873—1874 гг. // Там же. 1877. Т. 2. С. 97—107.
60. Отчет о деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1874—1875 гг. // Там же. С. 194—207.
61. Отчет о действиях Уральского общества любителей естествознания за 1878—1879 гг. // Екатеринбург. неделя. 1879. № 20—23.
62. Отчет о действиях Уральского общества любителей естествознания за 1883—1884 гг. // Зап. УОЛЕ. 1885. Т. 8. С. 52—57.
63. Отчет о действиях Уральского общества любителей естествознания за 1885—1887 гг. // Там же. 1887. Т. 10. С. 302—307.
64. Уральское общество любителей естествознания: Ист. очерк. (1870—1888). Екатеринбург, 1888. Репрогр.
65. Отчет о деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1887—1888 гг. // Зап. УОЛЕ. 1889. Т. 12, вып. 1. С. 78—83.
66. Отчет о состоянии и деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1888—1889 гг. // Там же. 1890—1891. Т. 12, вып. 2. С. 144—146.
67. Отчет о действиях Уральского общества любителей естествознания за 1889—1890 гг. // Там же. 1891—1892. Т. 13. С. 90—100.
68. Отчет о состоянии и деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1891 г. // Там же. 1892. Т. 14, вып. 1. С. 17—26.
69. Отчет о состоянии и деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1892 г. // Там же. Вып. 2. С. 17—26.
70. Отчет о состоянии и деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1893 г. // Там же. 1893. Вып. 3. С. 100—109.
71. Годовой отчет Уральского общества любителей естествознания за 1894 г. // Там же. 1895. Вып. 4. С. 187—199.
72. Годовой отчет Уральского общества любителей естествознания за 1895 г. // Там же. 1896. Т. 18. С. 19—42.
73. Каталог выставки художественных произведений, устроенной УОЛЕ с 23 декабря 1901 г. по 14 января 1902 г. // Там же. 1902. Т. 23. С. IX—XX.
74. Речь, читанная после молебна по случаю открытия художественного отдела музея УОЛЕ и выставки художествен-

ных произведений 23 декабря 1901 г. // Там же. С. XXI—XXV.

75. Отчет о выставке художественных произведений, устроенной художниками Л. Н. Жуковым, Н. Н. Клепининым, А. А. Шереметьевским, С. И. Яковлевым и другими в помещении музея УОЛЕ с 23 декабря 1901 г. по 22 января 1902 г. // Там же. С. XXVI—XXXIII.
76. Каталог художественного отдела музея УОЛЕ к 1 января 1904 г. // Там же. 1903. Т. 24. С. 113—131.
77. Отчет об исследованиях, произведенных УОЛЕ в так называемой Соймоновской долине летом 1911 г. // Там же. 1913. Т. 32, вып. 2. С. 145—162.

Археография

78. К истории рыболовного промысла на Урале: [Публ. документов и примеч. О. Е. Клера] // Зап. УОЛЕ. 1914. Т. 33, вып. 1, С. 101—102.

Фольклор

79. Заговоры // Зап. УОЛЕ. 1897. Т. 17, вып. 2. С. 345—346.

Биографии, некрологи

80. Материалы для биографии Б. О. Котелянского // Зап. УОЛЕ. 1894. Т. 13, вып. 2. С. I—XIII.
81. Евгений Петрович Зеленков: [Некролог] // Урал. горн. обозрение. 1901. № 37. С. 8.
82. Рудольф Гергардович фон-Миквиц: [Некролог] // Зап. УОЛЕ. 1914. Т. 33. С. II—V.
83. Г. А. Фритше: [Некролог] // Там же. Т. 34, вып. 3. С. LXXIII—LXXXIV.

Информации, рефераты, рецензии

84. [Информация] // Екатеринбург. неделя. 1894. № 31. — Инф. о ст.: Voyage à la Nouvelle-Zemble par C. Nossiloff et m-me Paschkoff.
85. [Информация] // Зап. УОЛЕ. 1914. Т. 34, вып. 3. С. 48. — Инф. о журн.: The Review of Applied Entomology (Обозрение прикладной энтомологии).
86. [Реферат] // Там же. — Реф. на кн.: Зараув Ф. Л. Северный олень в Европе во времена Александра и Цезаря. Готтенбург, 1913.
87. [Реферат] // Там же. Вып. 4. С. 73. — Реф. на ст.: Борьба с растратой ископаемых продуктов в Соед. Штатах Сев. Америки // Горные и золотопромышленные известия. 1911. № 11.
88. [Реферат] // Там же. Вып. 7. С. CXVI. — Реф. на кн.: Малькольм У. Заметки о минералах, содержащих радий. Оттава, 1914. Вып. 1.
89. [Реферат] // Там же. С. CXVI. — Реф. на журн.: Мелиорационный журнал / Ред. изд. Б. П. Жерве. 1914. № 3.
90. [Рецензия] // Там же. 1915. Т. 35, вып. 8/10. С. 146—148. — Рец. на кн.: Могильский А. Б. Краткое руководство при сборе, сушке и культуре лекарственных растений. Пермь, 1915. Вып. 1.

Использованная литература

- Анфиногенов А. А.* УОЛЕ // Материалы Первой науч. конф. по истории Екатеринбурга—Свердловска. Свердловск, 1947. С. 191—195.
- Архипова Н. П.* Роль УОЛЕ в развитии краеведения // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1951. Т. 2, вып. 18. С. 3—22.
- Архипова Н., Горчаковский П.* Онисим Егорович Клер // Календарь-справочник Свердловской области. 1970. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969. С. 49.
- Берс Е. М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1951. № 21. С. 182—236.
- Берс Е. М.* Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск: Кн. изд-во, 1959.
- Бирюков В.* Уральский дедушка науки // Урал. хоз-во. 1918. № 46. С. 13—14.
- Бублейников Ф. Д.* Геологические поиски в России. М.: Госгеолтехиздат, 1956. С. 224.
- Бублейников Ф. Д.* История открытий ископаемых богатств нашей страны. М.: Госгеолтехиздат, 1948. С. 90.
- Буранов Ю.* Краевед Урала: (К 115-летию со дня рождения О. Е. Клера) // На смену! 1960. 6 марта.
- В ответ на статью «Дедушка уральской науки»: (Письмо в редакцию) // Урал. хоз-во. 1918. № 47. С. 22—23.
- Говорухин В. С.* Флора Урала. Свердловск: Кн. изд-во, 1937. С. 41.
- Горчаковский П. Л.* О. Е. Клер — исследователь флоры Урала // Ботан. журн. 1960. Т. 45, № 9. С. 1386—1389.
- Д. Н. Мамин-Сибиряк* в воспоминаниях современников. Свердловск: Кн. изд-во, 1962. С. 104.
- Жокин И. И., Тимофеев В. И. Д. И. Менделеев и Уральское общество любителей естествознания* // Вопр. истории естествознания и техники. 1962. Вып. 12. С. 176—178.
- Зорина Л. И.* «Вложил всю свою душу» // Веч. Свердловск. 1985. 5 марта.
- Кашеваров М.* Переписка краеведа О. Е. Клера // Урал. рабочий. 1946. 25 янв.
- Макаров П. П.* Указатель к томам 1—40 «Записок Уральского общества любителей естествознания» в Екатеринбурге (Свердловск) с 1871 по 1928 гг. Свердловск: изд. УОЛЕ, 1930.
- Малахов М. В.* УОЛЕ в Екатеринбурге // Екатеринбург. неделя. 1885. № 12.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Город Екатеринбург: (Ист. очерк) // Город Екатеринбург: Сб. ист.-стат. и справ. сведений по городу. Екатеринбург, 1889. С. 52.
- Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал. СПб., 1890. С. 589. Неопубликованное письмо Менделеева О. Е. Клеру // Веч. Свердловск. 1959. 17 февр.
- О. Е. Клер: [Некролог] // Урал. рабочий. 1920. 21 янв.
- Петульников А. Н.* Критический обзор Московской флоры // Ботан. зап., изд. при Ботан. саде Имп. Санкт-Петербург. ун-та. 1896. Т. 6, вып. 13. С. 11, 25.
- Русские ботаники: Биограф.-библиогр. словарь / Сост. С. Ю. Липшиц. М.: МОИП, 1952. Т. 4. С. 190—192.

- Рыжников Н. А.* Доисторическая жизнь у Исетского озера // *Округ.* 1927. № 18. С. 66.
- Свердловская магнитная и метеорологическая обсерватория.* 1836—1936. Свердловск, 1936. С. 34—39.
- Симский П.* Юбилей УОЛЕ // *Урал. техник.* 1910. № 11—12. С. 27—28.
- Сюзев П. В.* 40-летие УОЛЕ в Екатеринбурге // *Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та.* 1911. Т. 12, вып. 2. С. 196—203.
- Удинцев С. А. О. Е. Клер:* [Некролог] // *Урал. рабочий.* 1920. 24 янв.
- Удинцев С. А. О. Е. Клер:* (Предварит. биограф. очерк) // *Зап. УОЛЕ.* 1924. Т. 39. С. III—IX.
- Удинцев С. А.* Увековечение памяти *О. Е. Клера* // *Урал. рабочий.* 1920. 17 апр.
- Федченко Б. А.:* [Рецензия] // *Изв. Имп. ботан. сада Петра Великого.* 1914. Т. 14, вып. 4—6. С. 513—514. — Рец. на кн.: *Клер О. Е. Материалы о флоре Уральского края. Статьи 7 и 8* // *Зап. УОЛЕ.* 1914. Т. 34, вып. 7—8. С. 105—145.
- Хандросс Л. М.* Автограф Фритьофа Хансена // *Урал. рабочий.* 1961. 10 окт.
- Черданцев А. А.* К юбилею *О. Е. Клера* (12 февраля 1845 г.) // *Заурал. край.* 1915. 12 февр.
- Чествование О. Е. Клера* // *Екатеринбург. неделя.* 1891. № 1.
- Ярков В.* Краеведческий центр Урала // *Свердловск.* 1946. С. 72—77.

Именной указатель

- Абамелек-Лазарева М. П. 88
Абельс Г. Ф. 58, 59
Абельс Р. Г. 20
Аленицын В. Д. 34
Антипин М. 50
Анфиногенов А. А. 114
Аргентовский Ю. П. 75, 90
Архипова Н. П. 8, 114
Арцуруни А. Е. 83
- Бай де И. А. 30, 73
Барнес Г. Ф. 56
Батманов А. Н. 90
Бекетов А. Н. 20
Берс Е. М. 65, 69, 70, 114
Бирюков В. П. 6, 114
Благовещенский Н. А. 109
Борноволоков Д. 50
Бородин И. П. 8, 53
Брсм А. 23
Врюзанов А. 61, 62
Бублейников Ф. Д. 114
Буранов Ю. А. 114
- Вагнер Н. П. 20, 46
Верхоланцев В. В. 14
Вильд Г. И. 54
Вологодский П. М. 32
Всеволодов В. В. 85, 86
- Гаккель А. И. 72
Гебауер Ф. Ю. 62, 63, 76
Гельм Г. П. 18, 52, 103, 109
Гельм П. П. 109
Гельмерсен Г. И. 26
Гендрихов И. М. 81
Герман И. Ф. 24
Глинка С. Ф. 39, 45
Гмелин И. Г. 16
Говорухин В. С. 114
Голль Д. 36
Голубков М. В. 85
Гольшев П. С. 18
Гомельская С. Э. 8
Горбунов Ю. А. 8
Горчаковский П. Л. 5, 7, 8, 114
Гофман Э. К. 101
Грамматчиков В. А. 22
Гроздов В. П. 13, 57
Грюнвальд М. О. 101
- Дарвин Ч. 10
Декандоль А. 26
Делянов И. Д. 89
Дидковский Б. В. 94
Дмитриев А. А. 8
Доброчасов Е. 93
Добрынин И. 36
Дружинин В. Г. 43, 74
- Емлин Э. Ф. 8
Еремеев П. В. 30
Евграф О. 64
- Жиранд де Сунантон Э. А. 84
Жогиин И. И. 27, 114
Жуков Л. Н. 113
- Залесский М. Д. 45
Зарауф Ф. Л. 113
Зеленков Е. П. 80, 113
Знаменский И. Д. 85, 86
Золотова Н. Н. 86, 107
Золя Э. 96
Зорина Л. И. 114
Зыкова Л. И. 8
Зырянов А. Н. 32, 55, 110
- Иванов И. П. 24, 78
Иосса А. А. 18
- Кандыкин Ф. И. 42, 96
Карпинский А. П. 8, 26, 31, 34,
41, 45, 99, 104
Кауфман Н. И. 5, 12, 20, 49, 52,
53, 109
Кашеваров М. 114
Келле Г. В. 81, 82, 83, 84
Кетов Е. К. 26, 58
Клепичин Н. И. 113
Клер Ами 9
Клер В. О. 42, 60, 86, 90, 110
Клер Г. О. 42, 45, 86, 90
Клер Жорж-отец 9
Клер Жорж-сын 9
Клер Марианна 9
Клер М. Е. 9
Клер М. О. 33, 42, 45, 86, 90, 92
Клер Урбан 9
Клер Х. О. 86
Ковалева В. Т. 8
Кокшаров К. И. 103
Колосов Ю. М. 45
Коротков Е. Н. 41
Котелянский Б. О. 32, 80, 113
Крашенинников И. М. 41, 53, 99
Кривошеков И. Я. 8
Кролюцкий А. В. 85
Кронеберг А. И. 57
Крохалева Ф. М. 79
Крупин И. А. 103
Крыжановский В. И. 90
Крылов П. Н. 49
Кузнецов Г. К. 42
Кузнецов Н. И. 48, 54
Кумберг Ю. А. 85
Кунц Г. Ф. 9
Куприянов Н. Г. 46
Кучин И. В. 42
- Ладыженский А. П. 81, 82, 83
Ленардцен И. И. 18
Лепехин И. И. 16
Липшиц С. Ю. 7, 114
Логинов С. В. 35
Лосиевский В. С. 18

Лютян А. И. 18

Макаров П. П. 114
Максимович К. И. 53
Малахов М. В. 26, 32, 62, 63, 64,
68, 75, 90, 114
Малахова С. В. 32
Малькольм У. 113
Мамин В. Н. 90
Мамин-Сибиряк Д. Н. 8, 22, 62,
72, 99, 100, 114
Марьян В. Я. 81
Машанов И. А. 85
Менделеев Д. И. 8, 27, 28, 114
Мензбир М. А. 34
Меннет И. Л. 81, 84
Метенков В. Л. 38
Миквиц Р. Г. 80, 113
Милорадов Н. 86
Миславский А. А. 17, 47, 50, 103
Миславский Н. А. 90
Миславский С. А. 90
Михеев Н. С. 42
Могильский А. Б. 80, 113
Моленшотт Я. 10
Мурчисон Р. И. 101
Мушкетов И. В. 8, 34, 77, 78, 104,
105

Наansen Ф. 8, 43, 105, 115
Наумов П. А. 32
Немирович-Данченко В. И. 23, 114
Немо 12
Нестеровский Я. К. 109
Никитин Н. А. 39, 52
Новокрещенных Н. Н. 8, 88
Норденшельд А. Е. 23
Носилов К. Д. 8, 41, 80, 113

Обреимов В. И. 85, 86
Остен-Сакен Ф. Р. 26
Ощепков И. Н. 18, 109

Павлов М. В. 38, 45
Паллас П. С. 16
Панаев Ф. Н. 57
Пастухов Д. И. 13
Первущин И. М. 8
Петровский А. С. 13, 20
Петуникоff А. Н. 39, 49, 53, 114
Позняков В. П. 85, 86
Покровский М. П. 8
Полежаева Р. В. 95
Поляков И. С. 34
Португалов В. О. 19

Раунер С. Ю. 63
Ренар К. И. 20
Рудановский П. В. 18
Рыжников Н. А. 62, 66, 68, 69,
70, 75, 115
Рыкачев М. А. 8, 56

Сабанеев В. П. 47
Сабанеев Л. П. 8, 13, 34, 47, 61,
62, 103

Сарри А. С. 63
Семенов-Тянь-Шанский П. П. 41
Сергеев С. И. 62
Сигов С. 61, 64
Симский П. 6, 115
Скалозубов Н. Л. 8, 42
Смышляев Д. Д. 24, 32
Соболев В. С. 68
Спицын А. А. 74
Сторожева М. М. 8
Стрижев Н. Г. 97
Сюзев П. В. 6, 8, 53, 115

Теплоухов А. Е. 49, 61
Теплоухов Ф. А. 49, 67
Теплоуховы 8
Терехов И. А. 18
Терехов Н. А. 38
Тимашев Н. К. 18
Тимофеев В. П. 27, 114
Толмачев В. Я. 7, 42, 45, 65, 75,
90
Толстой Д. А. 89
Толстой Л. Н. 92
Траутфеттер Р. Э. 19, 53
Траутшольд Г. А. 23, 26
Троицкий В. В. 44
Трубецкие 11
Туржанский В. А. 50

Уварова П. С. 65
Удинцев Б. Д. 99
Удинцев В. А. 90
Удинцев С. А. 6, 29, 52, 90, 99,
115

Фавр-Гийом 10
Фаддеев К. И. 62, 65, 67, 68, 75,
111
Федченко Б. А. 52, 115
Ферсман А. Е. 8, 45, 105, 106
Филингов М. И. 81
Фогт К. 10
Фритше Г. А. 57, 80, 113

Хандросс Л. М. 6, 7, 11, 35, 42,
45, 110, 115

Чердынцев Н. А. 90
Чернышев Ф. Н. 41
Черский И. П. 35
Чупин Н. К. 5, 17, 20, 26, 32
Чупкаев С. Е. 90

Шереметьевский А. А. 113
Шестаков И. Д. 13
Шишовко В. Н. 8
Шренк Л. И. 53
Штейнберг Д. 110
Шугаев К. Д. 18
Шульц Л. Е. 97
Шуровский Г. Е.

Ярков В. П. 59, 74, 79, 115
Яковлев С. И. 113

Оглавление

От автора	5
Глава I	
На пути к Уралу	9
Детство и юность. Швейцария, Италия	9
Петербург, Москва, Ярославль	12
Глава II	
Общественно-краеведческая деятельность на Урале . .	14
Создание УОЛЕ	14
Ученый секретарь, редактор «Записок»	22
Организатор и хранитель музея	33
Во главе УОЛЕ	40
Глава III	
Научная деятельность. «Асбестовое» дело	46
О. Е. Клер — ботаник	46
О. Е. Клер — метеоролог и фенолог	54
О. Е. Клер — археолог	61
Научные интересы краеведа	75
«Асбестовое» дело	81
Глава IV	
Педагог. Семьянин. Человек	84
Глава V	
В последние годы жизни	91
Заключение	99
Приложение. Из переписки О. Е. Клера с известными учеными	101
О. Е. Клер. Краткий обзор современного состояния естественноисторического исследования Уральского края	107
Основные даты жизни и деятельности О. Е. Клера . .	116
Библиография	118
Основные труды О. Е. Клера	118
Использованная литература	123
Именной указатель	125

Научное издание

Зорина Людмила Ивановна

Описки Егорович Клер

1845—1920

Утверждено к печати
редколлекцией научно-биографической серии
Академии наук СССР

Редактор издательства В. П. Большаков
Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор М. И. Джиоева
Корректоры Н. А. Несмеева, М. Ф. Сафонова

ИБ № 39737

Сдано в набор 06.12.88

Подписано к печати 09.02.89.

Т-07506. Формат 84 × 108^{1/32}

Бумага книжно-журнальная импортная

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр. отт. 6,93. Уч.-изд. л. 7,1

Тираж 7400 экз. Тип. зак. 1073

Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград,

В-34, 9 линия, 12

Опечатка: на с. 19 под фотоиллюстрацией вместо "Основатели УОЛЕ" следует читать: "Основатели Общества для исследования Ярославской губернии".

Л. И. Зорина

**Онисим Егорович
КЛЕР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА

Казаков Б. И.

ИСААК САВЕЛЬЕВИЧ МУСТАФИН

1908—1968

Книга — первая научная биография известного советского химика-аналитика, профессора Саратовского университета Исаака Савельевича Мустафина. Основные его труды посвящены исследованию нефти — он высказал и обосновал свои соображения о процессах нефтеобразования и о возможности вертикального и горизонтального перемещения нефтяных залежей, показав это выведенными им кривыми приуроченности мировых запасов горючих ископаемых к различным геологическим периодам.

Для читателей, интересующихся историей отечественной науки.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:
 480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Гуйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петро-заводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.